

С. С. Черников

- ▶ ЗОЛОТОЙ КУРГАН
- ▶ СКОЛЬКО ЖЕ ЕМУ ЛЕТ?
- ▶ ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОХОДЫ
- ▶ ЗАГАДКА «СКИФСКОГО ИСКУССТВА»

Загадка ЗОЛОТОГО КУРГАНА

*Где и когда зародилось
«скифское искусство»*

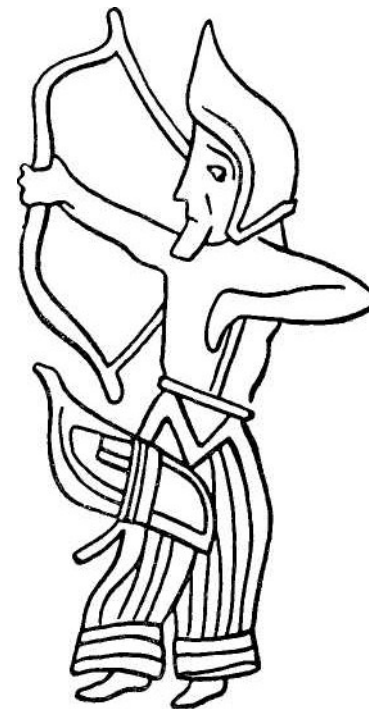
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

Стерлякинский
госпедический институт
БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 452172

Содержание

ЗОЛОТОЙ КУРГАН	7—4
4	
Обыкновенная экспедиция. Что известно из литературы. Какой он, курган. Находок было много	
СКОЛЬКО ЖЕ ЕМУ ЛЕТ!	45—6
7	
Начнем с вело графин. Олени- Орлы. «Пантеры». Кабаны. Рыба. Выводы	
ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОХОДЫ	68—109
Что такое кочевое скотоводство. О чем говорят документы. «Вот идет народ из северной страны». «Цари» и «царства». Кровавый пир Киаксара. Исторические итоги походов кочевников. Пути на запад и юг. Прав был Геродот	
ЗАГАДКА «СКИФСКОГО ИСКУССТВА»	110—14
0	
Постановка проблемы. О чем говорит дата. Причерноморские скифы. «Клад» в Зивие. Разные гипотезы. На чем остановиться? Корни «скифского искусства». А вопрос остается все-таки неясным. Суммируя изложенное	
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	141
ПРИМЕЧАНИЯ	142
ПРИЛОЖЕНИЯ	155—188
1. С. А. Семенов. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана. 2. Анализы металлов из кургана 5. 3. Определение материала инкрустаций. 4. Список пунктов находок втульчатых наконечников стрел. 5. Описание раскопок кургана	7 15
6	

*Три человека
строят культуру:
ученый, художник и
рабочий.*

М. ГОРЬКИЙ

Золотой курган

В 1960 г. Восточно-Казахстанской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством автора раскопан курган, находки в котором несомненно имеют большое историко-художественное значение. Это была обычная небольшая археологическая экспедиция. Помимо начальника, в ней участвовали студент архитектурного отделения Института им. Репина М. А. Петухов, лаборант Н. А. Журавлев, 15 студентов Усть-Каменогорского педагогического института и два школьника. Пользуясь случаем, приношу всем им свою глубокую благодарность за самоотверженную работу, обеспечившую успех экспедиции.

Эта книга представляет собой по сути дела археологический отчет, рассказ о полевой работе археолога, первую публикацию и исследование добытых во время раскопок материалов.

Обыкновенная экспедиция

Мы выехали из Усть-Каменогорска 12 июля 1960 г. и, проделав путь около 600 км, на следующий день были на месте. Недалеко от курганов натянули палатки, разложили спальные мешки — и лагерь готов. Затем оборудовали кухню: положили на землю несколько саманных кирпичей, поставили на них два котла и развели огонь. Соорудили и столовую — выкопали кольцевую канавку и сели, свесив в нее ноги. В центре получился вполне хороший стол. Вокруг этого сооружения воткнули колья, натянули мешковину, чтобы за обедом не пекло солнце, и стало совсем уютно. Рабочий день, начинавшийся в 6 часов утра, был трудным. Тем не менее вечером мы и в волейбол играли, и песни пели, и лекции по археологии слушали, словом — скучать было просто некогда. Аппетиты на такой работе отменные; особенно приветствовалась покупка в совхозе барана, который уничтожался довольно быстро. А однажды наши мальчишки явились поздно вечером невероятно измазанные и мокрые, но сияющие; они принесли столько мелкой рыбы, что ее хватило на завтрак всей экспедиции. Километрах в семи от лагеря протекала небольшая речка, где кое-что поймать было можно. Никаких особых приключений не случилось.

Самые же сильные переживания были на кургане, когда пошли золотые находки. Да и не мудрено: ведь курган 5, о котором пойдет речь, был третьим раскопанным в этот полевой сезон. В нем сразу четко обозначился грабительский ход; первые же два кургана были ограблены дочиста и почти ничего, кроме разрозненных костей, не дали. Для начальника экспедиции — ощущения довольно сильные! Вообще, надо сказать, что при раскопках больших курганов требуются терпение и изрядная доза оптимизма: уж очень часто надежды

археологов не оправдываются. От всей души проклинаешь безвестных древних грабителей, но от этого не легче...

24 августа, закончив все работы, с находками, радостные и торжествующие, мы вернулись в Усть-Каменогорск.

Что известно из литературы

Чиликтинская долина, где велись эти раскопки, расположена примерно в 100 км южнее оз. Зайсан, между хребтами Монрак и Гарбагатай, на высоте 1300—1500 м от уровня моря (рис. 1). Размеры ее примерно равны площади 80 X 30 км, поверхность очень ровная, под тонким почвенным слоем — галечник и суглинки ледникового происхождения. Эти места чрезвычайно благоприятны для скотоводства и издавна служили превосходными пастбищами для кочевников¹. Мягкие зимы, слабый снежный покров, хороший разнообразный травостой и достаточная орошаемость ценились кочевниками уже в глубокой древности, о чем свидетельствуют огромные, величественные курганы, являющиеся наиболее характерной чертой здешнего пейзажа. Многолетние археологические разведки в Восточном Казахстане, да и в других местах с несомненностью показали, что курганные могильники эпохи ранних кочевников всегда находятся в районах зимних пастбищ и никогда — на летних. Это и понятно, так как именно зимние пастбища обеспечивали сохранность стада. На них и устраивали могилы предков, чтобы закрепить эти пастбища за собой. Этот обычай прошел сквозь века; казахи и киргизы до недавнего времени хоронили своих умерших только на зимовках. «Места для зимовок избирают с большим расчетом и сметливостью и преимущественно такие, которые бы совершенно удовлетворяли всем потребностям кочевой жизни. Для защиты от ветров и заносов снегом зимовки строятся подле лесов, камышей, гор, высоких берегов рек»².

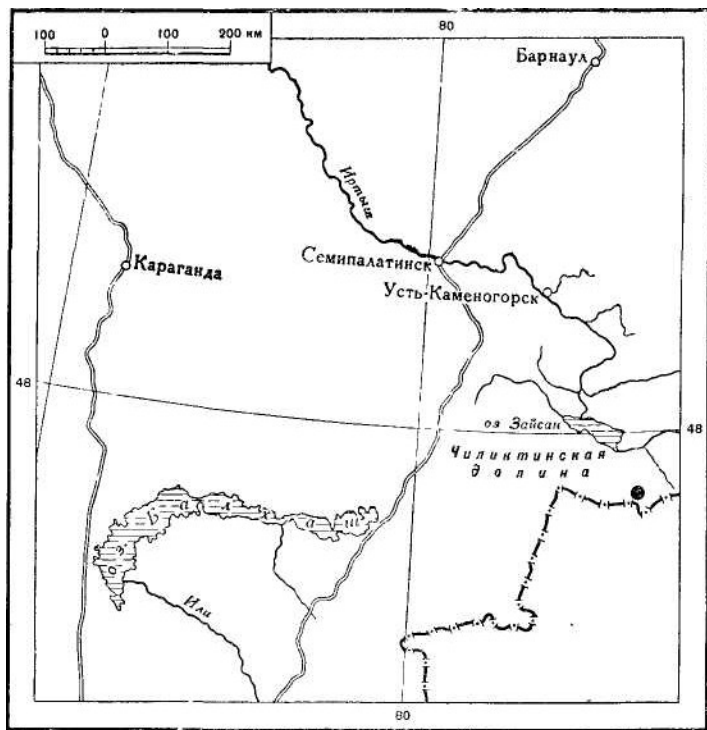

Рис. 1. Местоположение Чиликтинской долины] (•)

Первые сведения об археологических богатствах Чиликтинской долины появились в «Томских областных ведомостях» за 1869 г. (№ 29) и в «Сибирской газете» за 1881 г. (№ 9), где сообщалось, что долина «вся усыпана курганами больших размеров». О том же писали семипалатинские краеведы В. Никитин и Н. Коншин³. Последний, основываясь на опросах волостных старшин, указывал, что в Чиликтинской долине в 72 пунктах находятся 1675 курганов. Сведения эти оказались преувеличены. В 1899 г. чиновник особых поручений при Степном генерал-губернаторстве А. П. Плахов представил в Археологическую комиссию золотое украшение с зернью из Зайсанского уезда⁴ и взял от комиссии 100 рублей на раскопки большого

кургана в Чиликтинской долине. Комиссия потом долго и безрезультатно разыскивала Плахова, который не отчитался в полученной сумме, но так и не нашла. Никаких следов его деятельности в долине нет⁵. В 1909 г. семипалатинский гидротехник Г. Н. Бокий начал раскопки большого кургана в урочище Чаган-обо (восточный угол долины). Обвал земли заставил прекратить работы, но летом следующего, 1910 г. они были им возобновлены. «Дошли до сруба», однако новый обвал вынудил Г. Н. Бокия окончательно прекратить раскопки⁶. Следы его работы в виде широкой глухой траншеи на этом кургане видны и сейчас. В том же году по инициативе В. В. Радлова предполагалась экспедиция Академии наук для раскопок этих курганов, но она не состоялась (ИАК, 1910, стр. 183). Упоминались они также и в 1914 г.⁷ Вот и все, что было известно из литературы.

Какой он, курган

Первая специальная археологическая разведка Чиликтинской долины была проведена Восточно-Казахстанской экспедицией ЛОИА АН СССР в 1949 г.⁸ Тогда же нами был раскопан в центральном могильнике один курган (7), в котором были найдены золотые бляшки, выполненные в скифо-сибирском «зверином стиле», и другой материал, относящийся ко второй половине V в. до н. э. (см. приложение 5). На находках этого кургана мы еще остановимся ниже. Работы экспедиции в долине проводились также в 1959, 1961 и 1962 гг., но с гораздо меньшим успехом, так как раскопанные нами курганы хотя и дали кое-какой интересный материал, но все же далеко не такой богатый, как курган 5.

Обследование показало, что примерно посередине долины, у центральной усадьбы совхоза «Чиликтинский», находится самый большой могильник, состоящий из 51 кургана, растянувшийся на 8 км общим направлением СЗ-ЮВ (рис. 2). Большинство курганов разбросаны неправильными группами, однако две группы— № 32—41 и 3, 4, 5, 14 — расположены цепочками,

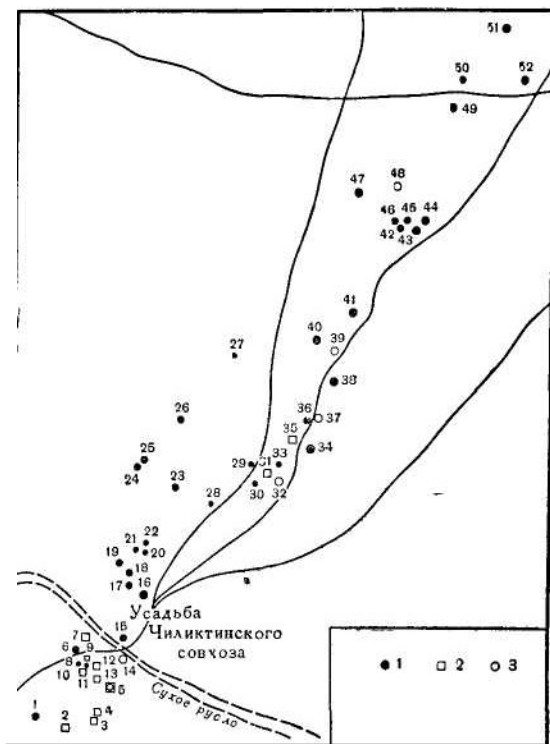

Рис. 2. План центрального могильника Чиликтинской долины

1 — курганы; 2 — курганы, раскопанные Восточно-Казахстанской экспедицией ЛОИА АН СССР; 3 — курганы с казахскими мазарами на вершинах. Цифрами (1—52) обозначены курганы

идущими с С на Ю. Все они имеют земляную насыпь с пологими склонами, поросшими редкой жесткой травой. Воронок, свидетельствующих о грабительских раскопках недавнего времени, нет. На некоторых курганах заметны заплывшие углубления, видимо, образовавшиеся при оседании могильного сооружения. 13 курганов в этом могильнике имеют диаметр около 100 м при высоте 8—10 м, остальные — от 20 до 60 м в диаметре и от 2 до 5 м высотой. На четырех больших курганах выстроены казахские мазары (могилы).

В других местах долины расположены еще четыре Могильника, состоящие из курганов того же типа, но меньшего количества. Бросается в глаза, что в Чиликтинской долине совершенно нет могильников, состоящих из многочисленных маленьких (10—15 м в диаметре) курганов этого типа, которые так характерны для долины верхнего Иртыша и северных склонов Монрака и Тарбагатая.

Курган, раскопанный в 1960 г., обозначен на плане этого могильника под номером 5. Он имел правильную круглую форму с уплощенной вершиной и пологими скатами. Диаметр его — 66 м, высота — 6 м (табл. 1, 1). Никаких ям, западин или иных повреждений курганной насыпи не наблюдалось. Раскопки велись сквозной траншеей шириной 25 м, с оставлением двухметровой бровки для выяснения профиля курганной насыпи. При снятии насыпи применялся бульдозер на тракторе С-80 (табл. 1, 2). Расчистка могильного сооружения (начиная от каменного завала) велась вручную. Стенки траншеи и бровки систематически зачищались лопатами. Все разрезы и высотные отметки делались по нивелиру от уровня современной поверхности почвы.

В центре слои курганной насыпи оказались неполными и перемещенными, что объясняется обнаруженным здесь грабительским раскопом и естественным развеиванием верхушки кургана; по краям они сохранились хорошо. Впускных погребений, как и в подавляющем большинстве других раскопанных курганов этого могильника, не обнаружено.

В результате раскопок удалось воссоздать картину сооружения кургана и его последующего ограбления.

На совершенно ровной поверхности почвы, почти совпадающей с современной, его строителями была выкопана точно ориентированная по сторонам света квадратная яма размером 7,10 X 8,30 м, глубиной около 1 м. Выбросы земли из нее прослеживаются на южной и северной стороне у СВ и ЮВ углов. Такая незначительная глубина может быть объяснима близостью подпочвенных вод. От центра ямы, немного ближе к восточной стенке, была выкопана прямая канава-дромос шириной 2 м и глубиной 1 м, идущая строго с В на З. Прослежена она на 12 м и далее уходит под стенку раскопа, расширить который мы уже не могли

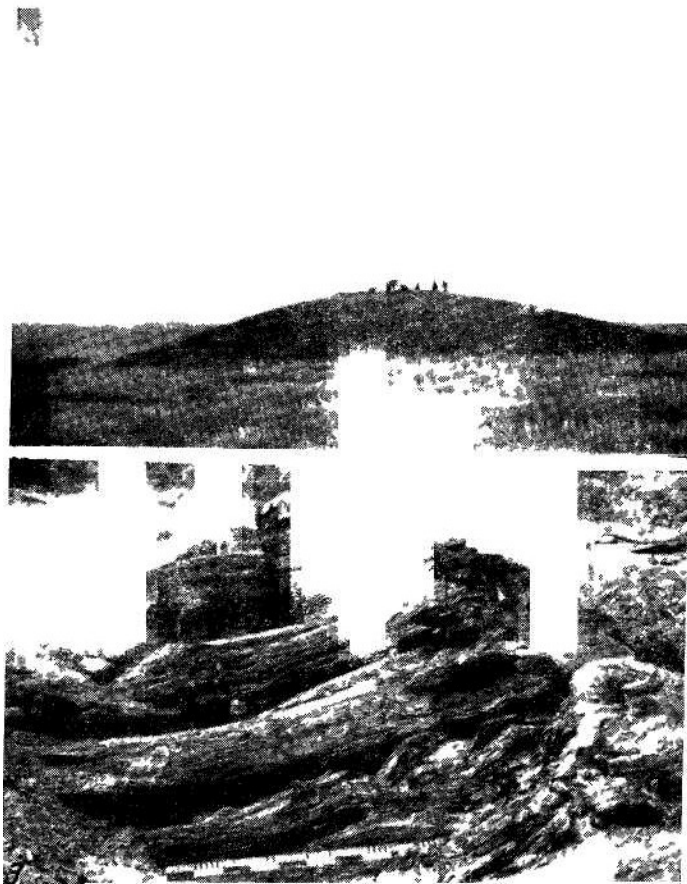
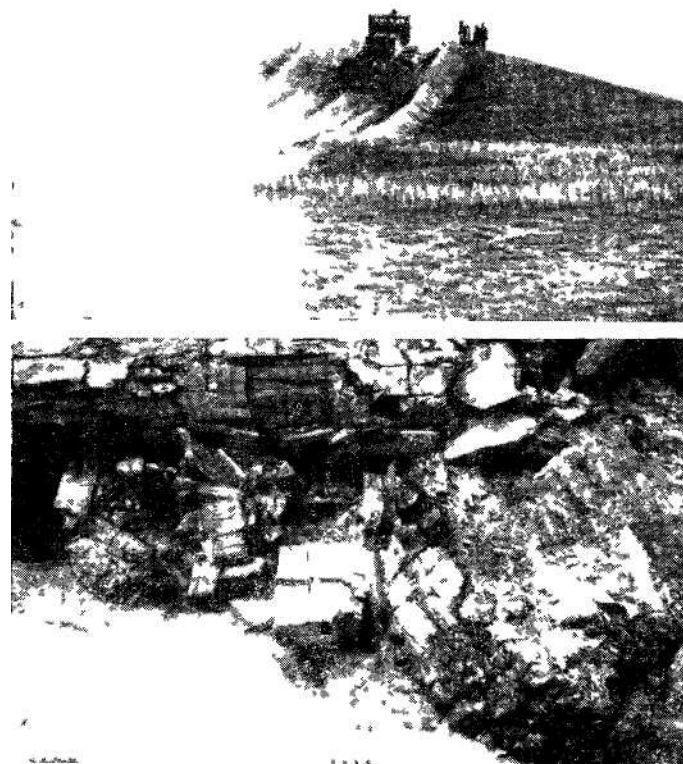

Таблица I. Этап раскопок кургана

1 - начало раскопок кургана 5, 2 — работа бульдозера, сооружения; 4 — остатки деревянного пола

3 — бревна покрытия северо-западного угла могильного в северо-западном углу могильного сооружения

(табл. II) *. В могильной яме было сложено квадратное сооружение площадью 4,8 X 4,60 м и высотой 1,20 м, из двух рядов толстых, до 70 см, лиственничных бревен и с потолком из одного ряда таких же бревен. Сохранность бревен относительно хороша, но гораздо хуже, чем, например, в Пазырыкских курганах. Древесина на всю глубину мягкая, темно-коричневого цвета и легко рассыпается на мелкие кусочки. Ни одно бревно целиком взять было нельзя. Там, где бревна соприкасались друг с другом, их поверхность слегка обожжена. Обжиг производился в самой яме, о чем свидетельствует небольшое количество мелких угольков у стенок. Бревна положены друг на друга без всяких креплений и вырубок, образуя собой клетку, а не сруб. Промежутки между ними и все пространство между сооружением и стенками ямы заполнены битым камнем, что предохраняло бревна от расползания.

Никаких дверных проемов нет. Южная стенка сооружения пересекает под прямым углом дромос почти в 3,5 м от его начала, проходя над ним. В места их пересечения забиты вертикально такие же лиственничные бревна — одно у ЮВ и четыре у СВ угла. Начиная от внешнего края стенки, дромос был забит камнем и перекрыт сплошным накатом бревен (табл. III— V). Все бревна были привезены, вероятно, не ближе чем за 40 км из восточной части долины, где лиственничные леса есть и сейчас, битый камень — с ближайших гор, километров за 15. В западной части сооружения был пол из толстых струганых досок (табл. I, 4). Проследить его площадь точно не удалось, но, по-видимому, он доходил до начала дромоса. На этот пол почти у западной стенки, посередине, были положены два погребенных там человека и сопровождавшие их вещи **. Никаких следов деревянного гроба, колоды,

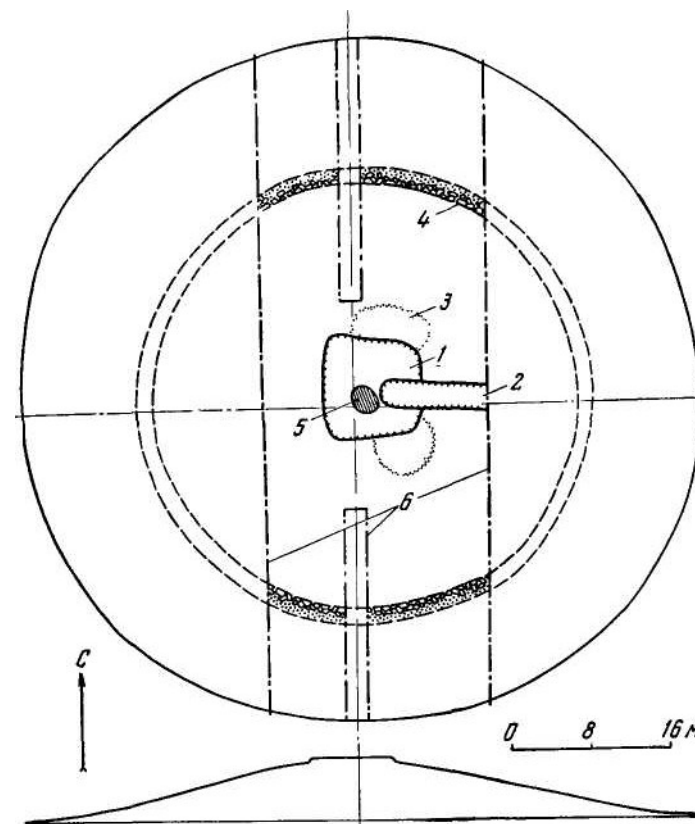

Таблица II. План и профиль кургана 5

1 — могильная яма; 2 — дромос; 3 — земля, выкинутая на поверхность при рытье ямы; 4 — кольцо из крупных камней по окружности кургана; 5 — грабительский ход; 6 — раскоп

столиков или других крупных предметов из дерева не обнаружено, хотя, судя по сохранности бревен (особенно в СВ углу), они несомненно должны были бы

* Судя по раскопкам других курганов, эта канава-дромос за- капчивается пологим скатом, без каких-либо дополнительных сооружений и захоронений. В античной археологии дромосом называется входной коридор, ведущий к погребальному сооружению.

** Оба черепа погребенных были найдены в обломках, которые удалось склеить. Антропологическое определение, произве-

денное в ИЭ АН СССР профессором В. В. Гинзбургом, дало следующее: 1) мужчина — 40—50 лет, череп брахикранный, европеоидный, андроновского типа; 2) женщина — 50—60 лет, череп смешанного европеоидно-монголоидного типа.

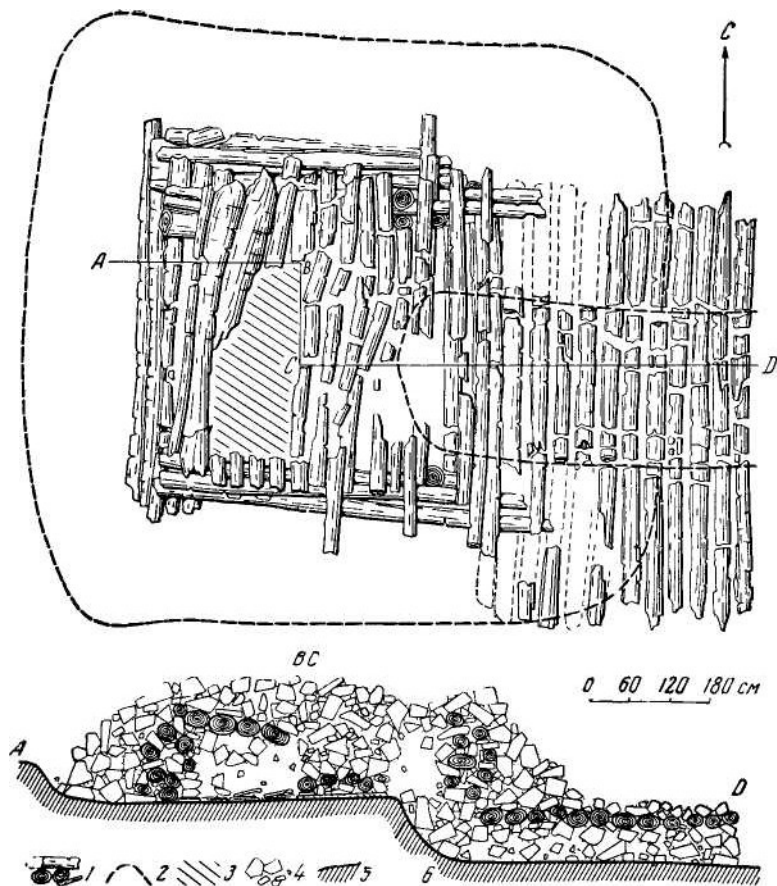

Таблица III. План могильного сооружения на уровне потолка бревенчатой камеры и ее продольный разрез 1 — бревна; 2 — могильная яма и дромос; 3 — грабительский ход; 4 — камни; 5 — материк; 6 — засыпь грабительского хода

в той или иной степени сохраниться. Покойников скорее всего пронесли через дромос, а затем после совершения последних погребальных обрядов плотно уложили бревна, образующие крышу. После похорон все сооружение было засыпано крупным битым камнем. Толщина слоя камней над бревнами крыши — 1,0—

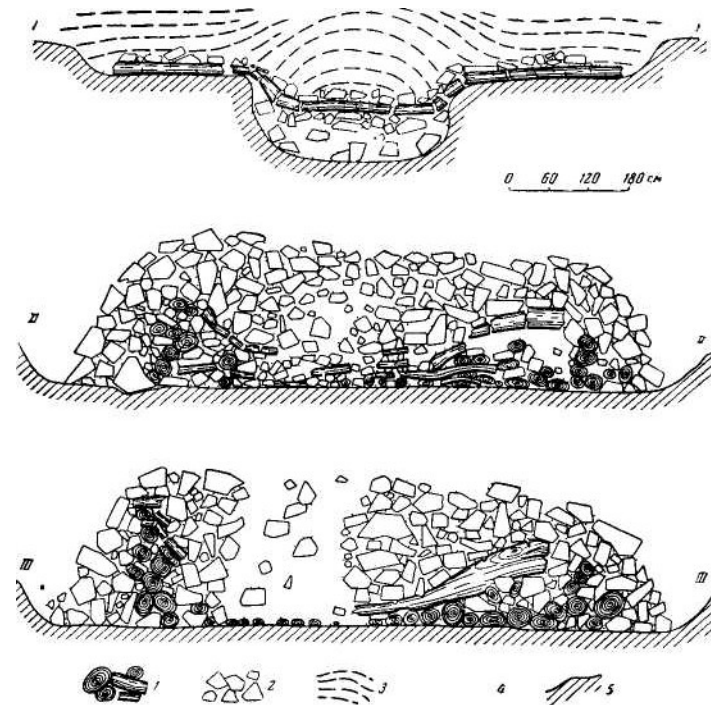

Таблица IV. Поперечные разрезы могильного сооружения

1 — бревна; 2 — камень; 3 — битая глина; 4 — засыпь грабительского хода; 5 — материк

1,20 м (табл. VI). Поверх камней была сооружена круглая насыпь из очень плотной, битой, желтоватого цвета глины, диаметром 40 м и высотой в сохранившейся части — 5 м (на вершине кургана она уничтожена грабительским раскопом). Выше глины была насыпана земля с мелкой галькой. Толщина слоя у основания кургана — 3 м. Поверхность кургана была затем облицована крупной светло-серой галькой диаметром в среднем около 15 см.

Цепочка огромных белых курганов на ровной, как стол, зеленой долине, окруженной желтовато-синеватыми горами, на фоне ярко-голубого неба несомненно представляла очень эффектное зрелище. С течением времени облицовка сползла вниз и составляет сейчас

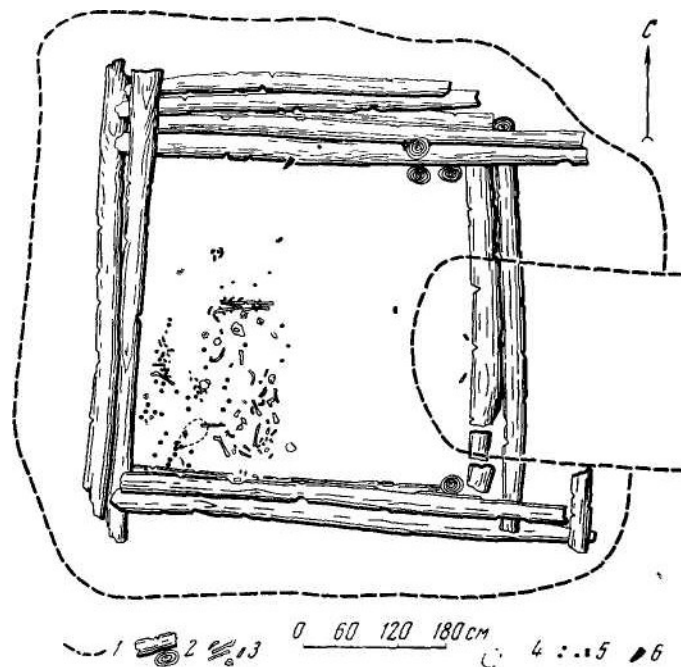

Таблица V. План могильного сооружения на уровне дна ямы

1 — могильная яма и дромос; 2 — бревна; 3 — кости человека;
4 — место скопления мелких золотых украшений; 5 —
отдельные золотые украшения; 6 — остатки колчана

у подножия слой почти в 1 м толщины, который, утончаясь кверху, сходит на нет. Видимо, на поверхности насыпи эта галька закреплена не была (табл. VI). У основания кургана было выложено кольцо из трех рядов крупного битого камня. Глину (вернее суглинок), землю и гальку брали в русле высохшей сейчас речки, метрах в двухстах. Архитектура кургана № 5 сейчас выяснена во всех существенных подробностях и может быть реконструирована с достаточной точностью (табл. VII)*. Первоначально он имел вид круглой покрытой

* Реконструкция сделана по полевым чертежам и обмерам М. И. Петухова.

галькой насыпи диаметром 45 м высотой около 10 м, с довольно крутыми склонами. Могильное сооружение находилось точно под вершиной кургана. С течением времени насыпь осела, была частично развеяна ветром и стала ниже и шире, стабилизировавшись в тех размерах, какие мы и зафиксировали.

Погребения в кургане были разграблены, вероятно, лет через 50 после захоронения. Грабители заложили в центре кургана вертикальный шурф. Верхний диаметр его неясен, нижний — в слое битого камня — 2 м. Ими были выбраны слои насыпи и все камни перекрытия, часть которых оказалась в засыпи шурфа, а затем вырублены тогда еще не сгнившие бревна перекрытия. Следы рубки каким-то металлическим орудием с узким лезвием были заметны на южной стороне грабительского отверстия. Шурф вышел почти в центр могильного сооружения, ближе к ЮЗ углу. Грабители проникли в него уже после того, как трупы почти совсем разложились. Дрожа от страха перед возможным обвалом и стаскивая, по-видимому, уже со скелетов крупные ценные предметы и полуистлевшие одежды с множеством золотых украшений, они разбросали кости, отдельные бляшки и бусы по всему пространству прорытого ими хода. Часть черепной крышки мужчины оказалась даже на 3 м выше в засыпи шурфа. На месте в анатомическом порядке остались лежать только две бедренные и берцовая кости погребенного мужчины, лежавшего севернее (рис. 3). Может быть, на этих костях еще не все связки успели сгнить. Видимо, одно из бревен перекрытия у северной стенки тогда уже упало и частично придавило колчан, лежавший на деревянном полу. На месте остались 8 бронзовых наконечников стрел и 4 золотые фигурки оленей (табл. VIII—IX). Судя по тому, что два оленя лежали на полу камеры лицевой стороной, а два — обратной, эти бляшки были нашиты на обеих сторонах колчана. Следовательно, можно предположить, что во время погребального обряда колчан не лежал, а висел на чем-нибудь рядом с покойником так, чтобы его можно было видеть со всех сторон. Остальные 10 оленей, украшавших этот колчан, и 5 наконечников стрел лежали поблизости, но уже разрозненно. В ЮЗ части могильного сооружения, главным образом на площади грабительского хода, были найдены разбросанные

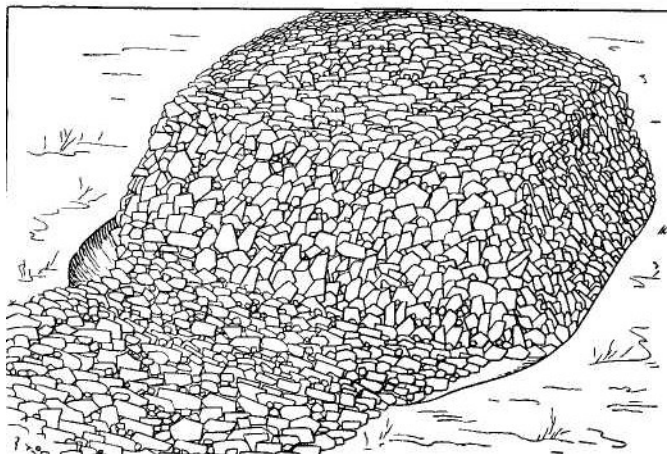
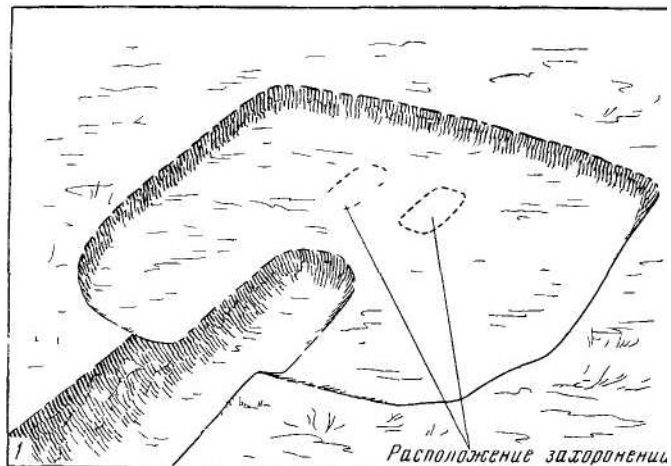
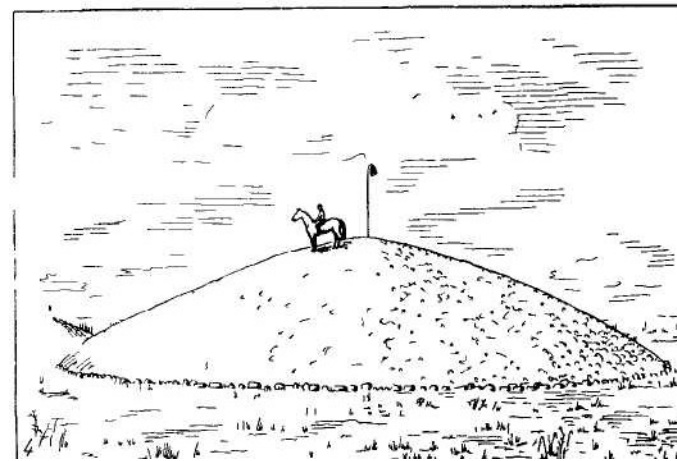
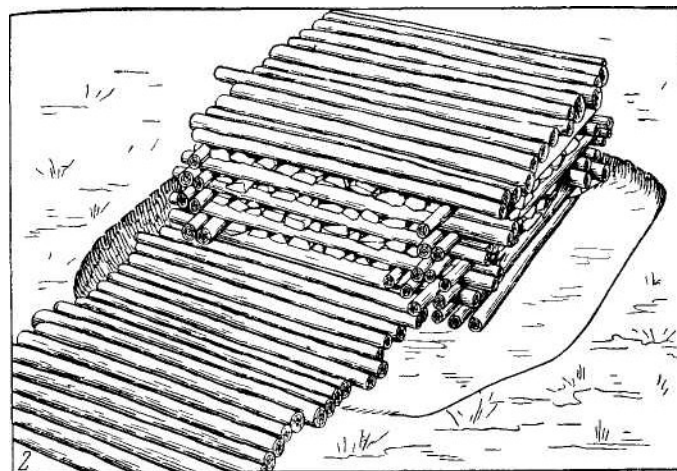

Таблица VII. Реконструкция могильного сооружения 1 —
могильная яма и дромос; 2 — камера, сложенная
насыпь над могильным сооружением, 4 — предпола-

и кургана
из бревен, промежутки между бревнами забиты камнем, 3 —
каменная гаемый первоначальный вид кургана б

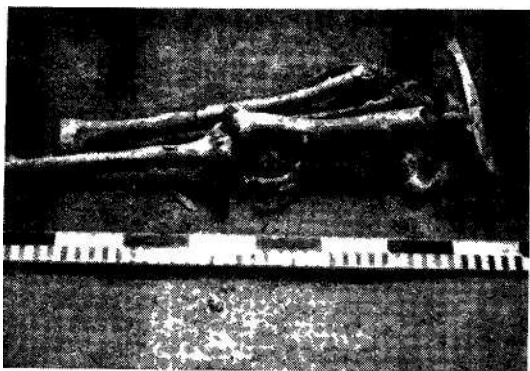

Рис. 3. Остатки костей погребенного мужчины, оставшиеся на месте после разграбления

в полном беспорядке золотые украшения от одежд, головных уборов, обломок железного предмета и отдельные, частично разломанные, кости человеческих скелетов (табл. V). Ниже дна ямы шел плотный материковый суглинок без каких-либо нарушений. Никаких тайников, ниш и дополнительных погребений, которые характерны для скифских курганов, нет, не оказалось также захоронений лошадей и керамики⁹.

Находок было много*

1. Бронзовые наконечники с т р е л — 13 экземпляров — и остатки колчана. Все наконечники стрел однотипные, массивные, длиной 4,5—5 см и шириной 1,2—1,4 см, асимметрично-ромбической формы, двуперые, с слегка выступающей выпуклой втулкой, без шипа (табл. X). Отлиты из хорошей бронзы (см. приложение 2). В двух наконечниках сохранились остатки древка. Под восемью

* Кроме наконечников стрел и уже упоминавшегося обломка железа, все остальное сделано из золота. В описаниях во избежание лишних повторений это не оговаривается,

Таблица VIII. Остатки колчана на полу могильной камеры. На месте сохранились восемь бронзовых наконечников стрел и четыре золотых оленя

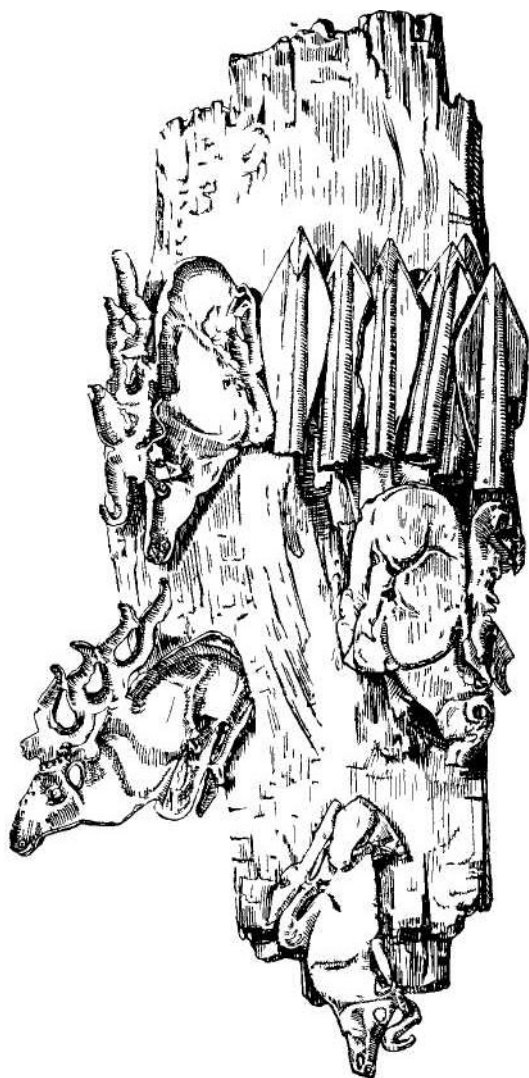

Таблица IX То же Прорисовка

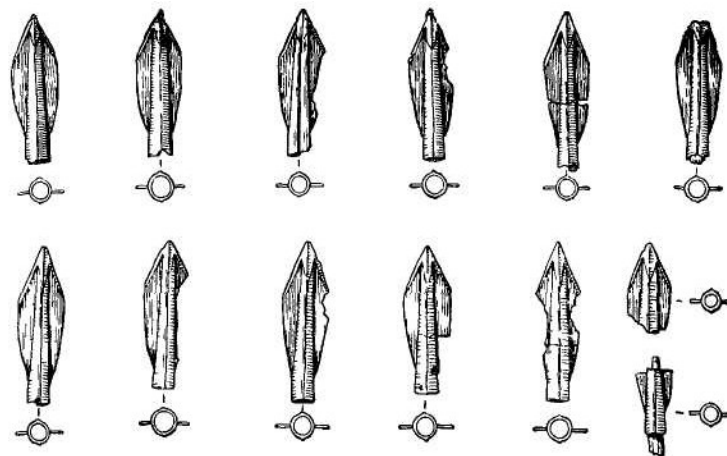

Таблица X Бронзовые стрелы. У двух из них сохранились остатки древка

стрелами, лежавшими плотной кучкой на полу погребального сооружения, благодаря консервирующему влиянию окиси меди, сохранился остаток самого колчана. Он был сделан из меха с коротким жестким и гус-1ым ворсом, вероятно, из шкуры ноги оленя или лошади. Шкура сшита сухожильными нитками редкими стежками (рис. 4). Судя по этому шву и оленям с весьма непрочными вставными инкрустированными ушами, колчан несомненно был сделан специально для погребения.

Здесь стоит рассказать об обстоятельствах находки этого колчана. Бульдозер свою работу закончил, и шла расчистка могильного сооружения. Грабительский ход вырисовывался очень отчетливо, и у меня на душе скребли кошки. Похоже было, что и этот курган окажется начисто разграбленным. Досадная, но вполне вероятная в тот момент перспектива. Вынесли на носилках все камни завала и начали разбирать бревна самой могильной камеры. Раскоп был сильно замусорен трухой и расслаивающимися кусочками темно-коричневого дерева, что также не способствовало хорошему настроению.

Нашли бронзовый наконечник стрелы, потом другой. Смотрим внимательно за каждой лопатой, но в завале

Рис. 4. Остатки олчана, сшитого сухожильной ниткой. Увеличено, одно деление равно одному миллиметру

трухлявого дерева ничего не видно. Вдруг один из студентов (В. Шуваев) протягивает мне кусок дерева: «Что это такое?» Из дерева торчали головки двух золотых оленей. Осторожно ножом разнял слипшиеся куски, и внутри оказались остатки олчана. Радость выражал каждый по-разному, а все вместе довольно шумно, во всяком случае пасшиися неподалеку козы стремительно удрали. А дальше пошли находки! То тот, то другой с радостными криками протягивали мне помятые и потускневшие бляшки, которые М. Петухов сразу же наносил на план. Была ему работа на этом кургане! Настроение резко повысилось. Все уткнулись носами в землю, пропуская через пальцы каждый комочек. Лопаты были брошены, основные орудия — кисточка и ножик. И хорошо, иначе мы бы не заметили мельчайший золотой бисер. Особенно отличились здесь самые глазастые — Ж. Ахмеров и Л. Власова, которые ухитрились заметить в земле эти почти микроскопические изделия. Всего пришлось пропустить через пальцы около 50 м³ грунта. 2. Бляшки в виде оленей, украшавшие олчаны, — 14 экз. (табл. XI, XII). Однотипные, выбиты плоским барельефом на бронзовой матрице, из золотого листа (см. приложение 1). Все олени изображены строго в профиль, вправо, с поджатыми ногами с заостренными

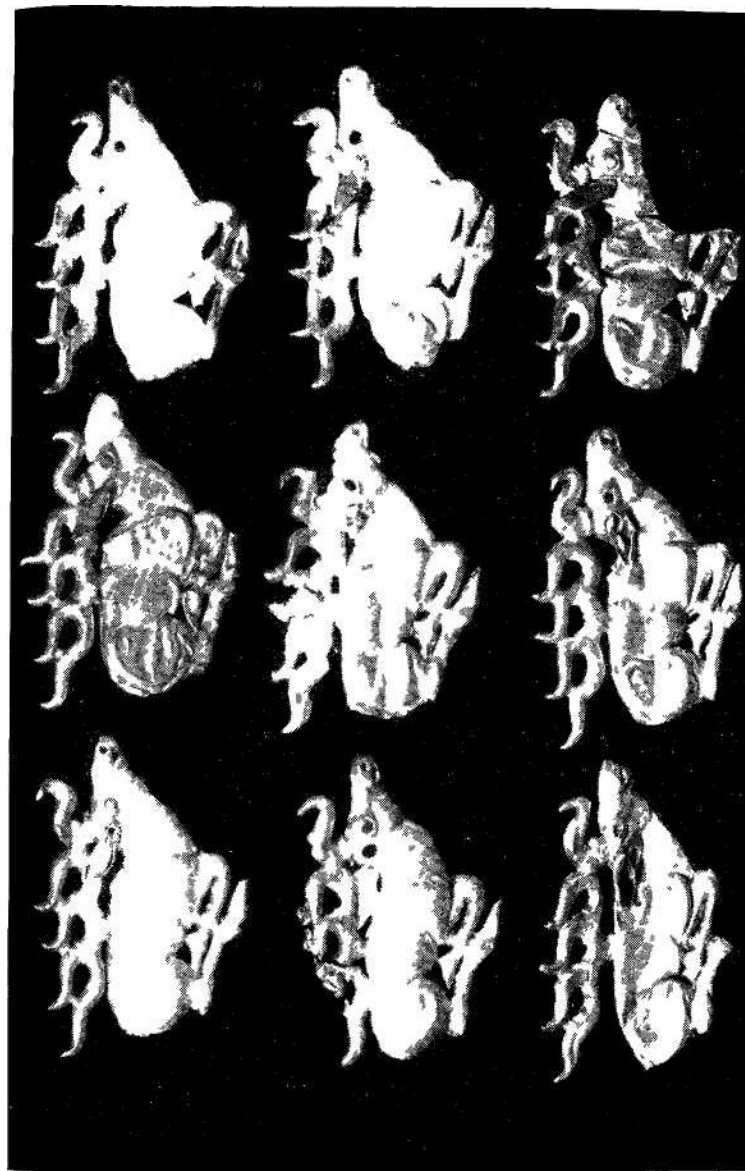

Таблица XI. Золотые бляшки в виде оленей. Глаза и уши инкрустированы бирюзой

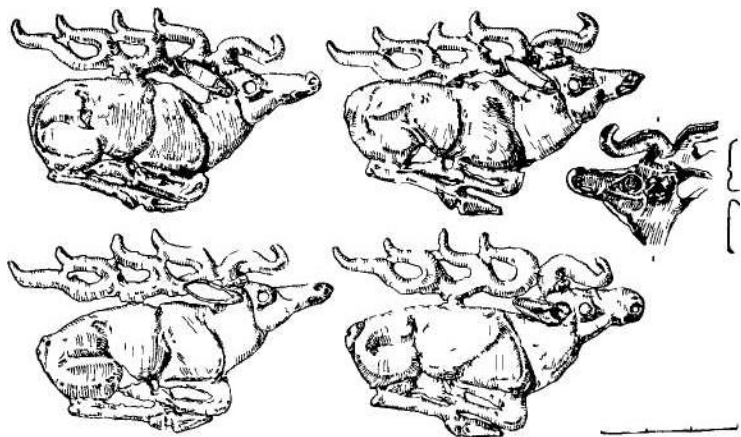

Таблица XII. То же. Прорисовка. Справа — оборотная сторона, способ крепления уха

копытами. Рога закинута на спину и имеют один острый изогнутый отросток вперед и четыре — назад. Основания рогов обозначены полоской овальных бугорков. Хвост — в виде сегментовидного выступа. Плечо и бедро рельефные, четко ограниченные. Морда слегка заостренная, ноздри и рот изображены в виде двух отверстий — круглого и продолговатого, нижняя челюсть выпуклая. Уши и глаза вставные, инкрустированы бирюзой. Ухо представляет собой продолговатый, слегка заостренный золотой листок с загнутыми вверх краями, в который вставлена плоская, той же формы пластинка бирюзы. Для закрепления уха служили два прямоугольных выступа на краю листка, которые были вставлены в особую прорезь и разогнуты с обратной стороны (табл. XII). В глазное отверстие вставлен без особого крепления круглый и выпуклый кусочек бирюзы. Все фигурки оленей, кроме одной, на которой отсутствуют голова и рога, сохранились хорошо и только слегка помяты тяжестью земли. У четырех фигурок отсутствует бирюза инкрустации ушей и у пяти — инкрустация глаз. Размер оленей — 7X4 см (в среднем). Определение позы скифских оленей очень трудно дать с полной четкостью и ясностью. Это не прыжок,

как думал М. И. Ростовцев, так как во время прыжка олень никогда не поджимает под брюхо одновременно все четыре ноги. Это не «летучий галоп», позу которого с вытянутыми вперед и назад ногами на памятниках мирового искусства обстоятельно разобрал С. Рейнах, и не «лежащий олень», как их теперь часто называют¹⁰.

Этому противоречит положение ног и напряженно вытянутая вперед голова с закинутыми на спину рогами. Даже у готовящегося вскочить оленя рога направлены вверх, а ноги немного в сторону, не заходя одна на другую. Лежащий олень с поднятой головой и рогами вверх весьма реально изображен на рукоятке келермесского парадного топорика (рис. 5). Разница в позах очевидная, так как на том же топорике есть олень и нашего типа (рис. 7, 9). Как мы увидим дальше, этот топорик сделан не скифским мастером, хотя и по скифскому заказу, с посильным учетом требований и вкусов заказчика *. Положение головы и ног, какое мы наблюдаем у скифских оленей, в живой природе не бывает, хотя динамика их позы — несомненна. Компактность изображения, в угоду которой мастер отошел от природы, однако, не нарушает живое, вполне реалистическое восприятие фигуры оленя. Может быть, учитывая семантику образа, можно было бы сказать: «летающий олень». Не правда ли — похоже?

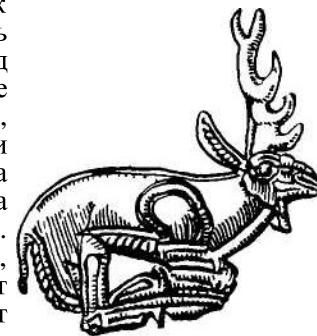

Рис. 5. Изображение оленя на золотой обкладке рукоятки топорика из Келермесского кургана на Кубани

* Последнее предположение М. Л. Вязьмитиной («Ранние памятники скифского звериного стиля». СА, 1963, № 2, стр. 168) о том, что поза оленей жертвенная, не вяжется с нахождением этих предметов на оружии. Трудно себе представить, чтобы воины стали украшать свои щиты и колчаны изображением оленя с покорно вытянутой для заклания головой. Ведь объяснить позу, исходя из этого предположения, можно только так. Кроме того, непонятно, зачем было всюду изображать именно жертву, а не символ самого божества?

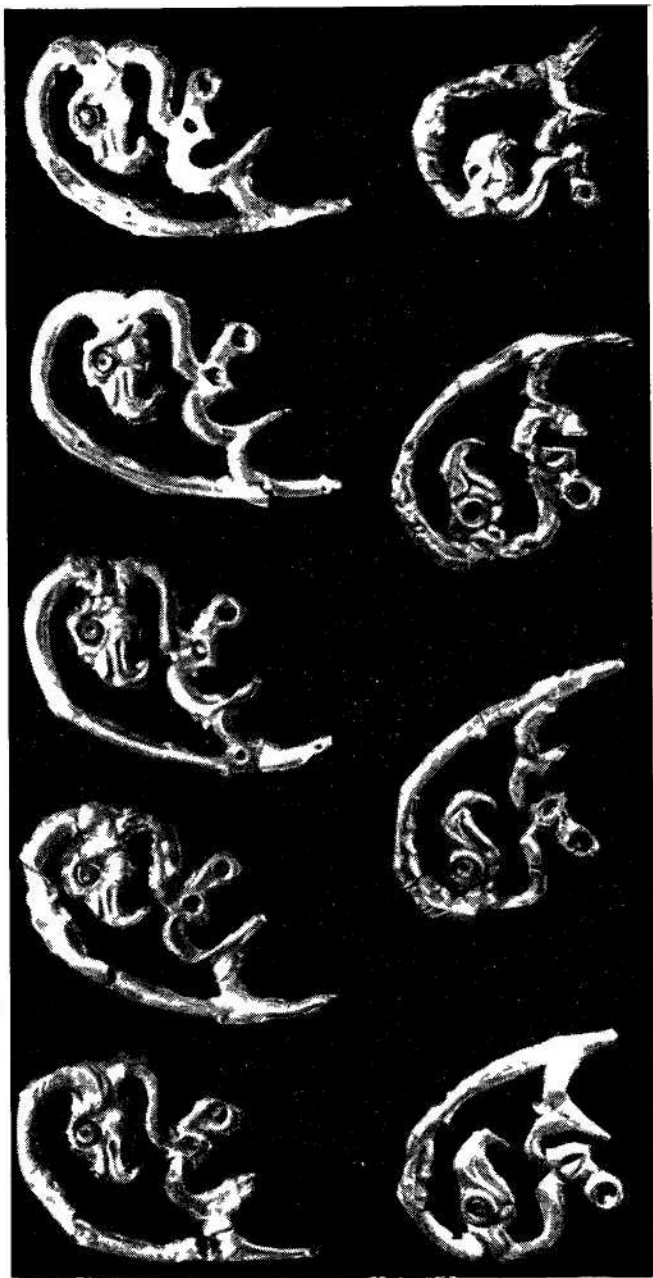

Таблица XIII. Золотые бляшки в виде орлов. Глаза инкрустированы бирюзовыми бусинами

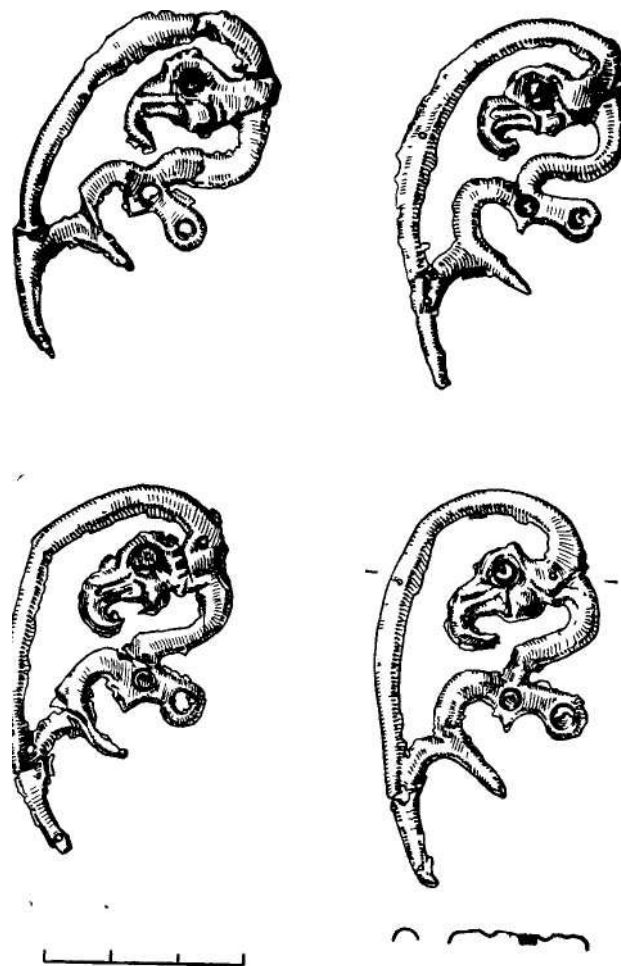

Таблица XIV. То же. Прорисовка

3. Бляшки в виде орлов — 9 экз. (табл. XIII, XIV). Сделаны в той же технике. Изображена голова орла с сильно загнутым клювом и надклювием. На пяти бляшках головы обращены влево, на четырех — вправо. От шеи, вверх головы и огибая ее, идет, плавно закругляясь вниз, узкая (0,4 см) и выпуклая стеблеобразная

3 С. С. Черников

полоса, опускающаяся на 1 см ниже клюва. Можно думать, что она изображает приподнятое крыло и хвост. На расстоянии 1 см от ее конца отходит другая такая же полоса, волнообразно изогнутая и соединяющаяся с головой орла (шея). От этой полосы спускается книзу заостренный отросток, кончающийся на уровне первого, и спускающаяся еще ниже орлиная лапа, трактованная в виде двух плоских колец. В глазницу вставлена бирюзовая бусина с тонким сквозным отверстием (у трех экземпляров бусины утрачены). На трех фигурках видны дырочки от пришивания их к какой-то ткани или коже. Сохранность хорошая, кроме одной, сильно измятой. Несмотря на крайнюю условность изображения, ясно видно, что это именно орел, сидящий, подняв одно крыло, а не фантастический грифон.

4. «Пантеры» — 29 экз. (табл. XV, XVI), сделаны в той же технике. Изображен свернувшийся в кольцо хищник кошачьей породы, условно именуемый в археологической литературе «пантерой» *. Бляшки двух размеров: 2 экз. — диаметром 1,7 см, все детали выбиты четко, 27 экз. — диаметром 1,4 см, сделаны более грубо. Одна большая и 14 малых «пантер» повернуты головой направо, остальные — налево. Ноздря, глаз и ухо изображены круглыми углублениями, расположенными по прямой линии. Такими же, но большими по диаметру углублениями отмечены плечо и бедро. Хвост и лапы загнуты внутрь и заканчиваются тремя небольшими круглыми углублениями (кольчатые). Сохранность хорошая, кроме одного экземпляра, найденного на 2 м выше в грабительском ходе. Он сильно помят и не имеет середины — лап и хвоста.

5. Кабаны — 5 целых экз. и 7 обрывков (табл. XVII, XVIII). Вырезаны ножом из золотой фольги. Животное изображено идущим, с вытянутыми вниз и не много вперед ногами, с характерной холкой, показанной уступчиком, и опущенной головой и хвостиком. Очень

* Для Восточного Казахстана — это, вероятнее всего, сильно схематизированное изображение снежного барса (*Felis uncia* Schreb.), хищника, до сего времени изредка встречающегося в горах Южного Алтая. Последний снежный барс в Чиликтинской долине был убит в 1958 г. Навряд ли это изображение тигра, водившегося еще в XIX в. на оз. Зайсан, — он гораздо массивнее и шире.

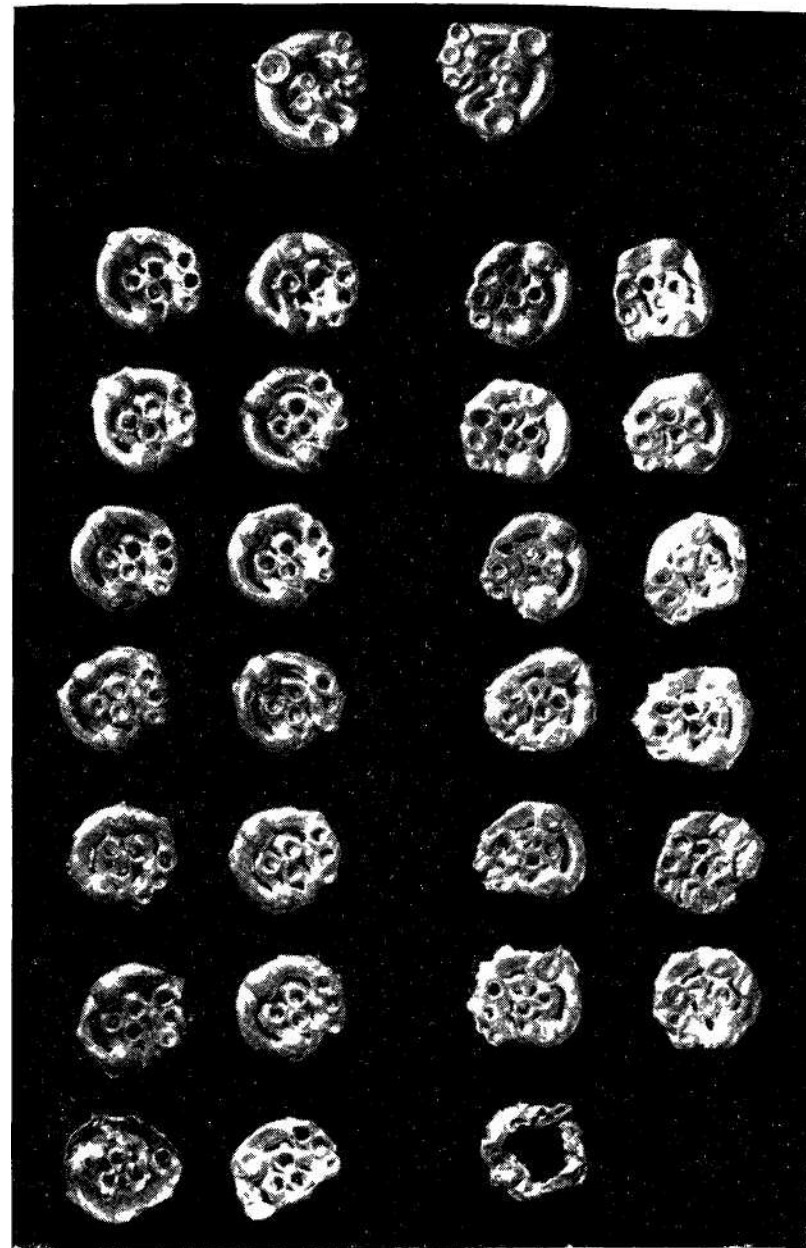

Таблица XV. Золотые бляшки в виде «пантер»

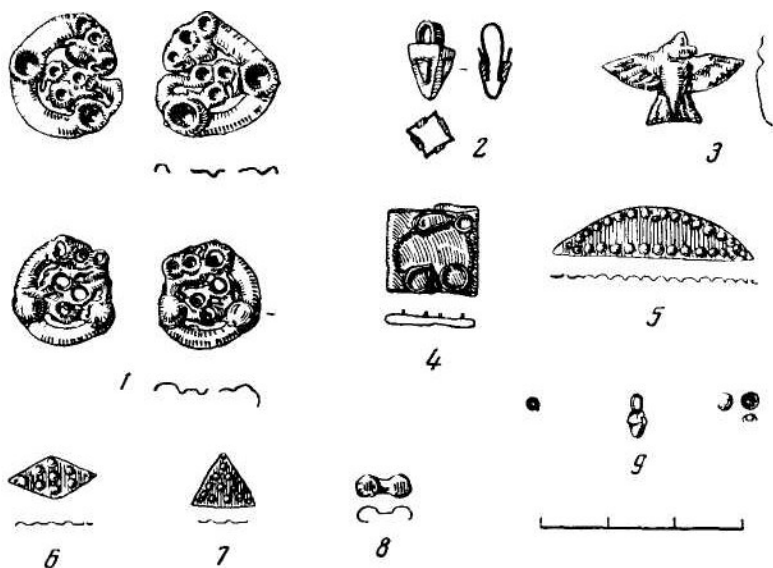

Таблица XVI. Прорисовка «пантер» (1), подвески (2), «птички» (3), обоймицы для ремня (4) и мелких золотых украшений (5—9)

четко изображены небольшое ухо, плоский «пяточок» и острые копыта. Глаз и пасть даны продолговатыми заостренными прорезями. Размеры у всех кабанов разные — от 5,4 см длиной и 3,8 см шириной до 2,5 см длиной и 2 см высотой. Найдены в сильно смятом виде — все на пространстве около 30 см².

6. Изображение рыбы — 1 экз. (табл. XVIII, XIX). Сделана из длинного сужающегося к хвосту толстого золотого листа, согнутого пополам вдоль. Один из длинных краев загнут на 3 мм внутрь, на согнутой части видны дырочки от четырех гвоздиков с вмятинами от шляпок. Предмет объемный, смотрящийся с двух сторон. Собственно контура рыбьего туловища нет. К согнутому листу приделаны два круглых глаза*, пять

* Глаза расположены, в отличие от плавников, несимметрично один сбоку, а другой прямо наверху, на узкой стороне. Трудно установить, есть ли это результат смятости в земле или так было задумано мастером

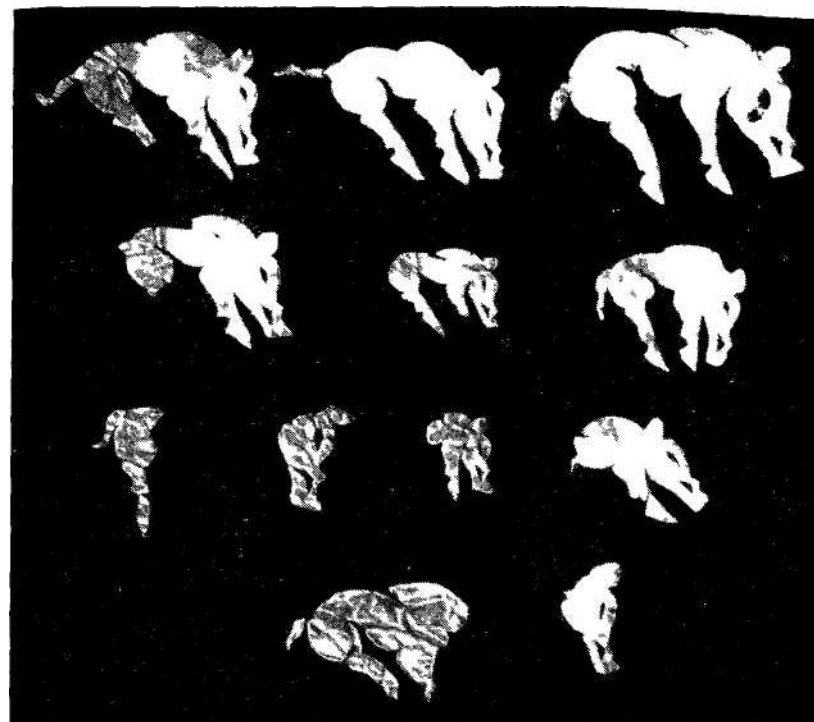

Таблица XVII. Фигурки кабанов, вырезанные из золотой фольги

листовидных заостренных плавников (по два с каждой стороны и один сверху) и хвост в виде полумесяца, заканчивающийся в 3 см от края. Глаза, плавники и хвост сделаны в следующей технике: на поверхность листа припаяны ребром соответствующей формы золотые бортики высотой в 2—3 мм и в образовавшееся углубление вставлены тонкие пластинки бирюзы с плоской шлифованной поверхностью (на двух плавниках с одной стороны и на верхнем — не сохранились). На хвосте инкрустации, видимо, не было. В кусочках бирюзы цилиндрической формы, вставленных в глаза, выдолблены неглубокие ямки, зачерченные какой-то черной краской, что должно было изображать зрачки. Кроме того, на основном листе напаяны ряды маленьких шариков зер-

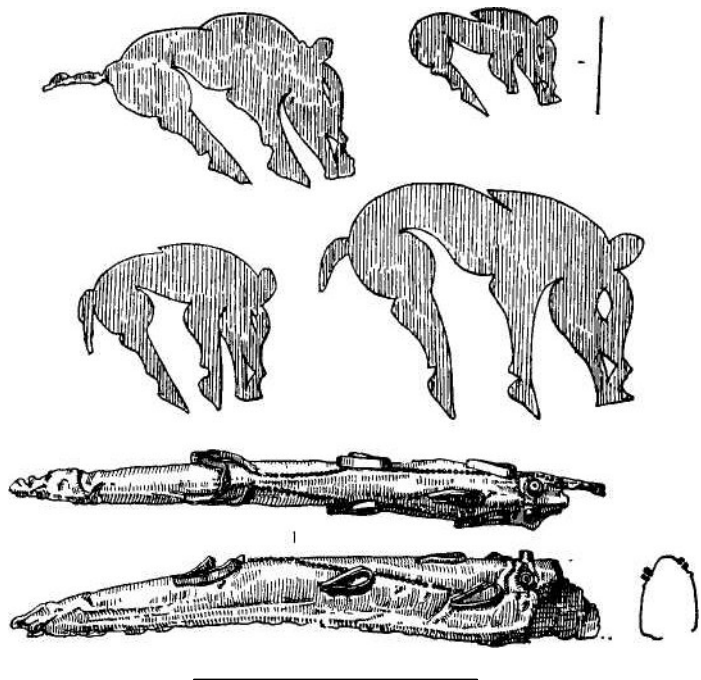

Таблица XVIII. Прорисовка кабанов и золотого-предмета в виде рыбы

ни. Цепочки их идут от глаз вперед (до обрыва листа), от переднего края первого левого плавника к правому первому и от середины обоих первых плавников к хвосту. По мнению ихтиологов, изображена хищная рыба. Сохранность большей части изображения хорошая. Оторвана только передняя часть предмета и сильно смята на конус задняя. Размеры — 11,2 см длина и 1,6 см высота. Точные аналогии этому изделию мне неизвестны, и назначение его остается неясным. Для рукоятки нагайки, оформлявшейся иногда также в зверином стиле, как, например, в 1-м Пазырыкском кургане, она слишком коротка и плоска".

7. Бляшка в виде птицы с распростертыми крыльями, треугольной, очень схематичной головой и широким трапецевидным хвостом (табл. XX). Продоль-

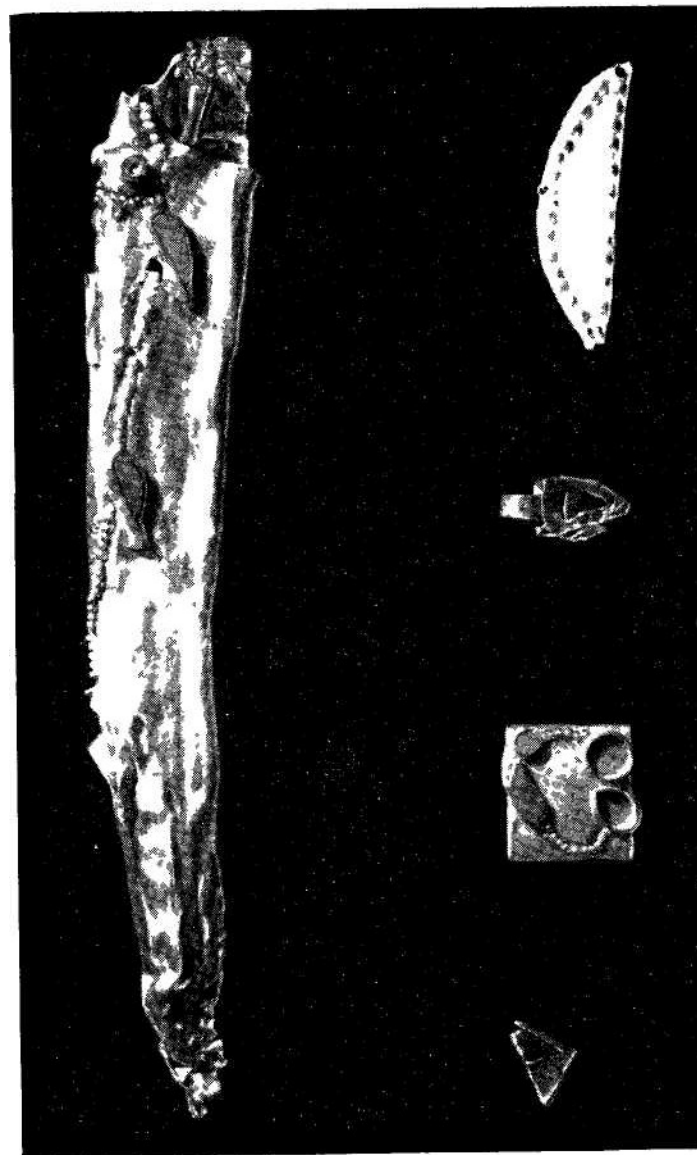

Таблица XIX. Золотой предмет в виде рыбы, обломок украшения с пергородчатой эмалью, золотая обоймица для ремня с украшениями зернью и бирюзой; золотая пирамидальная подвеска с ушком и вставками из бирюзы, золотая сегментовидная бляшка с пунсоным орнаментом

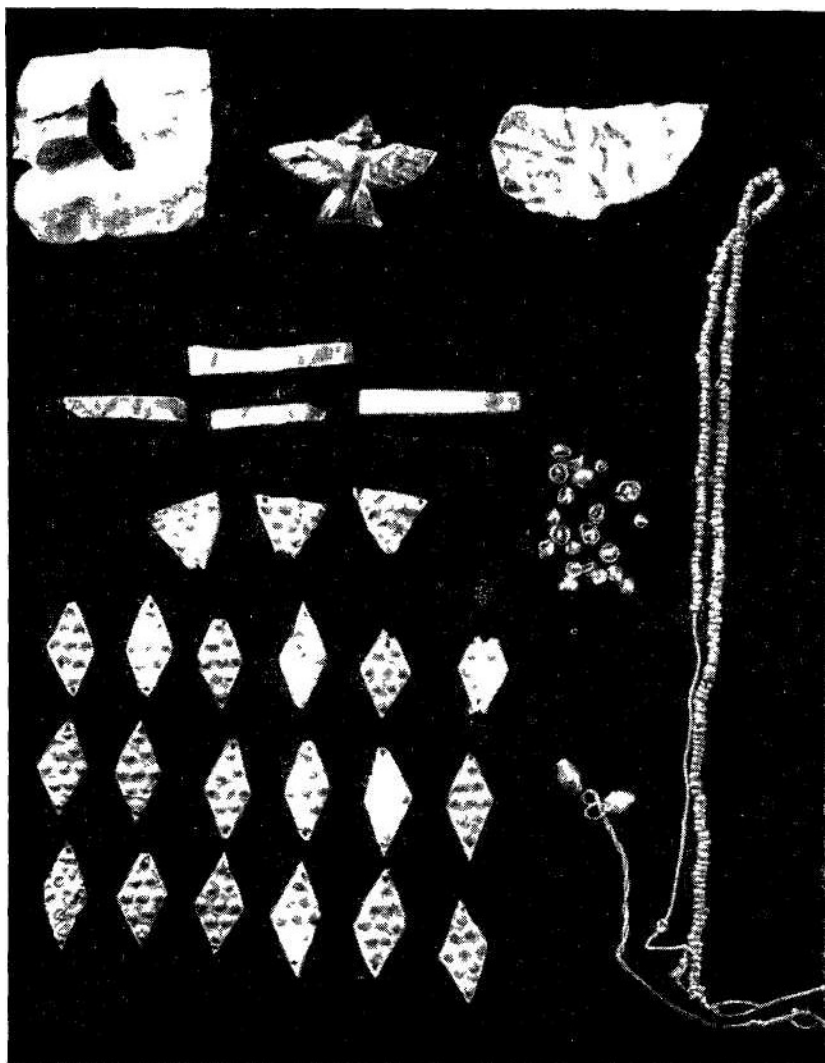

Таблица XX. Бляшка в виде птички, ромбики и треугольники из листового золота с пунсонным орнаментом, листочки и полоски, бисер и подвесочки

ными бороздками изображено оперение крыльев и хвоста. С внутренней стороны припаяны два продолговатых ушка для пришивания. Золото этой бляшки производит впечатление более светлого, чем на остальных украшениях. Сделана в той же технике, что олени, орлы и «пантеры», но рельеф глубже. Размер — 1,2 X 2,1 см. Сохранность полная.

8. Подвеска четырехгранная пирамидальной формы, согнутая из пластинки (табл. XIX). На всех четырех гранях в прорези пластинки вставлены треугольные кусочки бирюзы. У основания — выгнутая наружу дужка в виде плоской пластинки, заходящей своими концами внутрь подвески. Слегка измята. Размер — 1,3 см.

9. Обоймица для ремня (табл. XIX, XXIV, 2). Свернута из прямоугольной пластинки. Форма почти квадратная, на внутренней стороне — края пластинки сомкнуты вплотную, на внешней — также напаянием бортиков сделаны четыре фигурные ячейки, расположенные по две: на одном краю круглая и листовидная, на другом — круглая поменьше и продолговатая, заостренная. В последние две вставлены соответствующей формы кусочки бирюзы. В двух других инкрустации, видимо, не было. Крайние ячейки соединены слегка изогнутыми цепочками зерни. Размер — 1,4 X 1,5 см. Сохранность хорошая.

10. Обломок украшения, сделанного техникой перегородчатой эмали (табл. XIX). Сохранились только два треугольника из зеленой и красноватой стеклянной пасты, разделенные золотой перегородкой (см. приложение 1). Удалось найти еще 8 разрозненных треугольников и 4 перегородки. Основание этого украшения, на которое накладывались треугольники и перегородки, осталось неясным. По-видимому, оно было из какого-то органического вещества.

11. Миниатюрные подвески биконической формы с ушком — 2 экз. Сама подвеска полая, сделана из двух как бы склепанных листочков. Проволочка ушка не тянутая, а из плотно свернутого в трубочку тонкого листочка. Размер — 4,9 мм длина (с ушком) и 2,2 мм ширина (табл. XX, XXVII).

12. Нашивные бляшки вытянутой ромбической формы из тонкого листа, покрытые пун-

сонным орнаментом по 9 выпуклостей на каждом — 18 экз. (табл. XX, XXVI). В углах длинных сторон ромба — дырочки для пришивания. Размер — 15 мм длина, 5 мм ширина.

13. Такие же нашивные бляшки в виде равносторонних треугольников. На каждом по 10 пунсонных выпуклостей — 3 экз. (табл. XX). Размер — 9 мм.

14. Нашивная бляшка сегментовидной формы с пунсонным орнаментом по краю, на концах и в середине дырочки от пришивания (табл. XIX). Длина — 30 мм, высота — 7 мм.

15. Бисер (табл. XX, XXV, 1). Отдельные бисерины свернуты из золотого листа. Часть из них имеет не сомкнутые концы — 303 экз. Диаметр — 1 мм, высота — 0,5 мм.

16. Миниатюрные подвески полушаровидной формы. Внутри припаяно широкое ушко — 59 экз. Диаметр 2—1,5 мм (табл. XX, XXV, 3).

17. Миниатюрные подвески в виде шарика с ушком — 17 экз. (табл. XXV, 4). Размер — длина с ушком 1—1,5 мм, диаметр шарика — 0,5 мм.

18. «Гантелеобразное» штампованное украшение в виде двух круглых чашечек, соединенных выпуклой полоской, — 1 экз. (табл. XVI). Размер 0,7 X 0,3 мм.

19. Узкие полоски, нарезанные из золотой фольги, — 4 экз. (табл. XX). Длина 14—22 мм, ширина — 3 мм.

20. Украшения из отрезков узкого золотого листка, на которых выдавлено пунсоном по две выпуклости — 40 экз. (табл. XXV, 2). Длина — 3 мм, ширина — 1,3 мм.

21. Обрывки золотого листка — 2 экз. (табл. XX).

22. Мелкие неопределенные обломки золотых поделок (5 экз). У большинства мелких предметов сохранность хорошая.

23. Обломок железного предмета в виде прямоугольной, сильно перержавленной пластинки размером 4,6 X 1,9 см, толщиной 0,4—0,6 см. Возможно, что это обломок клинка (рис. 6, 14).

Всего в кургане было найдено 524 золотых предмета

Таблица XXI. Золотые украшения из кургана 5

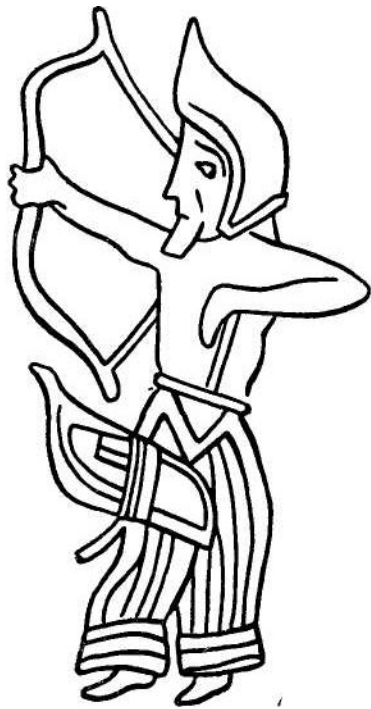
общим весом 100,5 г (табл. XXI) *. Все золотые украшения поражают высоким художественным мастерством исполнения, однако при ближайшем рассмотрении бро-

* Все находки из этого кургана хранятся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

сается в глаза не очень тщательная работа. На всех фигурках оленей, орлов и «пантер» не зачищены заусеницы, образовавшиеся при штамповании, кое-где неровная обрезка. Создается впечатление, что эти вещи делались не для употребления в быту (в таком случае все эти легко устранимые дефекты были бы исправлены), а специально для погребения. Украшения сделаны явно с расчетом, что смотреть их будут на некотором расстоянии, что не требовало особо тщательной отделки. Почти все предметы сделаны из хорошего, высокопробного золота (см. приложение 2).

На золотых украшениях с большим сходством и очень выразительно изображены вполне реальные животные, хорошо знакомые строителям кургана. Это олень-марал, орел, барс, кабан, большая хищная рыба, может быть таймень, и сейчас входящие в состав фауны Восточного Казахстана¹². Нет ни грифона, ни фантастических соединений различных зверей, столь характерных для скифо-сибирского звериного стиля VI— III вв. до н. э. Обращает на себя внимание отсутствие изображений горного козла и горного барана, которые широко известны в раннекочевнических памятниках Алтая. Видимо, именно такой набор животных для вождей чиликитинских племен был не случайным. В уже упоминавшемся кургане 7 (метрах в 300 от кургана 5), раскопанном в 1949 г., были обнаружены золотые украшения с изображениями тех же самых животных — бляшки в виде оленя, но с рогами и хвостами в виде грифоньих головок, три совершенно такие же фигурки орлов, рыба, вырезанная из золотого листка, и даже сегментовидная бляшка с пунсонным орнаментом по краю. Все бляшки сделаны очень небрежно, инкрустация бирюзой отсутствует (табл. XXIII). Такое сходство сюжетов изображений в курганах 5 и 7 интересно тем, что разница во времени между ними, как мы увидим дальше, около двух веков.

Сколько же ему лет?

Вопрос этот очень важен, и на нем надо остановиться подробно. От правильного его решения зависит не только датировка многих смежных памятников, но и все наши дальнейшие предположения о путях развития скифо-сибирского звериного стиля. Совсем не все равно, окажутся ли эти предметы одними из наиболее ранних памятников скифского звериного стиля, или они отражают уже долгий путь его развития в среде сложившейся кочевой аристократии. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Начнем с велографии

Такой термин около ста лет тому назад употребил М. Максимович. Он мне кажется удачным, так как именно по велографии сейчас есть уже довольно большая специальная литература¹. Это и понятно, так как наконечники стрел — кремневые, костяные, бронзовые и железные — являются широко распространенным археологическим материалом, встречаются почти повсюду, где есть следы древней жизни, и к тому же достаточно хорошо датируются. Первую классификацию бронзовых стрел «скифских типов» дал П. Д. Рау. Чиликтинские наконечники стрел, по последней, очень обоснованной классификации К. Ф. Смирнова, должны быть отнесены к асимметрично-ромбическим. Этот тип, так же как и тип с листовидной формы пером, является разновидностью втульчатых двухперых наконечников стрел, отливавшихся в двустворчатых каменных формах. Относительно их общей характеристики и датировки у всех исследователей, занимавшихся этим вопросом, расхождений нет. Это — «скифские стрелы» VII—VI вв. до н. э. Попробуем, однако, в этих бесспорных пределах датировать нашу находку более точно.

Отнюдь не ставя своей задачей дать сводку и анализ всех имеющихся находок втульчатых двухперых наконечников стрел, отметим, что распространены они на очень широкой территории — в Монголии и Забайкалье, на Алтае, Енисее, в Казахстане и Средней Азии, в Приуралье, Поволжье, на Кавказе и Северном Причерноморье, на Балканах, в Малой Азии и странах Переднего Востока. Отдельные их экземпляры встречаются на юг вплоть до Египта, на запад — до Сицилии и Франции и на север — до Камы и Московской области². Здесь мы остановимся на распространении только ромбических наконечников стрел, аналогичных тем, которые были найдены в кургане 5 (рис. 6). Они так же, как и листовидные, встречаются в двух вариантах: со слегка выступающей трубкой втулки (к нему относятся чиликтинские наконечники) и с пером, доходящим до нижнего края. К. Ф. Смирнов различает еще два варианта: асимметрично-ромбический и симметрично-ромбический.

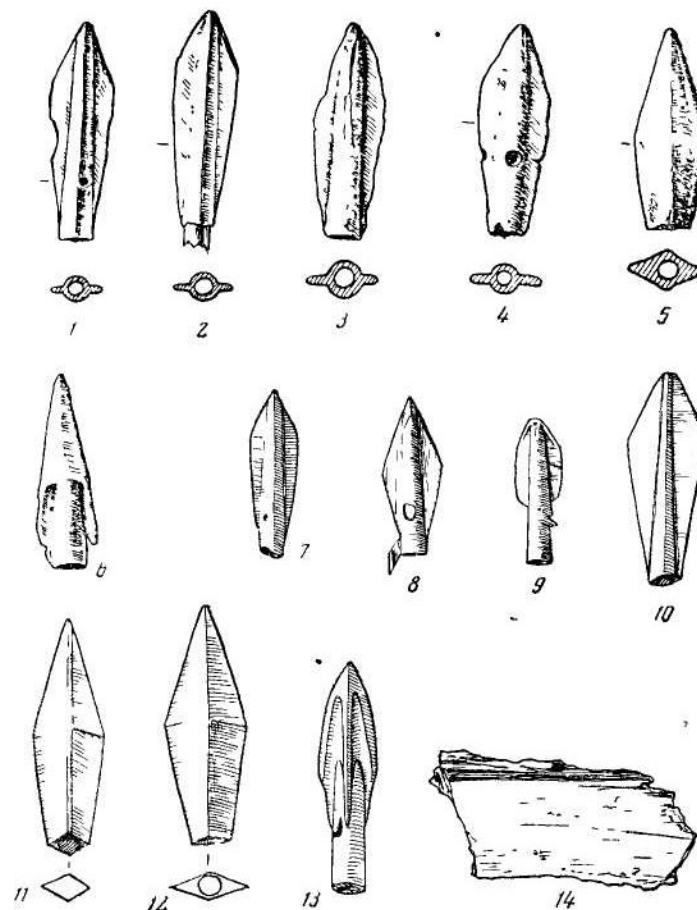

Рис. 6. Бронзовые наконечники стрел VII—VI вв. до н. э. (1—13) и обломок железного предмета из кургана 5 (14). 1, 2 — Курган уд Славянка в верховьях Иртыша; 3 — 5 — курган у д. Юпитер, там же; 7 — 9 — случайные находки на месте древних поселений у г. Семипалатинска (МАЭ, колл. 3211); 10 — «Змиевский курган», Западный Алтай (ГИМ, колл. В. В. Радло-ва, JM5 3864); 11 — Калбиаские горы, Западный Алтай (ГИМ, Л» 44803); 12 — Себинский пикет в Калбинских горах (ГИМ, колл. В. В. Радлова, J* 3602). 13 — Келермесский курган 1904 г., Кубань (по Р. Рау)

Кроме того, часть стрел, как листовидных, так и ромбических имеет на нижней части втулки загнутый книзу шип, препятствовавший вытаскиванию стрелы из раны. Шип вырезался на литейной форме и отливался вместе со всем наконечником. Поскольку никакой закономерности в распространении этих вариантов установить не удастся, мы можем в дальнейшем изложении их не учитывать, так как обусловлены они, на мой взгляд, главным образом умением того или иного мастера, который их отливал, требованиями заказчика и конкретными особенностями тех луков, из которых эти стрелы выпускались. Происхождение втульчатых двухперых наконечников связывается с андроновской культурой, где они встречаются уже на раннем (федоровском) этапе ее развития³. Появление крупных асимметрично-ромбических стрел следует, как мне кажется, связывать с изобретением более сильного дальнобойного лука, т. е. с усовершенствованием военной техники, естественным в связи с переходом к кочевому скотоводству и открывшимися возможностями дальних походов.

Ромбические наконечники стрел известны, кроме Чиликтинской долины, еще:

1. На Алтае (включая Восточный Казахстан)	— 8	пунктов
2. В Минусинской котловине	— 7	»
3. В Средней Азии	— 5	»
4. В Поволжье и Приуралье	— 7	»
5. В Северном Причерноморье	— 16	»
6. На Кавказе	— 10	»
7. В странах Переднего Востока	— 7	»

Кроме того, по одному пункту в Болгарии, Румынии, Венгрии и в Московской области (см. приложение 4а)

Из приведенного перечня видно, что эта форма втульчатых наконечников стрел распространена приблизительно равномерно по всей территории, где кочевали или ходили военными походами скифы, саки, савроматы и другие племена ранних кочевников, но не так широко, как листовидные. Конечно, здесь надо принять во внимание археологическую изученность отдельных районов. Как и следовало ожидать, больше всего их найдено в Причерноморье, где раскопки скифских курганов ведутся уже около 200 лет. Ромбические стрелы пока неизвестны в Монголии и в Центральном Казах-

стане. Но там раскопки раннекочевнических курганов, можно сказать, только еще начинаются, и бронзовых стрел вообще очень мало. Нет ромбических наконечников и на Каме, в памятниках ананьинской культуры. В Средней Азии, так же, как и в Причерноморье, преобладают листовидные наконечники — 19 пунктов находок (см. приложение 4б).

Многие из них входят в хорошо датированные комплексы предметов из погребений и городищ, что позволяет нам с достаточной точностью определить время существования этого типа и его видоизменения. Наиболее древними — рубеж VIII—VII вв. до н. э. — являются стрелы из Малой Цимбалки⁴. Для них характерна малая величина и невыработанность формы, что сильно отличает их от чиликтинских. К первой половине VII в. до н. э. относятся стрелы из х. Алексеевского, ст. Некрасовской и Чернышевской, Симферополя, Бутенки, с Семипалатинских дюн и Якке-Парсана-2. По сравнению с более поздними у них длинная втулка и относительно короткое перо. Наиболее выгодная баллистическая форма еще не выработана. К рубежу VII—VI вв. относятся стрелы из Цукурского лимана, Тарса и Ендже. Форма их делается более совершенной, размеры увеличиваются (что говорит об усилении лука), появляется военное усовершенствование — шип на втулке. Наконец, к первой половине VI в. относятся Келермес, Жаботин, курган 524, Гуляй-город, курган 38, Журовка, курган 40б, Самтавро, Нестеровский могильник. Остальные датируются менее точно, но в этих же пределах, как, например, Большая Речка, Калаи-Мир и ряд других *. Ромбические наконечники сразу, конечно, не исчезли. В единичных экземплярах они встречаются и в комплексах V в. до н. э. — Цветочное, курган А-12 (из 90 стрел в колчане всего один), Бажиган, Чигирин, курган 401. Поэтому правы П. Д. Рау, П. Д. Либеров и К. Ф. Смирнов, которые относят этот тип в основном к VII — началу VI в. до н. э.⁵ Втульчатые, двухперые наконечники стрел не были в то время единственным ти-

Датировки даны по последним исследованиям этих памятников, не вызывающим возражений у специалистов. Литературу см. в приложении 4.

пом; на Алтае и в Казахстане употреблялись также трехперые с черешком⁶ и массивные ромбические в сечении со скрытой втулкой (см. приложение 4в). Встречаются уже втульчатые трехгранные, характерные главным образом для V—III вв. до н. э., — например, в кургане у д. Юпитер в верховьях Иртыша.

Особо следует остановиться на трехлопастных наконечниках с выступающей втулкой и большей частью с шипом (рис. 6, 13). Прекрасную характеристику этого типа дали Т. Сулимирский, Е. Шмидт и К. Ф. Смирнов, датировав их второй половиной VII—VI вв. до н. э.⁷ Они переживают ромбические стрелы и часто встречаются в комплексах VI в. Наиболее точную датировку дает находка этих стрел и литейной формы для них в Кархеми-ине (городе в верховьях Ефрата) в слое, относящемся к 604 г. до н. э., когда этот город был взят и разрушен вавилонским царем Науходносором. Тем же временем надежно датируются стрелы этого типа и из Зивие в Северо-Западном Иране⁸.

Следует согласиться с Е. Шмидтом и К. Ф. Смирновым, что это уже «скифо-мидо-персидские» наконечники стрел, характерные для вооружения ахеменидских воинов. Вероятнее всего, они возникли во время бурных событий того времени на Переднем Востоке как дальнейшее усовершенствование боевого оружия, но характерно, что на кочевнической, а не на древневосточной основе, где наконечники стрел были черешковые *. От-

туда эта новинка военной техники, видимо, в начале VI в. до н. э. распространилась на север, где их находят во многих скифских колчанах вплоть до Днепра и Камы⁹. В Поволжье трехлопастных наконечников уже меньше, а в Западной Сибири и Казахстане нет совсем. В Средней Азии их известно только несколько экземпляров¹⁰.

В этой связи особенно интересно соотношение различных типов стрел в колчанах трех келермесских курганов, поскольку они датируются наиболее точно — второй четвертью VI в. до н. э.¹¹ В кургане, раскопанном в 1903 г., из 55 стрел — 23 листовидные без шипа, 10 асимметрично-ромбических с шипом и 16 трехлопастных «скифо-мидийского» типа без шипа. В двух курганах, раскопанных в 1904 г., из 75 стрел — 20 асимметрично-ромбических без шипа, 3 листовидных без шипа и 50 трехлопастных, из них 30 уже с шипом. Остальные — трехгранные и трехперые других типов, всего на три колчана — 19 экземпляров¹². В Чиликтинском кургане трехлопастных наконечников нет совсем. Следовательно, мы можем предположить, что, по сравнению с келермесскими, погребение в нем было совершенно несколько раньше — на рубеже VII—VI вв. до н. э. Датировать чиликтинские стрелы более ранним временем не позволяет как их очень выработанная и изящная форма, так и весь остальной материал кургана. Рассмотрим теперь золотые украшения.

Олени

Ближайшие аналогии оленям на бляшках из Чиликтинского кургана мы видим в скифских памятниках на ножнах короткого меча-акинака и на золотой доске-обивке колчана из Келермесского кургана 1903 г., на ножнах акинака из Мельгуновского, на известном изображении оленя из кургана у ст. Костромской, на золотой бляшке из Полтавской области, на золотой доске от колчана из Зивие и на ранних бронзовых бляшках тагарской культуры в Минусинской котловине (в Минусинском музее — 6 экз., рис. 7)¹³. Очень похожая на чшшктинскую золотая бляшка в виде оленя была найдена в XVIII в.

* Интересно, что если произвести подсчет по сводке Т. Сулимирского (1954 г.), то окажется, что двухперые наконечники стрел в Малой Азии встречены в 13 пунктах (из них в 7 пунктах вместе с трехлопастными), а в странах Переднего Востока — всего в 7 пунктах (из них в 6 пунктах вместе с трехлопастными). Не является ли это археологическим подтверждением исторических свидетельств о движении первой волны ранних кочевников — киммерийцев — прежде всего в Малую Азию? Это и естественно, так как в VIII в. до н. э. Урарту и Ассирия были еще достаточно сильны и их набеги должны были идти по линии наименьшего сопротивления. Иное дело вторая половина VII в., когда пришедшие позднее скифы уже достаточно разобрались в политической ситуации, с которой им приходилось сталкиваться, а военная мощь Ассирии и Урарту сходила на нет. Но тогда наряду с двухперыми были уже в широком употреблении трехлопастные наконечники.

где-то в Западной Сибири. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Все перечисленные олени, за исключением минусинского, уверенно датируются первой половиной VI в. до н. э. Во второй половине этого века в Причерноморье мы также знаем очень похожих оленей, но трактованных уже гораздо более условно и геральдично, — Уль-ский курган 1898 г., Синявка, курган 100, Бобрицы¹⁴. Сходство чиликтинских оленей с древнейшими скифскими весьма велико — та же поза, то же членение туловища широкими плоскостями, та же динамика всего изображения. Совпадает и техника — все они штампованы, по-видимому, на бронзовой матрице, а у костромского оленя такое же вставное и, вероятно, когда-то инкрустированное ухо.

Однако при ближайшем рассмотрении есть и различия. У чиликтинских оленей вперед направлен только один отросток рога, тогда как у всех скифских (за исключением полтавского) — два, а на келермесском аки-наке даже три, что уже никак не вяжется с натурой. Это значит, что восточноказахстанские мастера стремились передать изображение оленя строго в профиль, когда виден только один передний отросток рога, а скифские — уже в некотором ракурсе. Кроме того, рога чиликтинских оленей имеют плавный изгиб назад и заострены, что придает всему изображению гораздо большую реалистичность. В Причерноморье же рога оленей уже чисто условно закручены вверх и вперед в виде S-видной фигуры. Правда, на некоторых опять-таки ранних изображениях мы видим заостренные рога, но их немного — на двух сосудах Северного Кавказа, на круглой золотой бляхе из Келермесского кургана и на кабаньем клыке из Калиновского могильника в Поволжье¹⁵. Но ни один из этих оленей не изображен в «летающей» позе. На Востоке же совершенно не

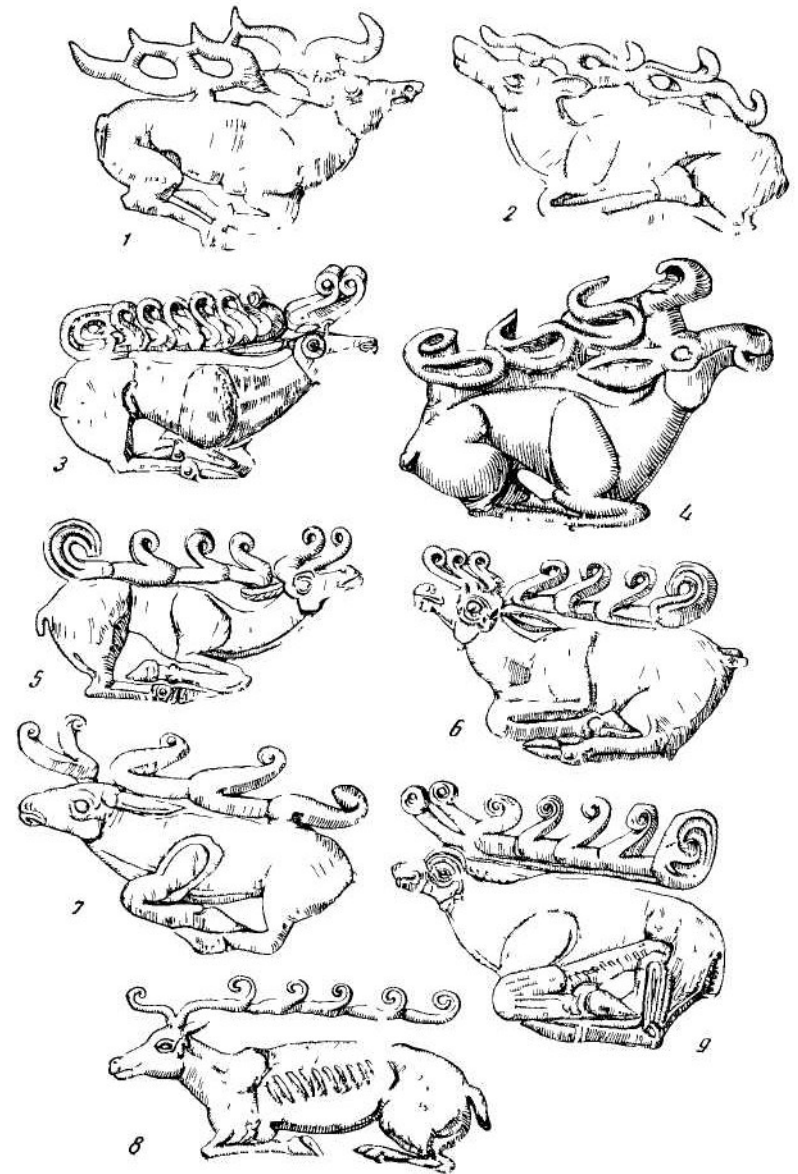

Рис. 7. «Летающие» олени

1 — Чиликтинская долина, курган 5; 2 — Минусинский музей; 3 — Костромской курган, на щите; 4 — Полтавская область (по М. Ebert); 5 — Мельгуновский курган, на выступе акинака; 6 — Келермес (курган 1903 г.) на выступе акинака; 7 — Зивие, на доске колчана; 8 — Келермес (курган 1903 г.), на чаше; 9 — Келермес (курган 1903 г.), на рукоятке топорика; изображения для наглядности даны в одном размере; 1, 3 — 9 — золото; 2 — бронза

встречаются S-виднозагнутые рога, характерные для «скифской» манеры, но зато очень часто плавно изогнутые и заостренные, как у чиликтинских. Это бронзовая фигурка и зеркало с Алтая, фигурки оленей на гробе-колоде из 2-го Туэктинского кургана, деревянная лука седла из кургана, хищнически раскопанного в XIX в. на Алтае, на скальные изображения в Восточном Казахстане, все ранние минусинские бляшки, «оленные камни» Забайкалья и другие¹⁶.

Надо сказать, что на Алтае, в Восточном Казахстане и Средней Азии изображений оленей вообще меньше, чем горного козла. Кроме перечисленных, известна еще одна бронзовая булава с оленем, резная из рога пряжка из раскопок Ф. Х. Арслановой 1961 г. (обе из Павлодарской области) и деревянный предмет с вырезанным на нем лосеподобным оленем из Катандинского кургана на Алтае¹⁷. В группе Пазырыкских курганов изображений оленей также немного. Гораздо реже, чем горный козел, олень встречается и на скальных изображениях Восточного Казахстана, которые можно датировать также I тысячелетием до н. э. То же можно сказать и о Средней Азии. На бронзовых котлах, относящихся к этому же времени, часто изображается голова горного козла и никогда — оленя. В Скифии же изображений оленя значительно больше, чем горных козлов, хотя на котлах, так же как и в Средней Азии, мы видим только фигурки козлов, например в Келермесе¹⁸.

Таким образом, намечаются две группы «летающих» оленей, различающиеся между собой по некоторым деталям, но сохраняющих единство стиля, — Алтайская и Причерноморская. Какая-либо третья группа на имеющихся материалах нигде не прослеживается. И на Енисее, и на Балканах¹⁹ эти изображения явно заимствованы и их особенности чем дальше, тем больше искажаются. При сравнении чиликтинских оленей со скифскими, прежде всего с келермесскими, как наиболее точно датированным памятником, мы видим, что первые трактованы гораздо живее, реалистичнее и, я бы сказал, талантливее. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что общее развитие скифо-сибирского звериного стиля шло от реализма ко все большей схематизации, сложности и геральдичности. Это позволяет думать, что чиликтинские олени относятся к несколько более ран-

му времени, чем келермесские, костромской и мельгуновской, где геральдичность чувствуется гораздо сильнее. Однако общее сходство и стиля, и техники говорит за то, что разница во времени невелика.

С большой долей вероятности мы можем предположить теперь, что именно чиликтинские, а отнюдь не скифские олени послужили образцом для тагарских (не сами, конечно, а та художественная манера, в которой они сделаны). Правда, наиболее древние изображения оленей на Енисее датируются сейчас V в. до н. э., однако сходство здесь почти полное*.

В этой связи остановимся на уже упоминавшемся золотом олене из кургана 7 Чиликтинской долины (табл. XXIII). Стиль, поза и техника изготовления этого оленя — такие же. Но рога и хвост трактованы совершенно иначе — их заменили сильно стилизованные изображения орлиных голов. Работа гораздо грубое и небрежнее. Такая стилизация оленей характерна уже для V—IV вв. до н. э. — золотая доска колчана из кургана 2 у с. Аксютинцы в Приднепровье, золотая бляшка из Ак-Мечети в Крыму и многие другие²⁰. Зооморфные окончания рогов и хвостов характерны также и для Пазырыкских курганов и для Сибирской коллекции Петра I, большая часть вещей которой относится также к V—IV вв. до н. э.²¹ Эти аналогии позволяют датировать курган 7 в пределах второй половины V в. до н. э.

В Чиликтинском кургане 14 золотых оленей связаны с колчаном. 24 оленя выбиты на налучье из Келермеса.

* Когда Чиликтинский курган раскопан еще не был, С. В. Киселев («Древняя история Южной Сибири», стр. 156) выдвинул положение, что тагарские олени есть результат заимствования этого художественного образа из Причерноморья. Процесс этот, по его мнению, был длительным и, совершенно справедливо связывая появление фигурок оленя со 2-м этапом тагарской культуры, он датировал его началом V в. до н. э. Поскольку эти олени служат одним из оснований для датировки 2-го этапа, не следует ли в свете новых материалов еще раз проверить его абсолютную хронологию и, может быть, несколько уточнить ее? Трудно себе представить, что между чиликтинскими и древнейшими тагарскими изображениями оленей существует разрыв почти в 200 лет. Асимметрично-ромбические наконечники стрел в равных количествах (по 4 экземпляра), найденные в Минусинских курганах и 1-го и 2-го этапов, также не позволяют завышать эту дату.

В кургане у с. Синявки в Поднепровье 28 золотых оленей были нашиты на головной убор. Изображения оленей, найденные на различных территориях евразийских степей, украшали предметы вооружения, конской сбруи, зеркала, одежду, высекались на скалах и на могильных сооружениях. Следовательно, несмотря на широкую распространенность этого образа среди ранних качевни-ков, никакой закономерности и традиционности в расположении фигур оленя на определенном месте одежды или какого-либо инвентаря — нет. Мы видим оленя на самых разнообразных предметах и довольно большими сериями, и в единичных экземплярах. То же можно сказать и относительно орлов и «пантер». Повторяющиеся изображения горных козлов встречены только в скифских курганах у с. Бобрицкое — 18 золотых бляшек на головном уборе и на колчане в Битовой могиле — 6 экз.²² Несколько изображений кабанов известно лишь в Чиликтинском кургане, а рыба везде встречается только в единичных экземплярах.

Конечно, это не случайно и отражает смысловую значимость этих образов, которые изображались на столь различных вещах явно не только «для красоты». Известный иранист В. И. Абаев высказал осторожное предположение, что олень может быть тотемом саков, поскольку оба эти слова в древнеиранских языках звучат одинаково ('sag') и являются, по его мнению, само-названием скифов.²³ Он подкрепляет эту мысль рядом весьма убедительных примеров. В свете лингвистических соображений эта гипотеза представляется совершенно правильной. Однако как же тогда быть с Венгрией, где никаких саков явно не было? И со Средней Азией, где именно саки засвидетельствованы всеми письменными источниками — и греческими и персидскими? Оленей же там пока что меньше, чем на какой-нибудь другой территории — одна бляшка в кургане на Памире и два оленя на наскальных изображениях в Семиречье²⁴.

Думаю, что дело обстоит сложнее и пережитки тотемистических звериных образов персонифицировались уже в это время с теми или иными силами природы; но с какими именно — мы еще не знаем. Есть весьма ошутимая разница между характером распространения изображений оленя, горного козла, орла и «пантеры», что

указывает на особенности их семантики. Солярные знаки на некоторых звериных изображениях, как мне кажется, подтверждают это предположение²⁵. Распространение изображения оленя на столь широкой территории лишней раз указывает на большое единство культуры и идеологических представлений у ранних кочевников, что и естественно при частых их передвижениях на большие расстояния. Не следует также, как мне кажется, искать центр происхождения скифского оленя где-то между оз. Зайсан и Ираном (где этих изображений как раз меньше всего), одновременно выводя их из месопотамского искусства²⁶. Весь наш материал явно противоречит такой гипотезе. Но об этом — ниже.

Орлы

Бляшки с изображением орлов были нашиты скорее всего на головной убор, поскольку все 9 лежали почти рядом. Единственная, но зато полная аналогия им — это бронзовая бляшка, найденная на территории Зуевского могильника на Каме, относящегося к апанышской культуре (рис. 8, 1), где она может быть датирована VI в. до н. э.²⁷ Очень хорошо охарактеризовала ее А. В. Збруева. «Энергией и хищной силой,— пишет она,— веет от этой небольшой фигурки, которая является настоящим художественным произведением древнего мастера, сумевшим передать всю экспрессию образа»²⁸. Нигде больше, ни в ранних, ни в поздних памятниках скифо-сибирского звериного стиля, такой трактовки фигуры орла нет. Поскольку эти бляшки найдены уже в двух курганах, можно предположить, что такое своеобразное изображение орла было характерно только для чиликтинского племени и зуевская бляшка попала на Каму с далекого Алтая. Здесь мы имеем отнюдь не единственное свидетельство культурных связей между этими двумя территориями в VI — IV вв. до н. э.²⁹ Если в целом чиликтинские орлы совершенно необычны, то в деталях традиции этого стиля выступают очень отчетливо. Кольчатость лап (только у орла и «пантеры» и никогда у оленя, горного козла или кабана) часто встречается как

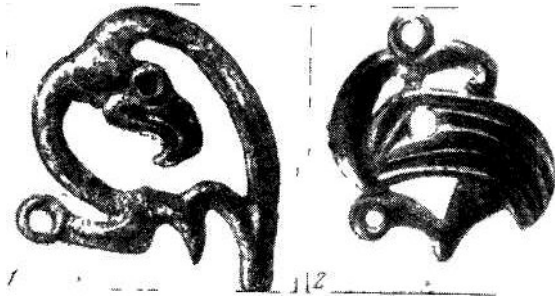

Рис. 8. Бронзовая бляшка в виде орла из Зуевского могильника на Каме (1) и бронзовая бляшка из Минусинского музея (2)

в раннетагарских изображениях, так и в раннескифских³⁰. Сильно изогнутый, но не спиральный, как позднее, клюв, четко выделенное надклювье, общая трактовка головы сближают чиликтинских орлов с наиболее ранними скифскими — из Зивие на золотой обкладке и Темир-гора на диадеме³¹. Сходство весьма велико и указывает на то же время — рубеж VII—VI вв. до н. э.

Ранним признаком является и то, что изображен именно орел, а не грифон. И на Алтае, и в Причерноморье грифоны появляются несколько позднее несомненно под влиянием древневосточных образцов³². Под грифоном я здесь подразумеваю не только мифическое чудовище с туловищем льва и головой орла, но и орла с ушами и гребнем: на голове. Вполне вероятно, что этот последний образ мог иметь и местные корни. Изображения же грифонов «во весь рост», восходящие к Ассирии, встречаются у ранних кочевников сравнительно редко. В греческом искусстве наиболее ранние грифоны имеют змеиные черты — чешуя, длинный тонкий язык, что никогда не встречается у ранних кочевников³³.

В Скифии, на Алтае и на Енисее широко распространены изображения орлиных голов также на самых разнообразных предметах. Изображений целого орла известно немного — Мельгуновский курган, где их 17 экземпляров, Туэкта I — 27 экземпляров на узде, там же орел, но уже с ушами, на луке седла³⁴. Трактовка их совершенно другая, все они изображены с опущенными

вниз крыльями и повернутой в сторону головой. Но «экспрессия образа», столь характерная для чиликтинских орлов, здесь уже в значительной степени утрачена. Своеобразны фигуры орлов и из Минусинской котловины (ОАК, 1892, стр. 72), для которых так же, как и для оленей, прототипом послужили скорее всего чиликтинские. Тяжелое крыло, для большего сходства с натурой приделанное енисейским мастером, сразу лишило их всей выразительности (рис. 8, 2).

Остается добавить, что в Средней Азии изображений орлов известно немного: на бронзовой бляшке в виде сильно стилизованной головы, найденной около Алма-Аты, орел, клюющий лошадь, очень грубой работы из могильника Тегермансу II на Памире, голова орла на бронзовом ноже из Ташкентской области и из могильника Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи³⁵.

«Пантеры»

Изображения хищника кошачьей породы были так же широко распространены и на востоке, и на западе кочевого мира, как и изображения оленей. Мы видим их и со всеми четырьмя лапами и свернувшимися подобно чиликтинским в кольцо. Этот последний мотив также характерен для ранних памятников звериного стиля и позднее V в. до н. э. встречается редко. В первую очередь здесь следует упомянуть находку в урочище Майэмир в Восточно-Казахстанской области золотых обкладок деревянных блях, по-видимому, от сбруи³⁶. Эта находка интересна тем, что майэмирские «пантеры», видимо, еще более ранние, чем чиликтинские. Они примитивнее и гораздо менее стилизованы (рис. 9, 1). Наиболее вероятная их датировка — вторая половина VII в. до н. э.; тем самым эти «пантеры» являются одним из наиболее древних изображений этого животного в «скифском» зверином стиле. Судя по всем данным, к тому же времени следует отнести и две большие бронзовые бляхи из уже упоминавшегося могильника Уйгарак (раскопки Хорезмской экспедиции 1962 г.). Ближайшей аналогией чиликтинским бляшкам является также знаменитая «пантера» из Сибирской коллекции Петра I (рис. 9, 2)³⁷. Соз-

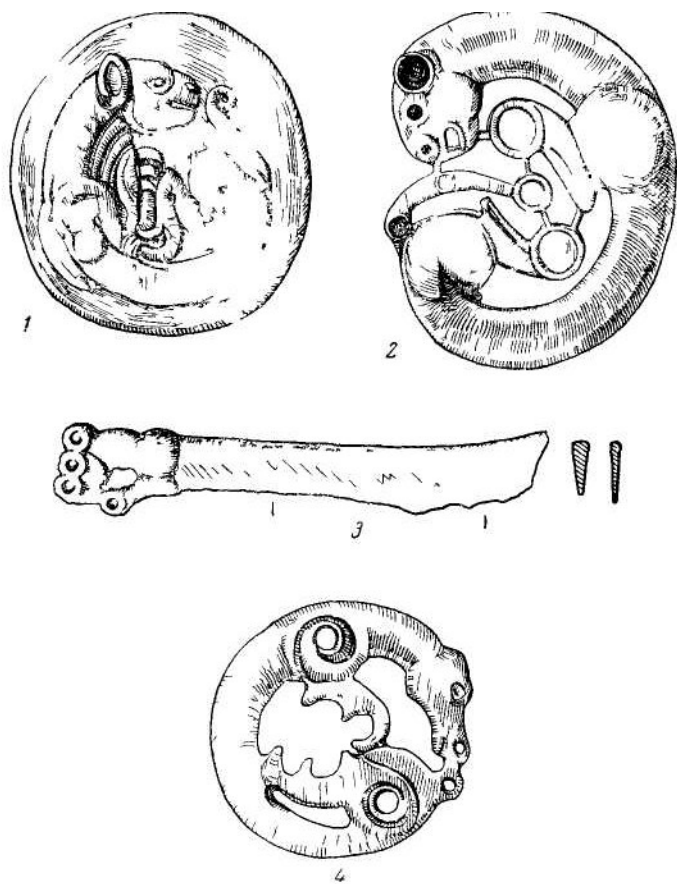

Рис. 9. Аналогии

1 — золотая обкладка деревянной бляхи с изображением «пантеры», Маизмир, Восточный Казахстан, МАЭ, колл 1726, 2 — золотая бляшка в виде «пантеры», Западная Сибирь, коллекция Петра I, Гос Эрмитаж, 3 — бронзовый нож с головой «пантеры», д. Юпитер, Восточный Казахстан, 4 — бронзовая бляшка из Минусинского музея

дается впечатление, что это украшение от одного набора, только наши бляшки маленькие, а сибирская большая. Свернувшиеся хищники известны еще на лапах и хвосте большой золотой «пантеры», на бронзовой бляшке и на ручке зеркала в Келермесе, в Ольвии, у д. Дарьевки, из курганов у Темир-горы, Константинов-

ки и «Три брата» в Поволжье³⁵. Все они относятся к первой половине VI в до н э В курганах V в до п э они найдены под Воронежем, у с Цветочное, в Поволжье (курган А-12), в Поднепровье и на Кубани, по стилизации здесь уже доведена почти до Неузнаваемости образов³⁹. С. В. Киселев дал исчерпывающий анализ этих изображений на Енисее, где они встречаются уже в курганах первого этапа тагарской культуры, т. е в VII в. до н. э.⁴⁰ Встречаются они и далее на восток, но там такой же кружок составлен из фигур двух хищников⁴¹. С. В. Киселев обратил особое внимание на то, что кольчатость лап и хвоста, какую мы видим на чиликлиноких фигурках, отсутствует на древнейших тагарских. Отмечает он также, что сходство между тагарскими и скифскими «пантерами» поразительно. К этому нужно добавить, что сходство с чиликлинскими еще большее и что в Причерноморье древнейшие из них датируются первой половиной VI в. до н. э., следовательно, на Алтае и Енисее этот мотив должен быть древнее. В связи с этим необходимо обратить внимание на одну деталь трактовки морды чиликлинских «пантер». Ноздря, глаз и ухо изображены в виде круглых углублений, расположенных на прямой линии. То же мы видим на бронзовом ноже из уже упоминавшегося кургана у д. Юпитер в верховьях Иртыша (рис. 9, 3), где были найдены асимметрично-ромбические стрелы, и на бронзовых бляхах из могильника Уигарак. Такой весьма характерный стилистический прием, навряд ли зародившийся в разных местах одновременно, известен на очень многих изображениях этого хищника и в раннескифских курганах. Сюда относятся все келермесские «пантеры» (кроме большой), золотые «пантеры» из Ульского кур-лана (10 экземпляров), из Битовой могилы—11 экз., из Ольвии, из курганов у с. Томаковки, у г. Ромны (так наз. «хутор Шумейко»), у с. Дарьевка и Усачевка в Поднепровье⁴². Интересно, что в Зивие этого приема не встречается. Все перечисленные курганы, кроме Битовой могилы, датируются первой половиной VI в. до и э. Подобная же особенность изредка встречается и на Енисее (рис. 9, 4; Минусинский музей, № 925), но ее совершенно нет в более поздних курганах Пазырыкской группы, может быть, потому, что там, за одним исключением, не найдены изображения хищников в металле^{4а}.

Кабаны

Изображения этих животных распространены также очень широко. В верховьях Иртыша мы знаем золотую фигурку с р. Буконь и наскальные рисунки кабана, оленя и хищника у аула Тамураши (рис. 10)⁴⁴. На Алтае очень похожий на чиликтинских кабан изображен на колоде из второго Башадарского кургана, который относится к середине VI в. до н. э., и на костяной обоймочке из кургана того же времени у Бийска; бронзовая бляшка в виде фигуры кабана найдена также в Карагандинской области⁴⁵. Большое количество их известно и в Причерноморье. Из них ближе к чиликтинским — фигурки кабанов на зеркале из Келермесского кургана 1903 г. и на золотой обкладке ножен акинака из кургана V в. до н. э. у станицы Елизаветовской на Дону⁴⁶. Есть они на рукоятках раннетагарских кинжалов на Енисее и на «оленном камне» в Туве⁴⁷. Следует в этой связи отметить, что кабаньи клыки были широко распространенным украшением, главным образом седельного набора, у ранних кочевников Алтая⁴⁸. Один такой клык найден и в кургане № 7 Чиликтинской долины (табл. XXIII, 11).

62

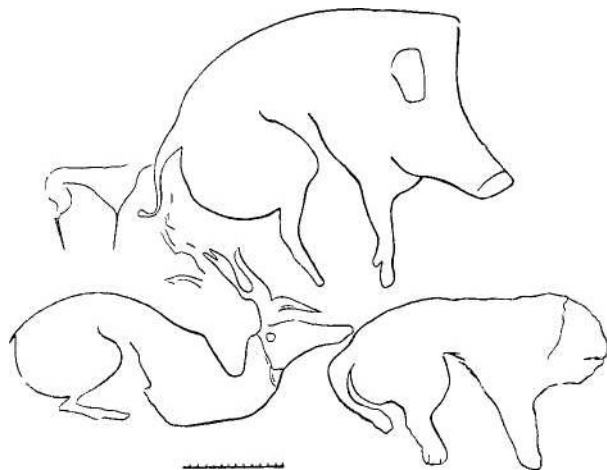

Рис. 10. Наскальные изображения у аула Тамураши в верховьях Иртыша (прорисованы)

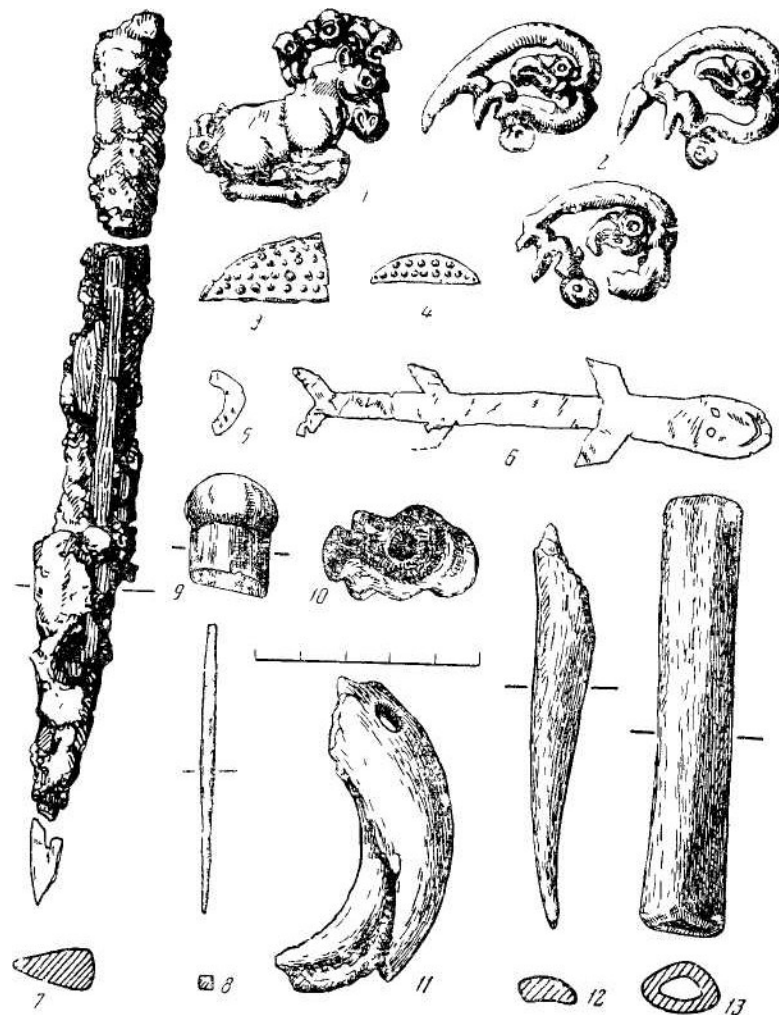

Таблица XXIII. Предметы из кургана 7

1 — золотая бляшка в виде оленя, рога и хвост в виде орлиных голов
2 — золотые бляшки в виде орлов; 3 — обломок золотой бляшки с пунсонным орнаментом; 4 — золотая сегментовидная бляшка с пунсонным орнаментом, 5 — обрывок золотого листочка; 6 — изображение рыбы вырезанное из золотого листка; 7 — железный нож с остатками деревянных ножен с золотым кончиком; 8 — бронзовое шило, 9 — предмет из белого мрамора; 10 — астрагал барана с просверленным отверстием, 11 — клык кабана с отверстием; 12 — костяная проколка; 13 — костяная трубочка

Кабан — животное сильное и свирепое, и охота на него с луком и копьем была делом далеко не безопасным. Однако в сценах борьбы зверей он никогда не изображался нападающей стороной. Терзают его тоже редко, но такие изображения есть, правда, более поздние — змея на золотой бляхе из Сибирской коллекции Петра I и грифоны из Александропольского кургана⁴⁹. Видимо, травоядная сущность кабана все же учитывалась древними мастерами.

Рыба

Единственное в кургане 5 изображение рыбы, так же как и орлы, не имеет аналогий. В памятниках скифо-сибирского звериного стиля рыбы встречаются, но сравнительно редко — Пазырыкская группа, в Луговом могильнике на Северном Кавказе, в курганах Келермеса, Солоха, Волковцы, в находке у Феттерсфельде и в так называемом Аму-Дарьинском кладе. Но все они сделаны совсем в другой манере. Как мы уже говорили, вырезанное из золотого листка изображение рыбы есть и в кургане 7 (табл. XXIII). Оно имеет прямую аналогию в татуировке на ноге вождя из 2-го Пазырыкского кургана⁵⁰, который датируется второй половиной V в. до н. э. Такова же наиболее вероятная дата и кургана 7.

Выводы

Не будем столь же детально останавливаться на остальных мелких украшениях из кургана 5. Отметим только, что золотые полоски, а также ромбики и треугольники с пунсонным орнаментом встречаются и в некоторых раннескифских погребениях. В частности, пунсонный орнамент есть в Мельгуновском кургане⁵¹. Миниатюрные круглые бляшечки с ушками известны в Келермесе, древнейшем из Ульских курганов, в курганах у «хутора Шумейко» и у ст. Тульской (коллекция Гос. Эрмитажа). Обкладка ремня с инкрустацией, пирамидальная подвеска и би-

сер такой формы встречены впервые. Совершенно уникальны по тонкости работы крошечные золотые подвесочки с ушком, в которых, так же как и в изображениях животных, чувствуется рука зрелого мастера и богатые производственные традиции.

Некоторые указания на время сооружения нашего кургана дает и техника зерни, которая особенно широко была распространена на Переднем Востоке, в Греции и Этрурии именно в VII—VI вв. до н. э.⁵² Зернью украшены многие предметы из Сибирской коллекции Петра I и из ранних скифских курганов — Келермес, Мельгуновский, Томаковка, Темир-гора и другие⁵³. Там эта техника явно заимствована с Переднего Востока, о чем свидетельствуют, в частности, относящиеся к VII—VI вв. до н. э. серьги в виде калачика⁵⁴. У нас нет никаких оснований думать, что эта сложная и тонкая техника появилась у чиликтинских мастеров сама собой. Судя по всем данным, она могла быть заимствована только в странах Переднего Востока. Для начала VI в. до н. э. также характерна и строгая инкрустация бирюзой или голубой эмалью — Келермес, Костромская, Томаковка и другие. Она сильно отличается от позднейшей — сарматской, где обилие вставных камней приводит иногда к почти полной неузнаваемости основного изображения.

Итак, после анализа всех имеющихся в нашем распоряжении материалов необходимо прийти к выводу, что наиболее вероятная дата сооружения кургана 5 Чиликтинской долины — рубеж VII—VI вв. до н. э.

Теперь можно высказать кое-какие соображения и об этнической принадлежности чиликтинских племен. Здесь прежде всего бросается в глаза разница в погребальном обряде с расположенными сравнительно недалеко к северу курганами Пазырыкской группы. Ни в одном из раскопанных Чиликтинских курганов совершенно нет захоронений лошадей, керамики, глубоких могильных ям, гробов-колод, деревянных столиков; зато сами курганы гораздо выше и величественнее; сделаны они из битой глины или дерна; могильные ямы имеют дромос, идущий в восточном направлении; одежды, по-видимому, имели большее количество золотых бляшек и украшений. Следовательно, это две этнически различные группы населения, каждая со своими традиция-

ми и особенностями, хотя они и имели много общего между собой во всем облике их материальной культуры. Граница между этими группами, судя по могильнику Усть-Буконь, проходила где-то в самых верховьях Иртыша⁵⁵. Вторая точка этой границы находится по верхнему течению р. Нарым. В Майзмирских курганах, где были найдены уже упоминавшиеся золотые «пантеры», ямы перекрыты, как и в Усть-Букони, деревянным накатом и имеют дромос. Захоронений вместе с покойником лошадей и керамики нет. А совсем недалеко, под Солонечным белком в верховьях Бухтармы, в курганах того же времени лошади есть и весь погребальный обряд ближе к пазырыкскому⁵⁶. Зато на юге конструктивные особенности чиликтинских курганов имеют прямые аналогии с большими курганами на р. Или. Та же огромная насыпь, та же клетка, а не сруб из больших бревен, тот же дромос на восток в виде коридора, сложенного из бревен, отсутствуют лошади и керамика. Бесшатарский могильник на р. Или вполне справедливо считают сакским, относящимся к VI—IV вв. до н. э. Дромос, идущий на восток, мы знаем еще в Карагандинской области в урочище Бегазы и далее на запад, в низовьях Сыр-Дарьи в могильнике Тагискен, который С. П. Толстов датирует VIII в. до н. э. и относит к сакскому племени сакараваков⁵⁷.

Таким образом, мы имеем достаточно веские основания связывать Чиликтинские курганы с сакским племенным объединением, которое играло столь большую роль в судьбах Ахеменидской Персии. Собственная же история саков в значительной степени остается еще загадочной. Следует отметить, что в I тысячелетии до н. э. в казахстанских степях, судя по всем данным, существовали три крупных племенных объединения, которые древние авторы называли уже народами, — это саки на юге и юго-востоке, савроматы на западе и аримаспы на севере и северо-востоке. К этим последним относится, по моему мнению, и группа Пазырыкских курганов (впервые мысль об аримаспах на Алтае высказал еще Э. Эйхвальд)⁵⁸. Геродот (III, 116; IV, 27)⁵⁹ и все другие античные авторы определенно связывают «конную рать аримаспов» с крупным центром добычи золота, добавляя при этом фантастические подробности о стерегущих это золото грифах и о том, что у аримаспов

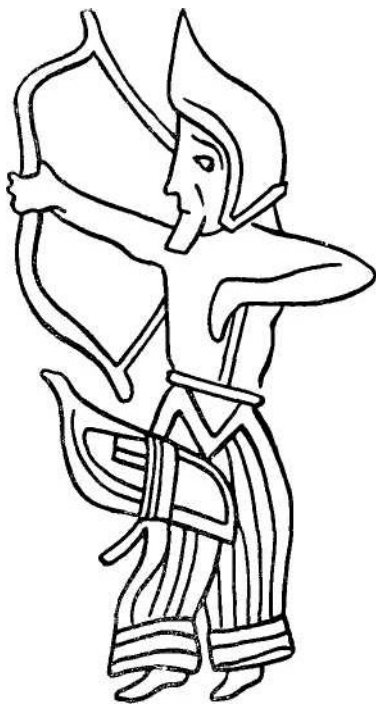
был всего один глаз. Как бы критически ни относиться к данным античной географии, все равно получается и по Геродоту, и по Птолемию, что аримаспы жили где-то в Северном Казахстане, т. е. как раз в том районе, где находятся крупнейшие в Советском Союзе древние золотые рудники, которые разрабатывались в эпоху бронзы и в начале I тысячелетия до н. э.⁶⁰ Смутные слухи о них, приукрашенные всякими фантастическими подробностями, и доходили до античных писателей⁶¹.

Следует отметить также, что наиболее могущественные вожди ранних кочевников никогда не погребались в центре контролируемых ими территорий, а прежде всего на хороших зимних пастбищах: скифские — на Кубани и в Поднепровье, сакские — в Чиликтинской долине, на р. Или и в низовьях Сыр-Дарьи, аримаспы — в котловинах Алтайских гор. Таковы данные для VI в. до н. э. С течением времени картина, конечно, менялась.

Интересно, что некоторые детали сакского погребального обряда, например ориентировка покойника головой на запад, прослеживаются и в ранних курганах Причерноморской Скифии⁶².

И совсем удивительно, что в Киевской области у с. Перепетовки в 1844 г. был раскопан большой курган, чрезвычайно напоминающий чиликтинские. Поверх деревянного «сруба» была насыпь «высотой в 5 сажень», сделанная из битой глины и покрытая сверху камнями. Захоронений лошадей нет. В «срубе» находились 14 скелетов и остатки сожжения, что совершенно необычно для раннескифских курганов. Из многочисленного инвентаря, в том числе и керамики, стоит упомянуть 24 золотые бляшки с крылатым грифоном греческого типа. Этот курган можно отнести к концу IV в. до н. э.⁶³

Не требует особых доказательств тот факт, что чиликтинские саки были кочевниками. Уже один выбор именно такой долины говорит за это, да и находки во всех курганах этого могильника с полной определенностью указывают на кочевой образ жизни людей, которые были там погребены.

Легендарные походы

Материалы Чиликтинского кургана, которому посвящена эта книга, представляют не только историко-культурный интерес. Эти находки очень важны и для историка. Надо сказать, что проблема происхождения звериного стиля, о котором пойдет речь дальше, смыкается здесь с проблемой возникновения и первых шагов кочевого скотоводства, которая разработана в науке еще совершенно недостаточно. Причина тому — очень малое количество материала. Ведь ранние кочевники не оставили никаких летописей или иных исторических источников. Помимо раскопок соответствующих памятников, археологам приходится довольствоваться лишь тем не-

многим, что писали о них соседние более культурные народы. А между тем историческое значение кочевников огромно.

Что такое

кочевое скотоводство

Каковы его особенности и какова его роль как определенного исторического явления? Без представления об этом останется неясным то большое историческое и историко-культурное значение, которое имеют публикуемые находки.

Уточним сперва, где появляются кочевники и какие физико-географические условия наиболее благоприятствуют развитию именно этой системы хозяйства?

Это великий пояс евразийских степей. Естественно, что на огромном пространстве, которое они занимают, наблюдается большая разница в физико-географических условиях. И населяли эти степи разные племена и народы. Однако все эти территории имели одно общее свойство — отсутствие больших лесных массивов и невозможность широкого развития первобытного земледелия в силу относительно слабой обводненности и тяжелых почв, почти недоступных примитивным сельскохозяйственным орудиям. Естественно, что для степных и даже лесостепных племен земледелие не могло быть единственной основой существования. Степные же пастбища в соединении с горными давали возможность для прокормления больших стад скота в течение круглого года на подножном корму. Но в отличие от сельскохозяйственных стран эти пастбища почти всегда были разбросаны на большой территории.

Таким образом, своеобразие физико-географических условий степной полосы оказало сильнейшее влияние на конкретные особенности исторического развития обитавших там людей. Здесь зародилась и получила свое полное развитие особая односторонне развитая отрасль хозяйства — кочевое скотоводство. В иных природных условиях возникают и развиваются и иные формы скотоводства. В горных местностях — это яйлажное содержание скота с перегоном его на альпийские луга летом

и в долины зимой (Кавказ, Таджикистан и многие другие горные области), в южных земледельческих районах — стойловое, с ограниченным выпасом (все страны древнего ирригационного земледелия), в лесной полосе — также стойловые, но с кормозаготовками на зиму. Кочевое скотоводство как доминирующую форму хозяйства мы наблюдаем не только в степной полосе Евразии, но также в некоторых районах Переднего Востока, Южной и Северной Африке, Северной Индии и Афганистане и, наконец, в Северной Азии (на оленеводческой основе), но там оно распространяется на сравнительно небольшие территории и имеет свои исторические предпосылки и свои особенности.

Необходимо постоянно учитывать, что, так сказать, «чистых» кочевников-скотоводов никогда не существовало и речь может идти лишь о преобладающей, но не единственной отрасли хозяйственной деятельности. Земледелием в той или иной мере занимаются и они сами, и живущее рядом и среди них оседлое население, очень часто — вчерашние кочевники. Это сильно затрудняет понимание многих исторических явлений на таких пограничных территориях.

Но наличие земледелия не снимает возможности и необходимости рассмотрения кочевнического мира степей как особого, своеобразного явления, отличающегося рядом существенных черт от истории оседлых стран. В чем же заключается это свойственное кочевому обществу своеобразие?

Исторические факты показывают следующее:

1. Процессы экономического развития и классовообразования у кочевников развивались крайне медленно. Почти отсутствовал технический прогресс *. Развитие социальной организации, надолго задержавшись на стадии разложения первобытнообщинного строя, никогда не поднималось выше уровня патриархально-феодалных отношений, для которых характерны феодальная эксплуатация, облаченная в родо-племенную оболочку.

* Причины такой застойности и медлительности исторического процесса кроются в экономике кочевого хозяйства, но эти специальные вопросы выходят за рамки настоящей работы.

2. У кочевников не возникла и не могла возникнуть рабовладельческая формация, хотя рабовладельческий уклад существовал очень длительное время и прослеживается достаточно четко (домашнее рабство, раб-ремесленник и раб-товар).

3. Классовая иерархия, формы государственного устройства и правовые институты даже в своем наиболее развитом виде нигде не достигают такой завершенности, как в обществе земледельческом. Все без исключения кочевые государственные образования были недолговечны и имели очень нечеткие и примитивные формы.

4. Процессы образования народностей также шли медленно и отнюдь не прямолинейно. Обычно они прослеживаются с трудом. Названия племен и народов часто замесались другими, создавая впечатление сплошных поголовных переселений, чего на самом деле не было. Крупные племенные объединения были также не прочны и складывавшиеся на их основе народности часто распадались.

5. Вся организация общества носила в значительной степени военный характер. Каждый кочевник — прирожденный воин, что обуславливало массовость и хорошую организованность армии, большую подвижность крупных конных масс и своеобразную тактику. Причины на массовости кочевых армий крылась в экономике. Скотоводство не требует постоянной занятости всех мужских рабочих рук. К тому же стада (вместе с женщинами и детьми) могут легко передвигаться вслед за войском. Дальние походы не вели к длительному отрыву армий от своей экономической базы. Набеги кочевников сопровождалась грабежом, а часто и уничтожением населения, угоном скота, позднее — разрушением городов, сельскохозяйственных сооружений и вообще всех тех ценностей, которые нельзя было захватить с собой.

6. Для всей истории кочевников характерны частые военные столкновения как между ними самими *, так

* В одном из сочинений Лукиана Самосатского, греческого автора II в. н. э., скиф Токсарис так характеризует своих соплеменников: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападение, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи...»

и с земледельческими племенами и народами, расположенными по границам степи. Являясь сами варварской периферией рабовладельческого, а затем феодального мира, они оказывали на него непрерывное (преимущественно военное) давление и в свою очередь подвергались сильному воздействию более высокой оседлой культуры. Однако от первых киммерийских походов VIII в. до н. э. и позднее опасность нашествия кочевников была самой реальной и страшной угрозой для стран, соседящих со степью.

7. Передвижения больших масс кочевников происходили главным образом с востока на запад. Крупные походы они совершали на юг и на восток, значительно реже и в меньших масштабах — на север.

Таковы факты, показывающие, что кочевые племена и народы в своем развитии, подчиняясь общим законам исторического процесса, отличались от племен и народов стран оседлых, с земледельческой системой хозяйства. Это дает нам право рассматривать кочевое скотоводство как специфическое явление в общем ходе истории человечества, которое, однако, еще нуждается в детальном и конкретном изучении.

Постепенный переход к кочеванию на определенной ступени развития производительных сил у степных и лесостепных племен эпохи поздней бронзы с VIII—VII вв. до н. э. явился подлинным переворотом не только в их хозяйственной деятельности, но и в материальной культуре, быте, мировоззрении и социальной организации*. Кочевое скотоводство было тогда явлением, несомненно, прогрессивным, так как по сравнению

* Сейчас можно считать доказанным, что на территории СССР перешли к кочеванию и забросили свои оседлые поселения в первую очередь племена андроновской и срубной культур, жившие в степной и лесостепной полосе во II и в начале I тысячелетия до н. э. Остатки их материального производства, имеющие свои характерные признаки, раскопаны уже в большом количестве пунктов (главным образом поселения и могильники). Памятники андроновской культуры распространены от Енисея до Урала, частично захватывая и Среднюю Азию, срубной — от Урала до Днепра. Мы не знаем, как именовали себя эти племена, поэтому названия их — чисто условные: андроновская культура — по месту первых; раскопок, срубная — по одному из характерных способов погребения.

с предшествующим, пастушеско-земледельческим хозяйством, оно давало людям неизмеримо большее количество прибавочного продукта. Были освоены громадные территории почти пустынных до того степей. Хозяйственно необходимые дальние перекочевки и походы способствовали быстрому обмену техническими новинками и культурными ценностями, а одинаковый образ жизни создавал предпосылки того единства отдельных элементов их самобытной культуры, которое так хорошо прослеживается на археологическом материале в известной «триаде» — звериный стиль, конская сбруя, оружие.

Почти все I тысячелетие до н. э. для населения степей Евразии есть эпоха замедленного, но неуклонного разложения родового строя у кочевых племен, эпоха «военной демократии» до появления патриархально-феодальных отношений. В силу особенностей кочевого хозяйства она продолжается очень долго и может быть названа эпохой ранних кочевников.

Здесь можно наметить два периода. В VIII—III вв. до н. э. — крупные союзы племен типа киммерийцев, скифов, являвшиеся уже грозной опасностью для соседних, да и не только соседних земледельческих государств. Для них был характерен способ кочевания \ большой ордой (племенем), находящейся в непрерывном, медленном, круглогодичном движении. Усиливается политическая и экономическая власть племенных вождей, очень рано переходящая в наследственную. Совершаются далекие походы, в частности в Переднюю Азию, зарождается героический эпос. Богатые курганы, свойственные этому периоду, есть внешнее выражение процесса все более укрепляющейся политической и хозяйственной мощи племенной верхушки*.

* Таковы всемирно известные курганы у Келермесской станицы на Кубани, Чертомлык, Солоха, Куль-оба — на Украине, Пазырыкская группа на Алтае и многие другие. Позднее пышный погребальный обряд еще сохраняется, но массивных драгоценных вещей и, что характерно, — лошадей уже значительно меньше (сарматские курганы типа Новочеркасского, Воздвиженского, Хохлач и др.). Видимо, здесь в какой-то степени меняется порядок наследования имущества умершего вождя, нашедший отражение в погребальном обряде.

Крупные, хотя до сих пор и не совсем еще ясные изменения происходят в кочевом мире в III—II вв. до н. э. Появляются первые очень примитивные и нечеткие государственные образования, например усунь и скифское царство в Крыму. Пример этого последнего, а также государства кушанов в Средней Азии показывает, что кочевая знать, внедрившаяся в оседлые земледельческие области, очень быстро перестает быть кочевой и становится рабовладельческой знатью (так же, как впоследствии и феодальной).

Вероятно, именно в этот период окончательно исчезает родовая собственность на скот, консолидируется степная аристократия, распоряжающаяся общинными пастбищами. Стада, принадлежащие вождям, начинают пасти уже отдельно от стад всего племени (усунь в Семиречье). Создаются предпосылки для перехода к патриархально-феодальным отношениям. Они начинают складываться, вероятно, в III—IV вв. н. э., но ввиду недостаточности материала, проследить сколько-нибудь четко этот процесс сейчас невозможно. Однако, несомненно, что в эти века в кочевом мире происходят важнейшие изменения, позволяющие нам говорить уже о совершенно другой эпохе, с новым историческим содержанием. Черты феодального строя, несмотря на патриархальную оболочку, вырисовываются все более явно. Меняются формы материальной культуры, исчезают звериный стиль и богатые большие курганы. Перекочевки небольшими имущественно неравноценными группами получают все большее распространение и, наконец, становятся господствующими. Возникают огромные по территории, но также весьма кратковременные кочевые государства с более или менее ясно выраженной классовой иерархией.

Попробуем теперь сформулировать, каково же общее историческое значение эпохи ранних кочевников.

Рабовладельческие государства I тысячелетия до н. э., граничащие со степью, независимо одно от другого, все в той или иной степени испытывали влияние появившегося рядом с ними кочевого мира и в свою очередь на него влияли. Вспомним походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию и персидских царей Кира и Дария I против саков, массагетов и скифов, появление греческих колоний в Северном и Восточном Причерно-

Рис. 11. Скифы. Изображения на золотом гребне из кургана Солоха, Гос. Эрмитаж

морье, тысячелетние взаимоотношения кочевников и земледельцев в Средней Азии, определившие всю ее историю, и, наконец, движение гуннов на Запад, их роль в падении Римской империи и образование современных народов Европы. Эти и многие другие факты позволяют сделать вывод, что ранние кочевники в целом в значительной степени влияли на решение исторических судеб многих и разных стран и народов.

Кочевое хозяйство немислимо без сезонных передвижений с пастбища на пастбище в зависимости от травостоя и наличия воды. Эти передвижения в значительной степени определялись характером зимних выпасов, которые встречались далеко не везде и были особенно ценны и необходимы. Заготовок кормов на зиму для всего своего стада кочевники делать не могли, и если поголовье скота увеличивалось, приходилось искать себе новые пастбища, хотя бы и занятые другими или расположенные очень далеко. Несмотря на все бескормицы и войны, население росло, росли и стада, а весь быт кочевников до последней мелочи был приспособлен к постоянным передвижениям. Этот естественный процесс требовал освоения все новых и новых

территорий, и в этом основная причина того, что кочевые племена с самого начала совершенно не могли обойтись без более или менее далеких переселений и походов. Они были вполне осуществимы тогда. На континенте преобладали пустые и слабо заселенные земли, особенно в степной полосе. Не меньшую роль в этих передвижениях играли также потребность в продуктах земледелия и ремесла и частые межплеменные войны. Эту закономерность, объясняющую многие исторические явления, впервые сформулировал Карл Маркс. Он писал: «...Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»*.

О чем говорят документы

О таких далеких переселениях кочевников, в VIII—VII вв. до н. э. вторгавшихся в «государства древнего мира», расположенные в Передней Азии, до нас дошли уже совершенно определенные известия письменных источников.

▶ * К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Вынужденная эмиграция. Сочинения, т. 8, стр. 568. Хотя термин «ранние кочевники» во времена К. Маркса в науке и не применялся, здесь он подразумевает именно их. Сослаться на индейские племена Северной Америки в качестве аналогии кочевым племенам, как это сделал К. Маркс, сейчас было бы уже невозможно. Они частью уничтожены, частью загнаны в резервации.

Походы именно в этом направлении не были какой-то случайностью. Чем южнее, тем короче зима и легче прокормить скот. Но не в одних пастбищах было дело, их можно найти и ближе. Взоры жадных и сильных северных варваров привлекали к себе сказочные богатства далеких стран Древнего Востока — Ассирии, Мидии, Урарту и других. Издали эти богатства казались неисчерпаемыми, а главное вполне достижимыми. Много веков спустя галлы и германцы будут так же смотреть на Рим, а славяне и варяги на Константинополь.

Можно думать, что большей частью эти походы совершались довольно медленно. С места снималось все племя с женами, детьми и скотом и, как сообщает об этом греческий автор V в. до н. э. Гиппократ (ВДИ, 1957, № 2), двигались компактной массой с пастбища на пастбище с очень небольшой скоростью. Такие передвижения в неизведанную даль, конечно, требовали хорошей разведки и совсем не исключали стремительных и страшных набегов основной конной силы кочующего племени или отдельных отрядов. Походы в Переднюю Азию были далеко не единственными дальними передвижениями кочевых орд, и совершенно прав А. А. Иессен, который рассматривает их лишь как «отдельные эпизоды» общей подвижности кочевой степи². Однако именно эти «эпизоды» оказали большое влияние на развитие культуры степных племен. Совершенно невозможно касаться вопросов происхождения «скифского искусства», не учитывая того глубокого воздействия, которое оказывали древние цивилизации Передней Азии на кочевников. И не только на художественные вкусы и технические навыки, но и на все их мировоззрение и социальный строй. Поэтому прежде чем перейти к дальнейшему, необходимо остановиться на истории вторжений кочевых племен в Переднюю Азию и на более чем столетнем их там пребывании.

Специальной исчерпывающей работы с привлечением всего круга известных нам источников по истории ранних кочевников в Передней Азии еще нет. Сжатое изложение событий можно найти в «Всемирной истории» (т. I, М., 1955). Предлагаемый здесь исторический очерк отнюдь не претендует на полноту изложения и исследовательскую оригинальность. Он основывается главным образом на работах советских ученых:

Б. А. Тураева, В. В. Струве, Б. Н. Гракова, Б. Б. Пиотровского, И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, Е. И. Крупнова, И. Алиева, В. Ф. Смолина и других. В западноевропейской литературе эти вопросы разработаны Е. Э. Миннзом, С. Леман-Гауптом, И. Гармат-той, Т. Сулимирским. Ассирийские документы впервые опубликованы И. Кнудсоном и Е. Клаубером. Наиболее подробную и тщательно аргументированную историческую картину дает в своей монографии И. М. Дьяконов³.

По сути дела вторжение кочевников свелось к почти непрерывным войнам и грабительским набегам, а отнюдь не к планомерному завоеванию тех или иных стран. Геродот так и писал: «Вторжение киммериян не было покорением государств, а лишь хищническим набегом» (Геродот, I, 6). «...Все они конные стрелки из луков, пропитание себе скифы добывают не земледелием, а скотоводством и жилища свои устраивают на повозках» (Геродот, IV, 46). За 200 лет облик кочевников изменился мало, и эта характеристика «отца истории», основывающаяся, очевидно, на собственных наблюдениях, вполне приложима и к тем всадникам, которые появились в VIII в. до н. э. у стен урартских, маннейских и ассирийских городов. Это были необычайно выносливые, неуловимые воины, осыпавшие врага меткими смертоносными стрелами, не доводя дело до длительного рукопашного боя*. Конница кочевников столкнулась здесь с хорошо вооруженной и организованной, хотя и тяжеловесной пехотой, боевыми колесницами и сравнительно небольшим количеством сильно уступающих им в подвижности всадников. В маневренной войне успех был большей частью на стороне ко-

* Не исключено, что в скифском войске могли находиться и пешие отряды, состоявшие, вероятно, из наиболее бедных соплеменников, не имевших боевого коня и нужного для всадника вооружения. В более позднее время пехота у скифов, саков и массагетов была и участвовала в битвах как одна из важных составных частей сражающейся армии. Но комплектовалась она скорее всего из подчиненных земледельческих племен (А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, вып. XXXIV. М.—Л., 1950).

чевников, однако брать города они не умели, да так и не научились. Их было невозможно остановить армиям древневосточных государств, но покорить страну и прочно обосноваться в ней киммерийцы и скифы тоже не могли.

О деятельности кочевников в Передней Азии мы знаем, с одной стороны, из ассирийских источников, с другой,— из сообщений Геродота, Ктесия и других античных авторов, так как сами кочевники были неграмотны. К первым следует относиться с осторожностью. В официальных клинописных надписях ассирийские цари без всякого стеснения повествовали и в словах и в рисунках на стенах дворцов исключительно о своих победах, расправах над пленными, военной добыче, дани и т. п. (рис. 12). «...На все вражеские страны пролил я пену смерти»,— писал, например, царь Асархаддон (АВИУ— 70). О поражениях «скромно» умалчивалось, так что, если верить только этим текстам, вся история Ассирии — сплошные военные триумфы, истребление и перемещение покоренных народов. Той же пропагандистской практики придерживались и цари государства Урарту.

Но до нас дошли и другие ассирийские документы. Это донесения разведчиков о событиях в соседних странах и запросы царя к оракулу бога о тех или иных политических и военных ситуациях и о связанных с ними возможных неприятностях. К сожалению, ответы не сохранились и мы не знаем, какова была сообразительность тех жрецов, которые должны были отвечать на весьма конкретные царские вопросы о ближайшем будущем. В этих текстах, отнюдь не предназначавшихся для широкой публики, отчетливо вырисовывается, какие заботы терзали умы и сердца воинственных и гордых ассирийских царей. Так, например, одним из главных объектов внимания Асархаддона (681—668 гг. до н. э.) было поведение и возможные набеги киммерийцев и скифов. До нас дошло 17 таких его запросов, причем из них не видно, чтобы он чувствовал себя в это время победителем. В официальных же текстах Асархаддона кочевники упоминаются всего 4 раза, разумеется, в совершенно победоносном стиле.

В отличие от ассирийских и урартских надписей античные историки составили более или менее связную

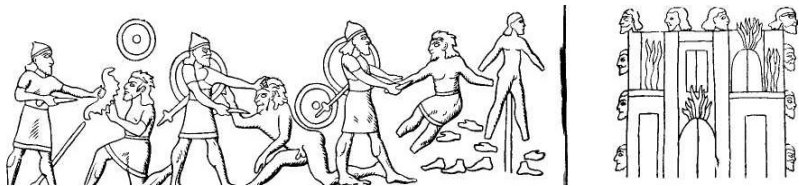

Рис. 12. Расправа ассирийцев с побежденными. С рельефа на Салманассаре III; IX в. до н. э. (по

историю Мидии и современного им Ахеменидского Ирана. Но писали они спустя много времени после событий и не на основании каких-либо архивов или других документов, а по личным впечатлениям и расспросам людей, в памяти которых были еще живы воспоминания о прошлых временах. О кочевниках они сообщают много важных сведений, но лишь в связи с теми или иными событиями в этих государствах. Упоминание о киммерийцах есть и в «Одиссее» Гомера. Помещены они там на краю тогдашнего света, и сообщается только, что в их земле холодно, тучи, никогда не светит солнце, а рядом вход в царство мертвых («Одиссея», XI, 12—16). Можно предположить, что эти стихи «Одиссеи» возникли в VIII в. до н. э. и подразумевается здесь первоначальная родина киммерийцев — Северное Причерноморье. Как это ни странно, но у греков в те времена действительно было представление о Крыме, Кубани и Южной Украине, как об очень холодной и мрачной местности.

Круг письменных источников этого времени, вообще говоря, довольно широк, но отнюдь не все еще безусловно ясно. В частности, вызывают споры точные датировки некоторых событий, например, 28-летнее господство скифов. Одним авторам, например Геродоту, можно верить, другим, как Ктесий, не очень, но все же основные контуры исторических событий в Передней Азии в VIII—VI вв. до н. э. вырисовываются достаточно отчетливо. Археологические источники по этому вопросу весьма скудны, это уже упоминавшиеся нако-

нечники стрел, «клад» в Зивие и некоторые другие немногочисленные находки.

Можно насчитать несколько общих названий (этнонимов), под которыми ассирийцы и греки подразумевали степных кочевников, не слишком вдаваясь в подробности их племенных именовании. Нам известны умман-манда, киммерийцы (гимирра), скифы (ишкуз), саки, массагеты, савроматы и ряд других. В Передней Азии действовали только киммерийцы и скифы. «Умман-манда» — термин наиболее ранний и наиболее общий — встречается в вавилонских и ассирийских документах. Им обозначались вообще все «северные варвары», в том числе и мидяне; киммерийцы и скифы — уже несколько точнее, хотя клинописные надписи их часто и путают, называя одни и те же племена то так, то этак. Под такими же именами были известны они и грекам, но уже не только в Передней Азии, а и в Северном Причерноморье. Саки — это среднеазиатские кочевники персидских клинописных надписей. Греки называли их также и массагетами. Савроматы, а позднее сарматы — кочевники Приуралья, поволжских и предкавказских степей. Одним словом, прав был очень добросовестный историк I в. до н. э. Страбон: «Древние эллинские писатели... называли одних саками, других массагетами, не имея возможности сказать о них ничего достоверного» (VI, 1). Можно сейчас считать установленным, что все они говорили на языках так называемой восточноиранской группы индоевропейской языковой семьи. Их язык был близок к тому языку, который сложился в Мидии и Ахеменидском Иране и из которого впоследствии развились современные иранский, таджикский и афганский языки. В частности, язык скифской группы послужил основой современного осетинского*.

«Вот идет народ из северной страны»

Киммерийцы и скифы столкнулись со следующей политической ситуацией в Передней Азии (рис. 13). Крупнейшим и могущественнейшим государством была тогда Ассирия, она покорила и жестоко притесняла многие племена и народы которые, естественно, неоднократно пытались вернуть себе независимость. Границы ее в то время соприкасались с несколькими также рабовладельческими государствами. Ассирийские цари вели с ними частые войны и неоднократно вторгались в их пределы со своей мощной и хорошо организованной армией, предавая все огню и мечу. На севере крупнейшим из этих государств было Урарту, история которого сейчас известна нам благодаря работам Б. Б. Пиотровского достаточно хорошо Южнее и восточнее озера Урмия находилось государство Манна, о котором мы знаем уже значительно меньше, так как памятники его письменности, если таковая вообще была, до нас не дошли. Судя по всему, там сохранялись еще очень сильные пережитки первобытнообщинного строя и государством его можно называть лишь с некоторой натяжкой. Еще восточнее, на Иранском нагорье, в конце VII в. до н. э. начинает складываться государство Мидия, сыгравшее крупную роль в истории Передней Азии. В ее состав вошли многие племена и народы. Исчерпывающие сведения о ней содержатся в монографиях И. М. Дьяконова и И. Алиева. Мидию сменила «мировая» по тем временам держава Ахеменидского Ирана, через два века в свою очередь павшая под молниеносными ударами Александра Македонского. Это было бурное время крушения одних царств и возникновения других, сложения новых народов, расширения торговых и культурных связей отдаленных и разобщенных до того стран; время, когда рабовладельческий строй со всеми его жестокостями находился в расцвете сил и еще играл прогрессивную роль в истории человечества.

Первые сведения о вторгшихся в Переднюю Азию северных кочевниках появляются между 722 и 715 гг. до н. э. в донесениях ассирийских разведчиков. В них

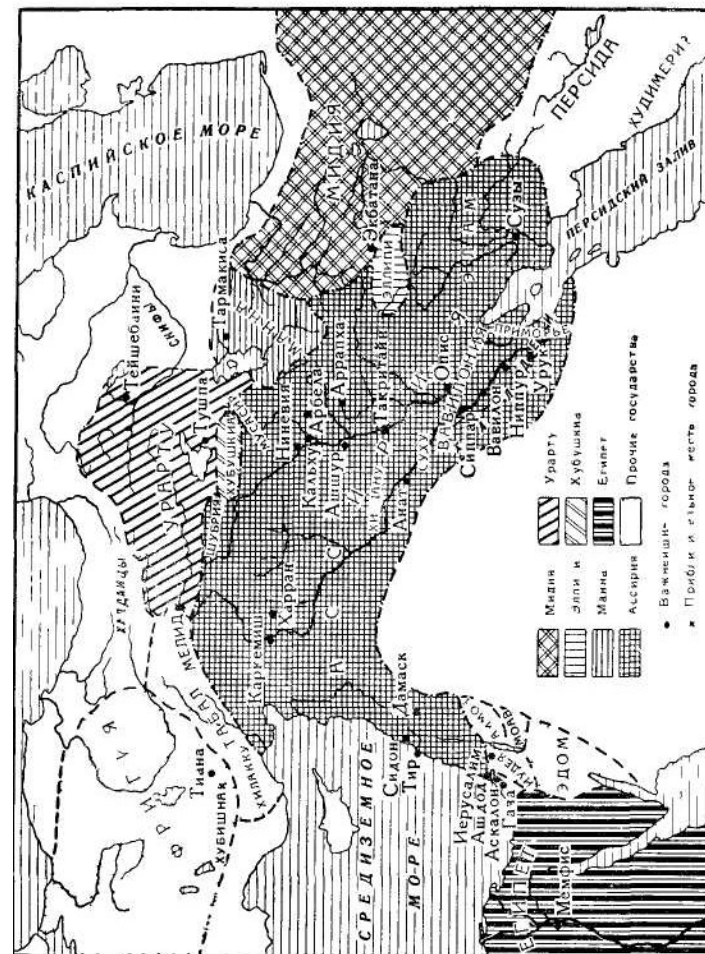

Рис. 13. Передняя Азия в конце VII в. до н. э. (по И. М. Дьяконову)

много неясного. Так, некий Ашшурисуа доносил Саргону II (721—705 гг. до н. э.), что урартский царь Руса I предпринял поход в «страну Гамирра», но потерпел поражение, а три его военачальника со своими отрядами погибли (ЛВИУ — 50, 10—11). Одновременно он сообщал, что киммерийцы платили дань Русе I. «Страна Гамирра», по мнению одних исследователей, находилась в северо-восточном углу Малой Азии, по мнению других — немного дальше на восток, в Юго-Западном Закавказье. Во всяком случае именно где-то в этих районах был основной центр киммерийских кочевий и в последующее время. Такое местоположение хорошо согласуется со сведениями Геродота о том, что они прошли от черноморских степей в Малую Азию вдоль восточного берега Черного моря.

Другой ассирийский шпион, Арад-Син, в это же время в донесении вельможе, который ведал разведкой на северных границах, писал: «...Киммериец этот вышел из страны маннеев и в Урарту вступил» (АВИУ — 50, 8). От «страны Гамирра» это довольно далеко, совсем на другом конце Урартского царства. Не о скифах ли, прошедших, как писал Геродот, через Восточный Кавказ, сообщал здесь Арад-Син? Это, несомненно, какие-то другие кочевые племена, помогавшие маннеям в их борьбе с Урарту. Что же касается названия, то для ассирийцев было тогда вполне естественно именовать обе орды одинаково. Собственно же киммерийцы действовали только в Малой Азии, и после столкновения с Русой I были с урартами в союзе, чего никак нельзя сказать о скифах. Как бы то ни было, появление кочевников резко изменило соотношение сил и Урартское государство в борьбе с ними было ослаблено.

Не везло в борьбе с кочевниками урартским царям и дальше. Судя по тому, что в их клинописных надписях ни киммерийцы, ни скифы не упоминаются ни разу, — побед, надо думать, не было, а поражения случались⁵. Нечем было похвастать при первом знакомстве с кочевниками также и ассирийцам. В официальных надписях Саргона II никаких упоминаний о них также нет. Нет их и в его титулатуре, где перечисляются все покоренные или даже только побежденные народы, в том числе Урарту и Манна (АВИУ — 54, 55). А вот в запросах оракулу они упоминаются, и в весьма тревож-

ных тонах, 9 раз. Правда, Ассирия была тогда сильна, и Саргон II немедленно использовал ослабление Урарту. В 714 г. ассирийская армия во главе с самим царем вторглась в его пределы, произведя страшные опустошения. Об этом походе нам известно из длинной, подробной и очень хвастливой надписи.

Ни слова о киммерийцах или скифах нет и в официальных надписях преемника Саргона II — Синнахериба (704—681 гг. до н. э.), бывшего при отце начальником разведки. Похвалиться, видимо, было нечем, так как невозможно допустить, что ни Саргон, ни Синнахериб ни разу не сталкивались с кочевниками на своих северных границах. Наоборот, можно предполагать, что Саргон погиб в бою с киммерийцами.

Центром скифского пребывания в Передней Азии с самого начала стала территория Манна. Ассирийцы так и писали: «...войско скифов, которые живут в области страны маннеев...» (АВИУ — 70). Это объясняется, по-видимому, не только благоприятными для скотоводства природными условиями приурмийских гор, но и тем, что скифам, так же как и киммерийцам, видимо, гораздо легче было договориться с вождями маннейских или каких-либо иных племен, чем с ассирийскими или урартскими вельможами. К тому же и расположиться на территории этих стран кочевникам было гораздо труднее. Естественно, что первое время между скифами и маннейцами был заключен военный союз. Их мощная поддержка позволила государству Манна как раз в это время вести самостоятельную достаточно успешную политику и захватить у Ассирии и Урарту ряд областей. На маннейские города скифы не покушались, так как не знали осадной техники, ирригационные каналы, поля и сады, подобно ассирийцам, вероятно, не уничтожали, а свободных пастбищ в тех районах было вполне достаточно. Есть основания думать, что и киммерийцы, и скифы на первых порах пользовались определенными симпатиями и поддержкой среди простого населения стран Передней Азии. Очевидно, оно видело в них какую-то защиту против тяжкого многовекового гнета своего рабовладельческого строя. Вполне вероятно, что и многие беглые рабы искали у них надежного убежища.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники не позволяют последовательно и подробно,

год за годом проследить ход событий. Известно следующее. В 680 г., когда своими сыновьями был убит Син-нахериб, киммерийский вождь Теушпа вторгся в северо-западные области Ассирии. Вступивший на ассирийский престол Асархаддон, младший сын Синнахериба, сумел быстро справиться с начавшейся в стране смутой и в следующем году разбил войско киммерийцев. В этом бою, где-то в юго-восточной части Малой Азии, погиб и Теушпа. Победа, видимо, была настоящей, так как о пей говорят и вавилонские хроники. В течение 6 лет у Ассирии с кочевниками были мирные отношения. Киммерийские наемные отряды даже появляются в ассирийском войске (АВИУ — 66). Но мир был лишь с Ассирией и Урарту, поскольку армии этих стран были тогда еще достаточно сильны. Уже в 678 г. киммерийцы вместе с урартским царем Русой II вторглись в Малую Азию, разгромили племена мушков, а затем и крупнейшее там государство — Фригию. Есть основания думать, что это был далеко не первый их набег в западную сторону, вот почему с ними раньше, чем со скифами, познакомились и греки.

Серьезные события назревали между тем на северо-восточных границах Ассирии. В запросах царя к оракулу появляется новое наименование кочевников — «скифы» («ишкуза»), которые находятся в Манна и, судя по всему, не связаны с ушедшими на запад киммерийцами. Скифов принято считать второй волной массовых переселений кочевников.

Против Ассирии зреет сильная коалиция северных стран, возглавляемая выдающимся индийским вождем Каштарити. В нее входят Мидия, частично оккупированная тогда Ассирией, Манна, скифы и, возможно, киммерийцы *. Урарту, а на юге государство Элам, не-

* Эту войну многие исследователи называют восстанием. С официально-ассирийской точки зрения это было, конечно, так; однако, по сути дела, это была настоящая война между соседними странами. Манна была тогда свободна от ассирийского владычества, скифы — тем более, а в Мидии ассирийские войска едва держались в нескольких крепостях и всей территории, несомненно, не контролировали. Во всяком случае сбор дани превращался в опасную военную экспедицию, об исходе которой запрашивали оракула (И. М. Дьяконов. Указ. соч.— см. сноску 3).

смотря на мир со своим грозным соседом, тоже были не прочь оказать поддержку антиассирийской коалиции, во всяком случае Асархаддон, судя по его запросам оракулу, им не очень-то доверял и боялся их выступления. Уже в 674 г. скифы активно действуют против ассирийцев и в Манна, и в Мидии во главе со своим вождем Ишпакаем. В 673 г. войсками коалиции был захвачен ряд ассирийских крепостей, а маннейские войска вторглись в провинцию Парсуа. Положение Ассирии становилось все тяжелее, так как против ненавистных и беспощадных угнетателей боролись не только профессиональные воины, но и народные массы, поддерживавшие Каштарити и других вождей. В ходе этой войны ассирийский царь старался справиться со своими противниками не только военным оружием, но и дипломатическим, завязывая переговоры с каждым в отдельности (в частности, в 672 г. с Каштарити), всячески стараясь расшатать коалицию. Удалось именно это.

В конце 673 г. погиб смертью воина Ишпакай, честно выполнявший свои союзнические обязанности. Его сменил Партатуа. Это был, по-видимому, человек уже другого склада, насмотревшийся на ассирийскую роскошь и жадно к ней тянувшийся. Асархаддон это учел. Неизвестно, после каких зондирований почвы и переговоров, но Партатуа вдруг запросил себе в жены дочь ассирийского царя. Асархаддон для виду посомневался, поспрашивал оракула, а затем согласился (АВИУ — 68). Естественно, что ценой этой свадьбы была измена делу коалиции и переход скифов на сторону Ассирии. У нас, правда, нет документов, фиксирующих саму свадьбу, но все последующие события с несомненностью свидетельствуют, что она состоялась. Партатуа не стал бы посылать сватов, если бы не был уверен в успехе и тем более не простил бы подобного отказа. Навсегда был разорван и союз с киммерийцами, но к тому времени коалиция уже успела добиться весьма существенных успехов. Мидия стала самостоятельным царством, и Ассирии пришлось его признать; расширила свои границы Манна; не прогадали и скифы, ставшие тоже «царством». Сил, чтобы восстановить довоенное положение, у Асархаддона было в то время явно недостаточно. Одновременно шли военные действия против Аравии. Фи-

никии, палестинских царств и Египта, который и был им ненадолго завоеван в 671 г. Война же на северных границах после упомянутой дипломатической комбинации пошла на убыль, хотя совсем, видимо, и не прекращалась.

За сухими и тенденциозными перечислениями военных событий в ассирийских источниках не видно живых людей и дыма пожарищ, но слышно топота коней и свиста скифских стрел, криков умирающих и слез угоняемых в рабство. Но все же можно себе представить, как раздувался от спеси хитрый и вероломный варвар Партатуа, заполучив себе в жены дочь самого Асархаддона. Надо думать, что царевна приехала не одна. Ее наверняка сопровождала большая свита из слуг, жрецов и других лиц. Вполне возможно, что были среди них и мастера-ювелиры. Новоявленный родственник ассирийского царя, конечно, постарался скорее забыть, что в принципе он лишь первый воин своего племени, вне поля боя — равный остальным. Эти времена ушли. Партатуа, несомненно, стоял уже над племенем, был много богаче и сильнее своих соплеменников, а замашки восточного деспота усваивались им и ему подобными довольно быстро. Что это было так, — свидетельствует весь инвентарь богатых курганов. За умершим вождем на тот свет следовали не только наложница, как в Чиликтинской долине, но и рабы, как в Костромском, Солохе и во многих других курганах. Но рабовладельческими монархами ни в VII в., ни позднее скифские вожди так и не стали. Не позволила экономика их хозяйства.

«Цари» и «царства»

Относительно мирными были 60-е годы VII в. Скифы — союзники ассирийцев; Партатуа именуется в документах царем «Скифского царства». Но не следует, как мне кажется, увлекаться поисками точных границ этого «царства». Скифам нужны были пастбища и продукты оседлого земледелия и ремесла — хлеб, металл, ткани и многое другое. Судя по всему, их зимовки были в районе озера Урмия, а летние пастбища находились север-88

нее, захватывая и Восточное Закавказье. На этой большой и этнически пестрой территории одни оседлые племена могли платить дань скифам, другие — оставаться свободными, третьи — подчиняться иным государственным образованиям, как это было, например, в Манна. И наконец, могла осесть на землю некоторая часть самих скифов, что всегда бывало при тесном соприкосновении земледельцев и кочевников. Таким образом, мощь Партатуа строилась на обилии собственных стад и богатств, силах, подвластных ему скифов, дани, которую платили оседлые племена, оказавшиеся на пути перекочевков, а также на торговле скотом и продуктами животноводства. Этого было вполне достаточно, чтобы скифская племенная верхушка во главе с «царем» могла вести активную политику и предпринимать грабительские походы в те или иные страны в зависимости от общей политической ситуации. Киммерийцы были в худшем положении. Им, видимо, так и не удалось создать в Малой Азии удачного и постоянного ареала перекочевков, а следовательно, и постоянных доходов. «Страна Гамира», очевидно, значительно уступала «Скифскому царству» по своему экономическому значению. Это не могло не сказаться на военной силе киммерийцев и их дальнейшей политической роли.

В 668 г. во время похода на Египет умер Асархаддон. На престол вступил Ашшурбанипал, самый образованный из ассирийских царей. Сохранилась его большая библиотека на глиняных табличках.

В 659 г. ассирийцы, продолжая старую войну, вторглись на территорию Манна и захватили несколько потерянных ранее крепостей, где им достались богатые трофеи. Это вызвало восстание «людей страны»*. Ман-

* Конечно, это был только повод. Основная причина восстания была в том, что вожди маннейских племен, особенно их глава — маннейский царь, все больше и больше становились рабовладельческими владыками. В отличие от скифов возможности для этого у них были, поскольку господствовали они над оседлым населением. Для простого народа это означало потерю последних остатков былых племенных свобод и резкое ухудшение всей жизни. Подобные восстания часто вспыхивали в странах Древнего Востока, граничащих с «варварской периферией».

нейский царь Асхери был убит, и труп его выброшен на улицу. Наследовавший ему Уалли, как это часто бывало, запросил помощи у тех, кто угрожал самому существованию его родины. Он даже послал в гарем Ашшурбанипалу свою дочь, а заложником сына. Поддержку новому маннейскому царю оказали не сами ассирийцы, а союзные им скифы. Партатуа к этому времени, вероятно, уже умер, и возглавлял их его сын Мадий, верный союзник Ассирии. Он палец о палец не ударил, чтобы помочь маннеям, на земле которых находился. А вот народное восстание подавил, не задумываясь.

Примерно в эти же годы киммерийцы в союзе с урартами опустошали Малую Азию. Основным их противником там было государство Лидия, сменившее примерно на той же территории разгромленную ими ранее Фригию. Интересно, что именно в Лидии впервые в истории появились деньги — серебряные монеты. Лидийский царь Гигес своими силами справиться с грозным противником, по-видимому, не мог. В поисках поддержки он обратился к Ассирии и после одной удачной битвы даже прислал Ашшурбанипалу ценные подарки и двух пленных киммерийских вождей, закованных в кандалы. Очевидно, подарки большой пользы не принесли, и очень скоро политическая комбинация изменилась. Гигес оказывается уже в союзе с египетским фараоном Псамметихом, врагом Ассирии. Но помощь Египта оказалась недостаточной, и Лидия была разгромлена. Киммерийцы взяли ее столицу — город Сарды, за исключением цитадели, а царь Гегес погиб в бою. Как самостоятельное государство Лидия, однако, существовать не перестала и скоро оправилась от этого нашествия.

Союз киммерийцев с Урарту и их успехи сильно беспокоили Ашшурбанипала, так как положение самой Ассирии было тогда весьма тревожным. В 654 г. осво-бодился Египет. Через год вспыхнуло серьезное восстание в Вавилонии, которая по богатству и населению, пожалуй, превосходила Ассирию и к тому же не могла забыть, что еще недавно она была великой державой и что именно ей обязаны завоеватели своей письменностью и многими элементами культуры. Во главе этого восстания встал брат Ашшурбанипала — Шамашшум-

мукин, поддержанный старым врагом Ассирии — Эламом. Основные силы войск были нужны на юге, и царь принял соответствующие дипломатические меры.

В 654 г. скифское войско во главе с Мадием появляется в Малой Азии и вместе с ассирийцами наносит сильное поражение киммерийцам. Погиб и их вождь Тугдамий. Урартский царь Сардур IV и сын Гигеса — Ардис поспешили выразить покорность Ассирии. От этого поражения киммерийцы уже не оправались, и их военная и политическая сила сходит на нет. В последний раз мы слышим о них в 617 г., когда лидийский царь Алиат окончательно изгнал их из Малой Азии. Остатки их растворились среди окрестных народов.

Действия Мадия сильно облегчили положение на юге. Ашшурбанипал рассчитал чрезвычайно дальновидно. Чем больше направляемые опытной рукой будут воевать друг с другом кочевники, тем легче будет Ассирии. Восстание в Вавилонии было подавлено, и Шамашшуммукин покончил с собой. Ассирийские войска взяли столицу Элама — Сузы и подвергли всю его территорию ужасающему разгрому. Последний эламский царь Теумман был обезглавлен на глазах своих уцелевших и попавших в плен воинов.

В 653 г. скифы оказываются уже в Мидии и наносят поражение ее войскам (рис. 14). Возможно, что вместе с ними были и маннеи. В этой войне был убит глава антиассирийской коалиции Каштарити, что, очевидно, пагубно сказалось на дальнейшей сопротивляемости мидийских племен. Началось то 28-летнее господство скифов в Передней Азии, о котором так определенно пишут Геродот (I, 106) и другие античные авторы. Не надо только понимать это «господство» слишком уж буквально; ни в какое сравнение с ассирийскими завоеваниями оно идти не могло. Мидия и Манна как самостоятельные государства своего существования не прекратили. Дело ограничивалось скорее всего данью, безнаказанными грабительскими набегами отдельных скифских отрядов, предоставлением пастбищ, в том числе и таких, отдавать которые, вероятно, очень не хотелось. Но факт оставался фактом. В эти годы скифы, несомненно, были крупнейшей после Ассирии военной силой в Передней Азии, и с этим приходилось считаться всем странам. Центром их «царства», очевидно, по-

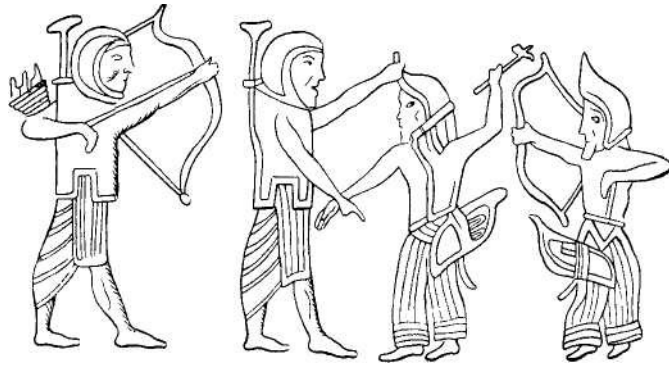

Рис. 14. Борьба индийцев со скифами. Оттиск с цилиндрической печати VI—V вв. до н. э. (по И. М. Дьяконову)

прежнему была территория Манна и прилегающие к ней районы Закавказья и Мидии. Точнее установить это сейчас невозможно.

«Именно тогда скифские войска совершали набеги на Урарту и северные провинции Ассирии, грабили Палестину, в частности библейских филистимлян, и хотели было ворваться даже в Египет. Фараону Псамметиху удалось откупиться от них дарами. Как ни был еще со времен Партакатуа воспитан Мадий в послушании ассирийскому царю, но почуявших свою силу скифов, видимо, удержать не мог, а скорее всего и не хотел. Во всяком случае плапы похода на такую страну, как Египет, навряд ли могли быть хоть сколько-нибудь реальны без участия самого скифского царя. Да и Псамметих не отдал бы свои богатые дары в руки какого-нибудь второстепенного предводителя. В таких делах нужна была гарантия надежная.

Какое впечатление производили эти варвары на народы тех стран, куда вторгалась их конница, видно из речей библейского пророка Иеремии: «Народ издалека... народ древний..., языка которого ты не знаешь... колчан его, как открытый гроб, все они храбры». «Он пожрет твою жатву и хлеб твой, истребит сынов и дочерей твоих, пожрет овец и коров твоих, пожрет виноград твой и смоквы твои и разрушит мечом города твои, на ко-

торые ты надеешься». И далее: «Вот идет народ из северной страны..., держит лук и короткое копьё, жесток он! Они не сжалются! Голос их ревет как море, скачут на конях, выстроились, как один человек... Лишь услышим весть о них — как опустятся у нас руки, туга и боли схватывают нас, как рожающую... Не выходите в поле, не отправляйтесь в дорогу, ибо вражий меч наводит ужас со всех сторон» (Иеремия, V, 15—17; VI, 22—25). Такова чрезвычайно выразительная характеристика северных кочевников, данная их современником.

Кровавый пир Киаксара

Особенно тяжело скифскую руку ощущали Манна и Мидия, так как скифы были там постоянно. Но Манна была слаба, а Мидия исподволь богатели, организовывалась, набирала силы и готовилась к решающей борьбе за главенство в Передней Азии. Вероятно, и для современников было ясно, что скифское господство долго продолжаться не может. Глубоких экономических корней на этой территории они не имели, а исключительно на военной силе ни одно завоевание в мировой истории долго не держалось.

Ашшурбанипал умер в 631 г., также во время похода на Египет. Опять начались междоусобицы и борьба за верховную власть, что тотчас отразилось на положении страны. В 626 г. мы видим Вавилонию уже свободной. На ее престоле сидит не ассирийский ставленник, как было до сих пор, а местный царь — Набопаласар, который сразу же энергично принялся за расширение границ своего царства. К 616 г. почти вся Южная Месопотамия была уже в его руках.

Наследником Каштарити стал Киаксар, которому и суждено было разгромить сначала скифов, затем саму Ассирию и довершить строительство могучей, но кратковременной Мидийской державы. Он начал с того, что реорганизовал армию по ассирийскому образцу и тем самым покончил с неустойчивостью племенных ополчений. Эта реорганизация была проведена уже с учетом скифской тактики, в результативности которой мидяне

могли убедиться на весьма конкретных примерах. Известно, что они даже отправляли своих юношей к скифам для обучения стрелковому искусству. Сходство языка облегчало дело.

Мидия все более и более превращалась в великую державу, а скифы оставались тем, чем были. К 625 г. изменившееся соотношение сил стало очевидным. Требовался лишь решительный шаг и он был сделан. Киаксар пригласил к себе на пир скифских вождей, а когда они приехали, перебил их там всех до единого. Мидия тогда скорее всего в живых уже не было, а его наследник, вероятно, тоже сложил свою голову на этом пиру. Такой вероломный способ, чтобы освободиться от своих политических врагов, довольно часто употреблялся в политике.

Это избиение послужило концом кочевнического владычества в Передней Азии. Часть скифских племен, лишившаяся своих вождей и напуганная кровавым гостеприимством Киаксара, ушла в Закавказье, а от-туда в причерноморские степи *, часть осталась. Никакой особо выдающейся роли в последующих бурных событиях скифы уже не играли, хотя в какой-то степени и сохранили реальную военную силу. Руки у Мидии были развязаны.

Политическое положение Ассирии к этому времени сложилось следующим образом. На севере заканчивал последние приготовления Киаксар. Его армия располагала всеми достижениями как ассирийской, так и скифской военной мысли. На юге все более и более крепла Вавилония, опиравшаяся на многочисленное ненавидевшее ассирийцев население. Элам не оправился от недавнего разгрома и серьезной помощи в антиассирийской борьбе оказать не мог. Египет поддерживал Ассирию из боязни растущей мощи Вавилонии. Урарту и Манна дрожали перед вполне возможным вторжением сильной соседней Мидии и пытались (особенно

* Келермесские, Костромской и Мельгтуновский курганы скорее всего были насыпаны над прахом тех вождей, ближайшие родственники которых были на пиру у Киаксара. Возможно, что и Чиликтинский тоже. Разница во времени между этими событиями не превышает 50 лет.

маннейский царь) также опереться на Ассирию. Таким образом, против дряхлеющего гиганта выступили только два, но сильнейших союзника — Вавилония и Мидия, армии которых воодушевляла борьба с недавними поработителями. Этот союз по обычаю тех времен был закреплен династическим браком. Дочь Киаксара Амиитида была выдана за вавилонского наследника Навуходоносора.

В 616 г. Набопаласар начинает войну с Ассирией и ведет ее с переменным успехом, а в следующем году на перевалах гор, ограничивающих Месопотамскую долину, показались индийские войска, в числе которых находились и скифы.

Это было началом конца. Ассирийская армия, давно уже сильно разбавленная наемниками, не могла, как в былые годы, молниеносно сокрушать всех своих врагов. В 614 г. Киаксар овладевает вторым по богатству и значимости городом Ассирии — Ашшуром. Набопаласар благоразумно опоздал к штурму, ведь мидяне разграбили там храмы тех самых богов, которым поклонялся и он, но к дележу добычи поспел. Союзники действовали дальше достаточно согласованно, и царь Синшаришкун был заперт в центральных провинциях Ассирии без всякой надежды на помощь извне. В 612 г. после трех сражений на подступах к городу и кровопролитного штурма была взята столица Ассирийского государства Ниневия — огромный по тем временам и хорошо укрепленный город. Синшаришкун бросился в огонь своего дворца. Вся ассирийская знать была вырезана. В руки победителей достались сказочные богатства, в течение столетий награбленные Ассирией у соседних народов. «Город крови, логовище львов» (как его называли библейские пророки) перестал существовать, и только грандиозные развалины свидетельствовали о его былой славе.

В 610 г. под ударами вавилонского войска, в состав которого входили и скифские отряды, пала единственная еще державшаяся ассирийская крепость Харран, а в 605 г. у Кархемиша на верхнем Ефрате были уничтожены ее последние войска. Кровавая держава, в течение столетий строившая свое благополучие на крови и страданиях бесчисленного множества людей, навсегда сошла с исторической сцены.

Следует особо подчеркнуть, что столь быстрое падение Ассирии было обусловлено не только ее внутренней слабостью и сильными войсками ее противников, но и той всеобщей страшной ненавистью, которую вполне заслуженно питали к ней соседние народы. По сути дела (особенно со стороны Вавилонии) это была война между отдельными группами класса рабовладельцев за передел земли, богатств и сфер влияния. Но она, несомненно, имела и прогрессивное значение, поскольку было уничтожено самое сильное и жестокое из рабовладельческих государств Древнего Востока, губительно влиявшее на развитие производительных сил соседних стран.

В течение следующих двадцати лет Мидия покоряет Манна, Урарту и «Скифское царство», другими словами, приводит к окончательной покорности тех скифов, которые продолжали кочевать на этих территориях, а также в Закавказье. На востоке ее границы расширяются до Средней Азии. Не в это ли время за- висимые от индийского царя скифы по его приказанию взяли штурмом урартскую крепость Тейшебаини, хотя до этого много лет мирно около нее жили? Блестящие результаты многолетних раскопок этой крепости Б. Б. Пиотровским на холме Кармир-блур около Еревана позволяют высказать такое предположение⁶.

Последний раз о скифах в Передней Азии мы слышим в 590 г. Они были обязаны поставлять для стола Киаксара дичь. Но однажды охота была неудачной, и Киаксар обошелся с ними так, как мог обойтись со своими подчиненными восточный деспот. Скифы затаили злобу, и на следующий раз под видом дичины подали ему мясо мидийского юноши, одного из тех, кто обучался у них стрельбе из лука. Не дожидаясь результатов расследования, скифы откочевали в Малую Азию к лидийскому царю Аллиату, который отказался их выдать.

Вспыхнула война, безрезультатно продолжавшаяся до смерти Киаксара в 585 г. Его сын Астиаг был последним индийским царем. В 550 г. власть в этой державе без особого кровопролития перешла к другому народу, родственному мидянам по языку,— персам. Первый персидский царь из династии Ахеменидов, Кир, погиб в 529 г. в борьбе со среднеазиатскими пле-

менами — массагетами *. Видимо, эти кочевники представляли собой страшную и постоянную угрозу для его царства. Походы в Переднюю Азию были тогда еще свежи в их памяти. Не раз воевали с саками-массагетами и скифами и его преемники⁷.

Исторические итоги походов кочевников

Они довольно незначительны по сравнению, например, с великим переселением народов, но все же вполне ощутимы. Никак нельзя сказать, что киммерийцы и скифы пришли и ушли, и все осталось по-прежнему. Во время их пребывания там рухнули старые монархии Ассирии и Урарту, а вслед за ними вскоре после ухода кочевников — Вавилония и Египет. Рабовладельческий строй в странах Древнего Востока вступал в завершающий период своего развития. Войны, набеги, насильственные переселения и превращение части свободного населения в рабов приводили к тому, что политические и этнические границы стирались, население перемешивалось и возникали новые государства и народы (например, армяне на месте урартов). Вторжение киммерийцев и скифов, несомненно, способствовало ускорению всех этих процессов. Силою обстоятельств они оказались на стороне прогрессивных элементов тогдаш-

* Термины «массагеты» и «саки» употребляют Геродот и другие античные авторы по отношению к кочевникам, которые находились в то время где-то на юге казахстанских степей и в Средней Азии. Археологи пока не могут определенно разграничить сакские и массагетские курганы. Вопрос о взаимоотношении между этими племенами остается до сего времени неясным. Скорее всего — это два названия одних и тех же по культуре племен и оба термина собирательные, хотя, конечно, какие-то конкретные, но нам неизвестные различия между ними были. Интересно, что на западном берегу Каспийского моря в первые века нашей эры жили племена, которые также назывались массагетами. Как и когда они туда попали,— вопрос неясный.

него общества и, несмотря на все действия Партатуа и Мадия,— главное было в этом.

Весьма существенные социальные изменения произошли и у самих кочевников. Большие курганы Причерноморья и Казахстана, которые почти все относятся ко времени после походов в Переднюю Азию, с несомненностью показывают, что с первобытным равенством было уже давно покончено. С одной стороны, появляются «цари»; их пышные похороны свидетельствуют о силе, власти и богатствах, которыми они владели при жизни. С другой стороны,— рабы, убитые на могиле своего господина, чтобы служить ему и после смерти. Рядовые курганы с бедным инвентарем, но с оружием относятся к основной массе населения — свободным членам племени, но все больше и больше зависящих от воли своих вождей. Совсем другая картина, чем в VIII—VII вв. до н. э., наблюдается, когда, судя по немногим раскопанным курганам, имущественное и социальное неравенство было выражено гораздо слабее. Начиная с VI в. до н. э. для степных племен наступил последний этап первобытнообщинного строя — «высшая ступень варварства», для которого характерны обычаи военной демократии⁸.

Вполне естественно, что походы в страны Передней Азии производили сильное впечатление на современников. Сами события и люди, в них участвовавшие, способствовали созданию различных легенд и песен, прославлявших подвиги воинов. Именно в эту эпоху и начал складываться героический эпос кочевых народов⁹. Борьба с кочевниками сыграла также большую роль и в эпосе земледельческих народов, происхождение которого имеет, конечно, совсем другие корни.

Крепли и развивались в те времена также торговые и культурные связи между отдельными народами. И здесь роль кочевников была особенно значительная. Можно утверждать, что весь север «варварской периферии» именно через них знакомился с культурными достижениями цивилизаций Древнего Востока, а потом и античного мира.

Пути на запад и юг

В этой связи весьма существенным для нас является вопрос о путях движения степных племен в Переднюю Азию. О том, что такой путь был только один,— у исследователей разногласий нет. Старое, недостаточно обоснованное, предположение, выдвинутое под влиянием Страбона, о движении киммерийцев вдоль западного берега Черного моря и через Босфор — сейчас отброшено. Геродот (I, 104) весьма определенно пишет, что и киммерийцы и скифы прошли из причерноморских степей в Переднюю Азию через Кавказ. Этот их путь детально разобран и хорошо подтверждается археологически¹⁰. Никакие письменные источники о других путях движения кочевников на юг не сообщают ничего.

И. М. Дьяконов совершенно справедливо указывает, что двинувшиеся с Северного Кавказа в Переднюю Азию скифы не обязательно должны были быть все поголовно причерноморского происхождения. Какая-то их часть, вполне вероятно, пришла с востока, то есть из казахстанской степи. Тем не менее он считает, что не только киммерийцы и скифы, но даже и явно среднеазиатские саки должны были идти на юг только через кавказские перевалы". Но тогда возникает вопрос: зачем восточным кочевникам было делать такой большой крюк? Не проще ли им было пройти в верховья Тигра и Ефрата другим, более коротким путем — через Среднюю Азию и южное побережье Каспийского моря. В IX—VII вв. до н. э. политическая обстановка вполне благоприятствовала такому маршруту. Мидийского государства еще не существовало, и кочевники на пути своего движения до самой Манна сталкивались лишь с отдельными оседлыми и полукочевыми племенами и союзами племен, через территорию которых прорваться было вполне возможно. К тому же этот путь был ничуть не более труден, чем кавказский.

Молчание о нем письменных источников понятно. Ассирийцы вообще нигде не писали, откуда пришли гимирра и ишкуз, а для греков в VI—V вв. география Азии была еще настолько туманной, что конкретно представить себе этот второй путь они просто не могли.

Геродот и другие античные авторы сталкивались лишь с причерноморскими кочевниками и вполне естественно, что они рассказывали им о далеких походах только своих предков. Следует также учитывать, что Средняя Азия и южное побережье Каспийского моря археологически изучены значительно хуже, чем Кавказ.

Все же есть ряд фактов, которые позволяют ответить на вопрос о втором, южном пути, утвердительно.

Технику зерни чиликтинские мастера могли позаимствовать только из стран Древнего Востока. Остатки украшения, еделанного техникой перегородчатой эмали с треугольниками из зеленой и красной стеклянной пасты (№ 10 по описанию), несомненно попали в этот курган оттуда же. Как-то очень трудно предположить, что это украшение везли в Восточный Казахстан через Кавказ и поволжские степи.

Рассматривая совершенно определенные связи кочевников Алтая с Передней Азией в V—IV вв. до н. э., С. И. Рудеяко приводит факты и более древних взаимоотношений, относящихся к VII и началу VI в.¹² В частности, мотив крылатого льва с человеческой головой не мог появиться на Алтае позднее начала VI в. Очень сомнительно, что эти связи осуществлялись только кружным путем.

За последние годы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, руководимой С. Н. Толстовым, были раскопаны в низовьях Сыр-Дарьи (урочища Тагискен и Уйгарак) богатые курганы, которые, как уже указывалось, он относит к сакскому племени сакараваков и датирует VIII—VII вв. до н. э. В этих курганах, наряду с лепными сосудами и геометрическим орнаментом, идущим еще от андроновской культуры, была найдена великолепная керамика, точно так же украшенная, но сделанная на гончарном круге. Обломки очень схожей и по технике, и по орнаменту керамики были найдены Дейсоном и в Маннейской земле на городище Зивие, которое находилось в центре скифских кочевий в Передней Азии (рис. 15)¹³. Рядом с этим городищем были найдены и скифские курганы со многими замечательными произведениями искусства, о которых речь пойдет дальше. С большой долей вероятности мы можем предположить, что у сакараваков во второй половине VII в. работали пленные гончары из стран

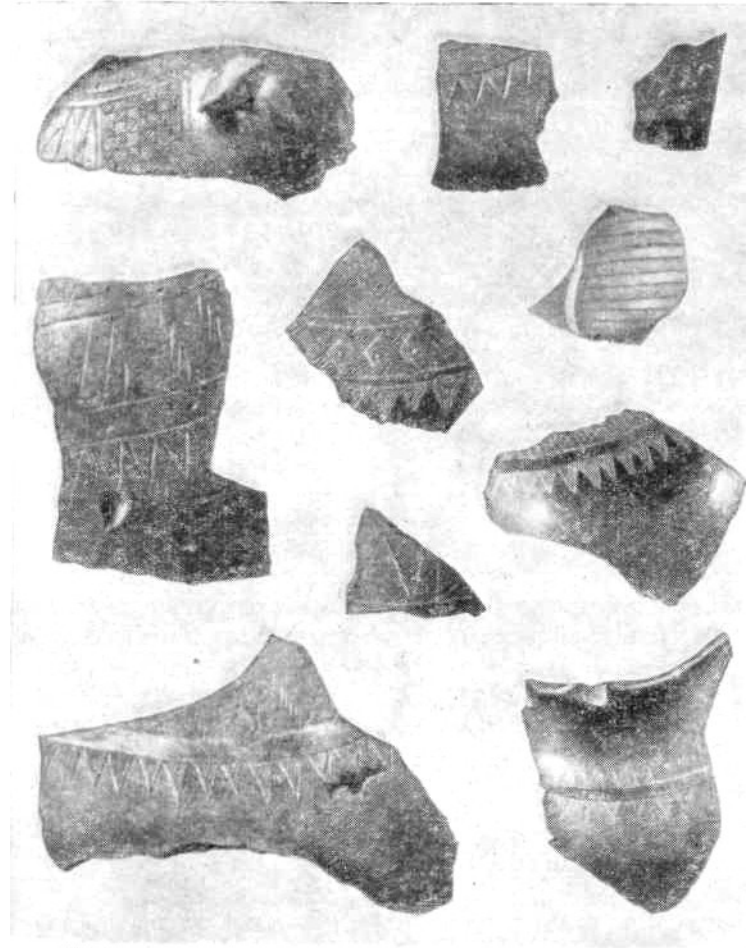

Рис. 15. Обломки глиняных сосудов сако-скифского типа, найденные на городище Зивие в Северо-Западном Иране (по R. Deison, 1951 г.)

Передней Азии, так же оторванные за тысячи километров от родины, как и мастера-ювелиры из Келермеса. Повинуясь вкусам своих новых заказчиков, они украшали свои сосуды местным, возникшим совсем в другой среде, орнаментом. Подобные геометрические резные узоры на керамике вообще характерны для ран-нескифского времени¹⁶. Опять же трудно себе представить, что эти гончары пришли па Сыр-Дарью через Кавказ.

Античные и даже раннесредневековые источники, в частности Страбон, сообщают, что в Южном Закавказье была местность, которая называлась Сакасена или Сакашена по имени живших там саков. Следует, правда, учитывать, что термины «саки» и «скифы» в источниках часто путаются, но все же факт остается фактом. Саки — это восточные кочевники, с чем согласны и все исследователи, разбиравшие этот вопрос¹⁵. Это дало повод академику В. В. Струве и Б. Б. Пиотровскому предполагать третью волну кочевнических вторжений — сакскую из Средней Азии и датировать ее VI в. до н. э. Однако И. М. Дьяконов очень убедительно возражает против такого переселения именно в VI в. Саки просто не смогли бы безнаказанно пройти столь большое расстояние по территории могущественной Мидийской державы, только что покончившей со скифами. Тем более это было невозможно при Кире. Если они и попадали в то время в Переднюю Азию, то, вероятно, только как подданные персидского царя или как часть его армии*. Следовательно, название местности — Сакасена — указывает на переселение кочевников из Средней Азии (или Казахстана) в более раннее время, что хорошо согласуется и с другими имеющимися данными.

У последователей зороастризма есть свод гимнов, молитв и религиозных правил, который носит назва-

* Я несколько не удивлюсь, если в результате дальнейших раскопок вдруг как-то выяснится, что один из вождей, погребенных в Чиликтинской долине, участвовал, скажем, в походе Ксеркса на Грецию в 490 г. до н. э. Ведь в составе персидских войск там были и крупные отряды саков (Геродот, VII, 64).

ние «Зенд-Авеста»*. Официальной религией зороастризм стал уже в VI—V вв. до н. э. в Мидии и Ахеменидском Иране. Тексты Авесты, бывшие уже тогда основной священной книгой, записанные в разное время, очень трудны для понимания и породили обширную научную литературу¹⁶. Сейчас установлено, что некоторые ее разделы — часть Ясны я Яшты — написаны на доахеменидском по времени диалекте и представляют собой записи еще более ранних устных сочинений, восходящих к IX—VIII вв. до н. э. Место происхождения Авесты неясно и служит предметом научных споров. Наиболее вероятно, что это Средняя Азия и Восточный Иран¹⁷, то есть как раз те территории, через которые должен был проходить путь восточных кочевников в Переднюю Азию. В Гатах, которые являются наиболее древней частью книги Ясна и представляют собой нечто вроде политических воззваний, рисуется племенное общество оседлых скотоводов и земледельцев-ариев еще без всяких признаков классового расслоения. Даже бронза и железо обозначаются одним и тем же термином. По Гатам, главная задача человека — разводить скот, но этот скот постоянно страдает от злой силы айшмы (кочевников), для борьбы с которой необходима сильная власть — хшатра¹⁸. Из текста видно, что для ариев важнейшей проблемой была защита своих стад и поселений именно от кочевников, которые конкретно называются «туры». А туры, по мнению лингвистов, означают то же, что и саки-массагеты¹⁹. Составитель Гат видел, вероятно, своими глазами,

* Зороастризм называется религия, распространенная с VI в. до н. э. по VII в. н. э. в Иране, Средней Азии, Афганистане и Азербайджане. Была официальной религией в Ах-менидской монархии, Парфии и Сасанидском Иране. Уничтожена исламом как религией, более соответствующей феодальному строю. Основной догмат — извечная борьба добрых и злых сил: Ахура — Мазды и Анхра — Майнью. Поклонялись огню, идолов и икон не было. Покойников в земле не хоронили, а труп оставляли на воздухе в особых местах («башни молчания»). Когда оставались одни кости, их собирали и складывали в глиняный ящик — оссуарий. Последователи зороастризма, парсы, в сравнительно небольшом количестве есть и сейчас, главным образом в Индии (район Бомбея).

что разрозненные племена не могут оказывать серьезного сопротивления стремительным набегам кочевой конницы, потому-то он и призывал к сильной власти для более успешной борьбы с айшмой. Однако это еще не призыв к господствующему классу; борьба ариев и туров — это межплеменная борьба. Следовательно, у нас имеются основания думать, что понятие «айш-ма» есть результат реальных набегов кочевников на среднеазиатские и восточноиранские оседлые племена на пути в богатые страны Древнего Востока. Если бы этот путь был только один, геродотовский, такой сюжет в Авесте не появился бы.

Итак, с большой долей вероятности можно предположить, что для кочевников существовали два пути к одной и той же цели — через Кавказ и через Среднюю Азию. Оба они действовали одновременно в VIII— VII вв. до н. э., когда общая политико-экономическая обстановка этому наиболее благоприятствовала. Очень трудно сейчас сказать, сколько именно было нашествий кочевников. История сохранила нам сведения только о двух — киммерийцев и скифов, а саки, естественно, остались в тени, так как своих летописцев не имели, от Манна и Мидии никаких надписей не дошло, а греки были далеко. Вполне вероятно, что от первых смельчаков по всей степи очень быстро разнеслись слухи о широких возможностях обогащения далеко на юге. Желающих попытать счастье было много, а сборы легки. Совершенно несомненно, что киммерийцы и скифы в Передней Азии никогда не смогли бы сыграть такой роли, если бы они постоянно не получали все новые и новые подкрепления и из причерноморских и из казахстанских степей. А какое именно кочевое племя первым расположилось на маннейской территории и каким путем оно туда пришло, — этот вопрос остается не совсем ясным.

Прав был Геродот

Какие же у нас есть доказательства тесной связи восточных и западных кочевников в эту эпоху? Исторических свидетельств немного и относятся они уже к V в. до н. э.

Геродот рассказывает в IV книге своей «Истории» о причерноморских скифах, о странном для греков кочевом быте и неудачном походе на них персидского царя Дария I в 512 г. По ходу рассказа он приводит три версии происхождения скифов. Первые две — эллинизированные легенды. По одной — они произошли от Зевса и богини реки Днепра, по другой — от Геракла и полуженщины, полужмеи. По третьей версии, которая ему самому кажется наиболее вероятной, — скифы пришли в Причерноморье с востока в результате межплеменных войн и передвижений степных племен (аримаспов, исседонов и массагетов), киммерийцы же ушли в Малую Азию под натиском скифов.

Помимо этих сведений о происхождении скифов, он сообщает также о торговом пути, начинающемся на Бугском лимане у стен греческого города Ольвии и тянущемся где-то в бескрайней дали восточных степей. Путь этот, по его словам, так далек, что в дороге приходилось пользоваться стемью переводчиками (Геродот, IV, 24). Прослеживается он и на археологическом материале²⁰. Вот, пожалуй, и все. До сих пор в исторической науке вопрос о приходе скифов с востока оставался открытым, так как не было прямых доказательств такого переселения²¹. Однако по мере накопления новых фактов все больше и больше выясняется, что точность и правильное историческое чутье Геродота подтверждаются и здесь.

Ученые давно уже обратили внимание на знаменитую «скифскую триаду» — звериный стиль, оружие, узда верхового коня. Действительно, изделия, входящие в эту «триаду» (к которой можно еще добавить и характерные бронзовые котлы), имеют чрезвычайно схожие формы на огромных пространствах евразийских степей. Уже одно это говорит о несомненном культурном единстве на всей степной территории в I тысячелетии до н. э. Это единство, вероятно, облегчалось еще и тем обстоятельством, что язык населения в равнинной или степной местности всегда гораздо более единообразен, чем в горной. Сравним, например, русский и казахский языки, в которых местные диалекты чрезвычайно близки между собой, и множество языков, существующих на Кавказе, в Центральной Азии и других горных местностях. Даже южные и северные диалек-

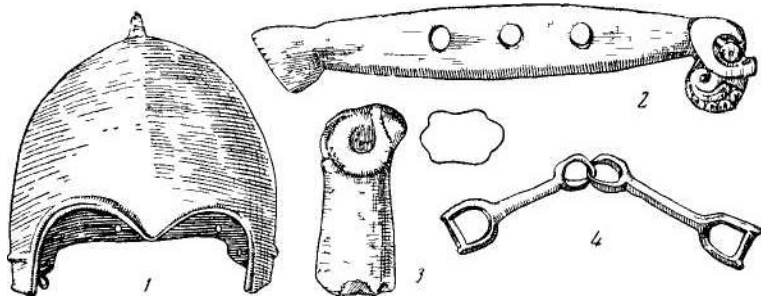

Рис. 16. Скифские находки

1 — скифский бронзовый шлем (по Б. З. Рабиновичу); 2 — ро-говый псалий с головой грифо-барана (по А. А. Бобринскому, 1901 г.), 3 — обломок каменного песта с головой барана (по А. М. Tallgren); 4 — бронзовые удила со стремечковидными кольцами (по В. В. Радлову, 1894 г.)

ты немецкого языка весьма разнятся друг от друга. Вместе с тем в культуре ранних кочевников можно выделить и целый ряд локальных отличий, характерных для определенных территорий, а значит, и для определенных групп людей, их населявших. Помимо «триады», сейчас можно назвать еще ряд фактов, которые свидетельствуют, как мне кажется, уже не только о культурных, но и о прямых непосредственных связях восточных и западных кочевых племен друг с другом. В VI в. до н. э. у наиболее знатных степняков были в ходу бронзовые шлемы характерной котловидной формы с фигурным вырезом на лицевой части (рис. 16, 1). Всего их известно 12 экземпляров. Из них 5 найдены на Северном Кавказе, 1 — в Поволжье, 2 — на Алтае, 2 — в Средней Азии и 2 — неизвестного происхождения²². Есть основания думать, что, несмотря на почти полное сходство их формы, они изготовлялись в разных местах — и на западе, и на востоке кочевого мира. Значит, одинаковые шлемы носили знатные воины и скифов, и савроматов, и аримаспов, и саков и изготовлялись они местными мастерами, но по одному образцу.

На скифских роговых псалиях также VI в. до н. э. иногда изображался «грифо-баран» — голова не то ор-

линая, не то баранья с более или менее крючковатым клювом или мордой и круто загнутым вперед и вверх рогом (рис. 16, 2) *. Такие «грифо-бараны» найдены в районе Зивие, у Еревана, где их выделывали те скифы, которые взяли штурмом крепость Тейшебаини, в Келермесском кургане 1904 г., в курганах на р. Суле, в Поднепровье, на поселении Пожарная Балка, на Полтавщине и в Саратовской области²³. Совершенно такой же характерно закрученный бараний рог мы видим и на обломке каменного песта из Минусинской котловины, где он может быть датирован и более ранним временем (рис. 16, 3). Эти факты не могли бы иметь места, если бы не было в то время непосредственных контактов людей на всей степной территории и их частых передвижений с места на место. О каких-то прямых связях свидетельствуют также и упоминавшаяся манера трактовки головы «пантеры» в виде трех углублений на прямой линии, и бляшка в виде орла из Зуевского могильника, и структура курганной насыпи у с. Перепетица. На Каменском городище были найдены кости верблюда. Несомненно, что этот верблюд дошел до Днепра из Казахстана, так как в Причерноморье их не разводили никогда²⁴.

К сказанному нужно добавить, что такие этнографические подробности, как вдыхание дыма наркотических трав и снятие скальпа с убитых врагов и пленных, о которых нам сообщает Геродот в своей IV книге, нашли свое археологическое подтверждение не в скифских памятниках Причерноморья, а в Пазырыкской группе курганов на Алтае²⁵. Очень трудно сейчас установить, откуда преимущественно шли эти связи, — с востока на запад или с запада на восток. Во всяком случае такие факты, как изображение свернувшихся «пантер», трактовка их морды, зуевская бляшка, наконечники стрел и верблюд указывают на движения с востока на запад. Бронзовые удила со стремечковидными окончаниями, характерные для ко-

Псалиями в археологии называются стерженьки, находившиеся по обоим сторонам удила для предотвращения их перегиба при управлении лошастью. Изготавливались из металла, кости, дерева и часто украшались различными изображениями. Характерны только для ранних форм уздечного набора.

чевников VII—VI вв. до н. э. (рис. 16, 4), скорее всего также распространялись в Скифии с востока²⁶. То же можно предположить и относительно раннескифских кинжалов²⁷. На некоторых из них есть детали — поперечные перемычки над продольным углублением в рукоятке — прием, широко применявшийся при отливке кинжалов поздней бронзы Алтая и Енисея. С другой стороны, распространение «грифо-барана» шло, видимо, с запада на восток.

Из всего сказанного следует, что бессмысленно было бы искать единый «центр» культуры ранних кочевников, откуда все произошло и затем распространилось в разные стороны. Мы имеем сейчас ясные археологические доказательства того факта, что, начиная, вероятно, уже с VIII в. до н. э., различные кочевые племена находились в тесных связях друг с другом. Это было бы невозможно, если бы они постоянно жили в одном и том же, даже достаточно обширном, районе, не предпринимая дальних переселений и походов в поисках лучших пастбищ и богатой добычи. И, как показывают факты, переселения эти шли главным образом в западном направлении. Это и не удивительно. Ведь причерноморские степи самые плодородные, благоприятные по климату и к тому же ближе всего расположены к важнейшим культурным центрам тогдашнего мира.

После всего сказанного мы с большой уверенностью можем сказать: Да! Геродот был прав. Скифы действительно пришли с востока. НЕ надо только думать, что непременно все и что заняли они совершенно пустую территорию, с которой убежали также поголовно все киммерийцы. Эти полулегендарные уже сведения рассказывали жители Ольвии Геродоту спустя почти 300 лет после событий, и он их добросовестно и точно записал, хотя в действительности так быть не могло. Как мы только что видели, какие-то люди, а скорее всего целые племена действительно приходили с востока в причерноморские степи. Причины для этого были. Но сталкивались они здесь с такими же кочевыми племенами и после многих военных и мирных взаимоотношений как-то размещались на новой территории. Общность культуры при таких передвижениях не только не ослабевала, а, наоборот, усиливалась. Совершенно

несомненно, что какие-то связи со своей старой родиной у переселившихся племен сохранялись. В конце концов это было даже по тем временам не так уж и далеко. От Чиликтинской долины до Келермеса около 3000 км. Если делать верхом по 50 км в день и иметь заводную лошадь, то с учетом необходимых остановок для отдыха этот путь без особого напряжения можно сделать за 2,5 месяца. Значит, было вполне осуществимо обернуться туда и обратно от снега до снега. Если же перекочевывало все племя со скотом и юртами-повозками на волах, средняя скорость движения, вероятно, не превышала 10 км в день. И в этом случае для преодоления того же расстояния требовалось всего два летних сезона с одной зимовкой. Для кочевников такие дальние переходы больших масс людей и скота непреодолимых трудностей не составляли.

Загадка «скифского искусства»

Яркий и интересный материал к этой большой исторической проблеме и дают публикуемые в этой книге итоги раскопок. Еще большее значение они имеют для решения вопроса о происхождении искусства ранних кочевников, которое мы по традиции, идущей еще с античного времени, называем «скифским».

Постановка проблемы

Дело в том, что памятники так называемого «скифо-сибирского звериного стиля», великолепные и наиболее ранние образцы которого публикуются нами здесь,— очень заметное и яркое явление в истории культуры нашей страны, давно уже привлекающее к себе внимание ученых как у нас, так и за рубежом. Под таким искусствоведческим термином в науке подразумеваются предметы прикладного искусства с изображениями различных животных, созданные кочевыми племенами евразийских степей в VII—III вв. до н. э.

Но с этим звериным стилем связана и неразрешенная до сих пор загадка. Он возникает как-то вдруг, на огромной территории и в таких законченных формах, которые явно свидетельствуют о длительном пути предшествующего развития. А между тем ни в Причерноморье, ни на Кавказе, ни в Казахстане, где найдены лучшие и наиболее древние произведения этого стиля, соответствующих изображений животных в памятниках предшествующих веков почти что и нет. Есть они, правда, в Минусинской котловине, но дело осложняется тем, что настоящий «скифский» звериный стиль появляется там позднее, чем на западе, и, по всей вероятности, заимствован из Восточного Казахстана.

Нам известно, что в VIII—VII вв. до н. э. степные кочевники — киммерийцы и скифы — совершали походы в страны Передней Азии, стоявшие тогда неизмеримо выше их по своему культурному и общественному развитию. Очевидно, что многие образы животных и орнаментальные мотивы были заимствованы этими кочевниками именно оттуда. Можно даже сказать, что «скифский» звериный стиль окончательно сложился только после этих походов, но выводить его целиком из Передней Азии было бы неправильно. Так пока и получается, что истоки этого замечательного искусства затерялись во мгле далеких времен.

В предыдущих главах мы видели, что всякие попытки найти некий единый центр происхождения «скифского искусства» вряд ли будут удачны. Благодаря одинаковому уровню социально-экономического

развития, условиям существования и непосредственным постоянным связям, весь облик культуры кочевых племен с самого начала имел много общего на всей огромной территории степей.

Это культурное единство обуславливалось, в частности, и тем, что прямые их предшественники — главным образом андроновские и срубные племена — также были схожими по образу жизни, хозяйству и формам материальной культуры. В этих условиях те или иные технические новинки, усовершенствования и изобретения легко распространялись от кочевья к кочевью и очень быстро становились всеобщим достоянием. Взаимообмен культурными достижениями играл здесь значительно большую роль, чем у оседлых народов. Поэтому при изучении предметов, дошедших до нас от эпохи ранних кочевников, местные, так сказать этнографические особенности, прослеживаются с трудом — лишь по отдельным деталям и незначительным вариантам формы некоторых изделий. Особенно это относится к памятникам их искусства — скифо-сибирскому звериному стилю. Для правильного понимания этого стиля нужно учитывать, что его образы были восприняты преимущественно степной аристократией, в среде которой процессы классообразования прослеживаются в это время уже достаточно отчетливо. Мы видели, что наиболее великолепные изображения животных происходят из богатых курганов, в рядовых же погребениях они встречаются несравненно меньше. Высокое мастерство исполнения относится только к ним. Там же, где дело касается человеческой фигуры, ранние кочевники были довольно беспомощны, если им на помощь не приходил иноземный мастер.

О чем говорит дата

Прежде чем перейти к вопросу о происхождении «скифского искусства», отметим один существенный факт. Рубеж VII—VI вв. до н. э.— дата сооружения кургана № 5 — позволяет сделать очень важное заключение. Оказывается, что найденный в нем комплекс художественных из-

делий можно считать одним из самых ранних памятников скифо-сибирского звериного стиля. Более древними являются только несколько находок в Казахстане. Это майэмирские «патеры», нож из дер. Славянка и некоторые предметы в курганах Уйгарака на Сыр-Дарье. Все же скифские и савроматские курганы, где были найдены изображения животных, за исключением одного, датируются не раньше начала VI в. до н. э. Следует отметить, что, конечно, такие памятники, как наш курган, Костромской, Келермесские курганы (раскопки 1903 и 1904 гг.), Мельгуновский и некоторые другие как на востоке, так и на западе, относятся к одному сравнительно короткому историческому периоду и их можно рассматривать, как почти синхронные*. Но все они еще не самые древние памятники культуры ранних кочевников¹.

По мнению ряда исследователей, скифская культура в Причерноморье и на Северном Кавказе начинает складываться уже в VIII—VII вв. до н. э.² Но характерно, что инвентарь кочевнических погребений в этих районах, которые можно датировать VIII—VII вв. до н. э. (а их, по моему подсчету, известно 24), не содержит предметов, сделанных в «скифском» зверином стиле. В Поволжье и в Приуралье погребений этого времени исследовано 46. В них также не найдено ни одного изображения животных³. Встречаются лишь геометрический (на сосудах) и спиральный орнаменты, характерные и для культур Кавказа еще более раннего времени. Интересно, что именно спиралями, а не изображениями животных украшен даже жертвенник на поселении рубежа VII—VI вв. до н. э. у с. Жаботин;

* Наиболее ранними скифскими курганами, где были найдены вещи в зверином стиле, считаются погребения у Темир-горы и на Цукурском лимане (оба под Керчью). Но и они не древнее рубежа VII—VI вв. К ним надо сейчас добавить курган 2 у с. Жаботин в Черкасской области, раскопанный в 1899 г. В. В. Хвойко и опубликованный М. И. Вязьмитиной, которая обоснованно датирует его концом VII в. до н. э. Однако найденные в этом кургане изображения лосей и орлов никак нельзя признать выполненными в «настоящем скифском» зверином стиле. На них мы еще остановимся ниже.

там жило какое-то оседлое племя, судя по всему теснейшим образом связанное с кочевой степью⁴.

В прямом смысле этого слова скифская культура складывается в начале VI в. до и. э. после походов в Переднюю Азию как культура уже исторически известных нам скифов, неотъемлемой частью которой является и звериный стиль. Предшествующие же памятники могут называться скифскими лишь условно. Здесь сказывается неточность нашей терминологии, обусловленная малым количеством известного пока материала. Может быть, правильнее называть их — предскифскими.

При современном уровне наших знаний также весьма затруднительно археологически отличить культуру скифов от предшествовавшей ей, как это принято считать, культуры киммерийцев. И те и другие занимались кочевым скотоводством, и основные формы всех предметов, которыми они пользовались, были, вероятно, очень близкими. Ведь и в письменных источниках, которые так повлияли в этом смысле на археологов, киммерийцы и скифы различаются далеко не четко. Ясно только, что это два разных племенных образования, причем киммерийцы раньше сошли с исторической сцены; в VI в. в причерноморских степях их уже не было. Но ниоткуда, даже из рассказа Геродота, не видно, что культура киммерийцев предшествовала скифской. Совершенно так же мы не можем археологически разделить памятники скифов царских и памятники скифов-кочевников, хотя Геродот в свое время эти племена и различал.

Причерноморские скифы

Тематика этой работы не позволяет здесь остановиться на весьма сложных вопросах этногеографии Скифии, происхождении самих скифов, их социальном строе, религии и культурных взаимоотношениях с соседними земледельческими племенами⁵. Термин «скифская культура» понимается разными исследователями по-разному и трактуется иногда чересчур расширительно. Границы ее

распространения археологически не ясны и вызывают разные толкования. Во всяком случае она распространена на большей территории, чем та, которую занимали известные нам по Геродоту скифские племена. Трудно дать сейчас четкую характеристику «скифской культуры» и уверенно очертить ее границы. Это определенные типы курганов и поселения в Причерноморье и на Северном Кавказе, относящиеся к VII—IV вв. до н. э., но в это же понятие могут быть включены и аналогичные памятники на других территориях, несмотря на локальные отличия и уверенность, что к собственно скифам они не относятся. Потому-то несколько расплывчато понимаю этот термин и я; но выяснение этого вопроса завело бы нас далеко в сторону.

Исторические и археологические данные с несомненностью показывают, что скифы пришли из Передней Азии обратно в Причерноморье не разрозненными толпами, а достаточно сильной и организованной массой. Видимо, резня на пиру у Киаксара лишь ускорила, а не определила их возвращение на север. Основная же причина скорее всего заключалась в том, что в организовавшемся Мидийском царстве такого приволья, как раньше, для скифов уже не было. Надо было уходить. Связи с Причерноморьем за все это время не прерывались; несомненно, там продолжали кочевать какие-то родственные племена, и скифы ушли туда, где все наиболее благоприятствовало их способу ведения хозяйства. Ушли, вероятно, наиболее экономически сильные группы, те же, кто по тем или иным причинам не мог совершить этот обратный переход, остались в Передней Азии, но уже как зависимое население Мидийской державы. И тут мы видим, что у вернувшихся скифов не только уже появился звериный стиль, но и прямо встречаются предметы ассирийского и урартского искусства (Келермесские и Мельгуновский курганы).

В казахских степях картина иная. «Предсакский» период там несомненно совпадает с последним этапом развития андроновской культуры, который относительно хорошо изучен. Археологически он характеризуется особой формой погребальных сооружений, характерной керамикой и некоторыми типами бронзовых орудий и оружия, в частности — наконечниками стрел.

Судя по имеющимся материалам, особенно по курганам Уйгарака и неопубликованным еще замечательным раскопкам М. К. Кадырбаева в Павлодарской области, звериный стиль появляется в Казахстане несколько раньше, чем в Причерноморье.

«Клад» в Зивие

К тому же времени, что и все упомянутые большие курганы, в том числе Чиликтпнский, относится большинство предметов из знаменитой находки «клада» в Зивие (в районе г. Саккыза в Северо-Западном Иране), оказавшие такое большое влияние на гипотезы ряда исследователей о происхождении звериного стиля. Этот «клад» обнаружили местные крестьяне в 1947 г. и чуть было не уничтожили при дележе золотых предметов. В конце концов большая часть их попала в Тегеранский музей, а часть разошлась по частным коллекциям и музеям Европы и Америки⁶. Подобно луристанским бронзам, они стали модными, и под эту марку богатым любителям древностей продавали все, что можно. В результате «кладу» в Зивие приписывают самые разнообразные предметы; между тем необходимо хорошо разобраться, что же там было найдено в определенном комплексе. В публикациях вещей из этого «клада» А. Годар датировал найденные в нем предметы 2-й половиной VIII в., Вилькинсон — началом VII в., а Р. Гиршман — 2-й четвертью VII в. до н. э. Впоследствии А. Годар уточнил, что часть из них никакого отношения к этой находке не имеет⁷.

В 1956 г. Р. Барнет опубликовал статью, в которой убедительно доказал, что основу «клада» в Зивие составляет погребение в бронзовом гробу. Обломки его с изображениями горного козла на розетке также входили в состав «клада» и датируются, по аналогиям в Вавилоне и Уре, рубежом VII—VI вв. до н. э.⁸ В конце 1962 г. на выставке в Париже, посвященной иранскому искусству, были собраны почти все разбросанные по разным местам предметы из Зивие. Р. Гиршман в предисловии к каталогу прямо пишет о находках в Зивие

как о скифоком погребении конца VII в. до н. э.⁹ Он совершенно справедливо указывает, что ассирийские мастера, а возможно и целые «царские мастерские» работали здесь по заказу скифского царя и на его вкус; это и есть, по его словам, «азиатская фаза скифского искусства». Однако как и многие другие ученые, Р. Гиршман также переоценивает роль Передней Азии в сложении скифского звериного стиля.

Благодаря парижской выставке и обстоятельному каталогу к ней можно сейчас доказать достаточно убедительно тот факт, что в Зивие были грабительски раскопаны именно скифские погребения. К ним можно отнести следующие предметы, обязательные для комплекса инвентаря богатых раннековечнических погребений как в Причерноморье, так и на Алтае и в Казахстане.

1. Бронзовые и костяные наконечники стрел (Ghirchman, 1954).

2. Золотая доска налучья с фигурками оленей, горных козлов и львиными мордами. Длина — 47,3 см, ширина — 16,5 см. Она была разломана находчиками на 26 кусков (большинство хранится в Тегеранском музее, часть попала в Филадельфийский в США и в Британский музей в Лондоне — Godard, 1950, табл. 48; «7000 ans...», № 510, 511; Barnet, 1963). Поскольку до 1962 г. неоднократно публиковались только небольшие обломки этого налучья, их считают, по аналогии с закавказскими находками, обломками украшений пояса. Однако размеры всего изделия не позволяют с этим согласиться. Ближайшая аналогия — доска палучья с оленями из Келермеса — 31 X 16,2 см (Borovka, 1929, табл. 2). Характерно, что совпадает именно ширина.

3. Обкладка ножен акинака или кинжала с головками сайги (Godard, 1950, рис. 44).

4. Обкладки пластинок панциря («7000 ans...», № 557, 558).

5. Нижняя часть обкладки ножен акинака с изображением двух хищников («7000 ans...», № 551).

6. Гривны — 4 экземпляра, одна с головками козлов («7000 ans...», № 533—536; Godard, 1950, рис. 45).

7. Браслеты — 5 экземпляров («7000 ans...», № 502—505).

8. Диадема с розеткой (Godard, 1950, рис. 90). Аналогична келермесской-

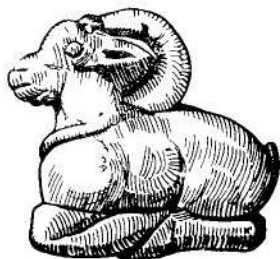

Рис. 17. Бронзовая бляшка в виде горного козла. Иран, Амалах, IX—VIII вв до н. э. («7000 ans...», № 156)

9. Мелкие нашивные бляшки разнообразных форм — 49 экземпляров, из них 4 в виде ромба и 3 — треугольника.

10. Обоймица ремня с головами птиц и «пантерами» («7000 ans...», № 518).

11. Бляшка в виде козла с поджатыми ногами (Godard, 1950, рис. 39) *.

12. Серебряные и бронзовые бляхи и подвески уздечных паворов (Godard, 1950, рис. 94—109). Такие же круглые налобные серебряные бляхи были найдены и в Келермесском кургане № 1, 1904 г. (ОАК, 1904,

рис. 138).

К богатому скифскому погребению могут относиться также золотые кольца, серьги, ожерелья, серебряные ритоны с головой барана, золотые сосуды, обломок бронзового псаля с головой животного и знаменитые золотые пекторалы **. Здесь, по-видимому, сказались дань местной моде, которой скифские вожди в Передней Азии, вероятно, не чуждались. То же можно сказать и о серебряном диске с изображениями животных в скифском стиле. Такие диски известны из района оз. Ван, с фигурами в египетском и урартском стилях, и из Кархемиша — в ионийской манере с головой Горгоны в центре ¹⁰. Назначение золотых обкладок какого-то предмета с изображениями древа жизни, львов и чудовищ в древневосточном стиле остается неясным ¹¹. Возможно, что к скифскому погребению они относятся и не имеют.

Судя по количеству гривен и браслетов, хищнической раскопке подверглось не одно погребение, а скорее всего два. Маннейскими они быть не могут, пос-

* Вес перечисленные выше предметы сделаны из золота.

** Ритон называется сосуд для питья вина в виде рога. Изготавливались из глины или металла; пектораль — большое нагрудное украшение в виде полумесяца с закругленными углами.

кольку эти последние вырубались в скалах, имитируя жилой дом ¹², а в районе Зивие таких сооружений, насколько мне известно, нет. Эти погребения судя по всему этнографически ближе к пазырыкским, а не к чи-ликтинским — наличие заседланных лошадей, положенных в могилу, и бронзового гроба, который вполне заменил долбленную листовничную колоду на Алтае. С Келермесскими же курганами Зивие сближает сходство многих предметов погребального убранства, а также захоронение лошадей.

Разные гипотезы

Находка богатых скифских захоронений к юго-востоку от оз. Урмия хорошо согласуется и с данными исторических источников. Именно здесь, как мы уже видели, на территории древних маннеев, находился основной центр скифов в Передней Азии. Отсюда они и совершали свои сокрушительные набеги на соседние страны, здесь же был центр их 28-летнего «царства», коварно уничтоженного Киаксаром. Кто знает, может быть, в Зивие, у бывшей столицы «Скифского царства», как это предполагает Р. Гиршман, и были в 1947 г. хищнически раскопаны могилы прямых потомков Партауга и Мадия?

При ознакомлении с вещами из погребения в Зивие бросается в глаза одна особенность. Часть из них сделана в ассирийском стиле, часть в смешанном, с отдельными скифскими элементами, и часть — в чисто скифском стиле. За последнее время Р. Барнет, Уф-форд и К. Вилькинсон определили еще несколько предметов работы урартских, манпейских и индийских мастеров ¹³.

В статьях этих исследователей были предприняты также попытки выделить определенные изделия и не только в Зивие, которые мы могли бы назвать предметами маннейского и индийского искусства. Аргументация их убедительна, но не опровергает того несомненного факта, что ни в Манна, ни в Мидии такого искусства, которое имело бы хоть какие-то свои, характерные признаки, не сложилось. Слишком короткий срок

они были самостоятельными государствами, и процесс сложения народности там завершиться не успел. Характерные же черты художественного стиля обычно возникают только в определенной этнической среде. Другое дело Урарту. Несколько веков самостоятельного развития помогли сложиться определенному урартскому стилю, хотя и он не выходит за рамки того ассиро-вавилонского в своей основе искусства, мотивы которого господствовали тогда во всей Передней Азии¹⁴.

Находки столь разнотильных предметов на территории древней Манна дали некоторым исследователям повод утверждать, что скифский звериный стиль вообще зародился где-то в Северо-Западном Иране на основе «маннейско-мидийского искусства» и имеет там корни, уходящие далеко в глубь веков¹⁵. Эта гипотеза кажется на первый взгляд тем более убедительной, что в Причерноморье звериный стиль появляется, как мы видели, только в начале VI в. до н. э., то есть после походов в Переднюю Азию, уже в весьма развитых и законченных формах. Указанные авторы, основываясь на том, что в искусство стран Передней Азии с древнейших времен широко распространены изображения зверей в самой разнообразной трактовке и позах, ссылаются на знаменитые луристанские бронзы, на печати Киркука XIV в. до н. э., на изображения животных в рельефах ассирийских дворцов и т. п.¹⁶ Однако все привлекаемые для доказательства аналогии поневоле ограничиваются только формальным сходством самого зоологического вида животного и его позы, несмотря на то, что вся трактовка сюжета и его художественное решение — совершенно разные. Мы увидим это дальше на примере «летающих» оленей. Не следует забывать также, что в Северо-Западном Иране, кроме Зивие, никаких памятников «скифообразного» или «протоскифского» искусства до сих пор не обнаружено.

Эта гипотеза до некоторой степени повторяет старые взгляды М. И. Ростовцева, считавшего самих скифов иранцами, а их культуру и искусство смешанными, где иранский (преимущественно), а затем греческие элементы сыграли решающую роль, наслаившись на какую-то неизвестную «доисторическую» основу. При этом он правильно подчеркивал, что предметы этого искусства принадлежали верхушке кочевого обще-

ства. Впоследствии М. И. Ростовцев был склонен видеть корни звериного стиля в «срединной Азии», где он возник, по его мнению, в иранской среде и оттуда распространился в Скифию, а позднее и на восток¹⁷.

По этому вопросу есть также и другие гипотезы, на которых следует остановиться. А. М. Тальгрэн считал, что родина звериного стиля находится где-то в высокогорной области к северу и северо-востоку от Передней Азии, никак не уточняя ее географически. В последнее время к этой гипотезе присоединилась Н. Л. Членова, которая видит ее «между Курдистаном и оз. Зайсан», то есть на территориях, где предметы звериного стиля пока известны мало. Одновременно она связывает его происхождение и с древневосточным искусством. Но если приписывать непонятное развитие какого-либо явления неисследованной территории, оно от этого понятнее не становится¹⁸.

Б. В. Фармаковский выдвинул гипотезу о происхождении основных элементов скифского звериного стиля от архаического искусства Ионии, не отрицая при этом и воздействия Передней Азии. Эту мысль чрезмерно развил К. Шефольд¹⁹. По его мнению, скифы, принеся кое-что с «североиранской родины», всеми достижениями своего искусства были обязаны, однако, исключительно древней Греции. Через нее же шли и беспорные древневосточные мотивы в некоторых скифских изделиях. Он утверждает, что даже костромской олень и келермесская «пантера» сделаны под прямым влиянием греческой архаики. Не будучи в должной мере знаком с советской археологической литературой, К. Шефольд совершенно не учитывал, что первые греческие колонии появились на берегах Керченского пролива в середине VI в. до н. э., то есть тогда, когда Костромской и Келермесский курганы были уже насыпаны. Теперь эти построения оставлены, хотя никто и не отрицает сильного воздействия греческого искусства на скифское в VI—IV вв. до н. э.

Обе эти гипотезы исходят из предпосылки, что высокий уровень древневосточной: и греческой цивилизации оказал решающее влияние на искусство «полудиких варваров», послушно все перенимавших. Это принципиально неверно, хотя никто и не спорит, что кочевники стояли на более низкой ступени общественного

развития. Именно это несоответствие в уровнях культуры и обуславливало совсем иное восприятие действительности, иное ее отражение и иные требования и потребности в предметах искусства. От художественных достижений стран Передней Азии и Древней Греции степные племена заимствовали только то, что им было тогда нужно и понятно, но не больше. В свете наших материалов странно было бы предполагать, что они столь быстро восприняли чуждые им образы древневосточной мифологии, в результате чего сразу сложился скифо-сибирский звериный стиль, с удивительной быстротой распространившийся от края до края евразийских степей.

О происхождении скифского звериного стиля из Фракии, страны на Балканском полуострове, высказала предположение А. П. Манцевич²⁰. Ее аргументация относительно фракийского происхождения многих предметов из скифских курганов очень обоснованная. Но если взять вопрос в целом, то как быть тогда с таким ранним Чиликтинским курганом и всеми другими памятниками Казахстана и Алтая? Фракия от них слишком далеко, к тому же в ее пределах нам неизвестны такие образцы звериного стиля, которые мы могли бы считать наиболее ранними. Несомненно, однако, что из фракийских рудников в Скифию вывозился тогда электрон (сплав золота и серебра).

Мысль о местных корнях «скифского искусства» впервые обосновал Г. О. Боровка. Рассматривая скифские памятники на фоне широкого археологического материала, он ввел в науку правильное понятие «скифо-сибирский звериный стиль», которым пользуются и до сего времени. Корни этого стиля он видел в предшествующем искусстве лесной полосы Восточной Европы и Сибири, не отрицая сильного переднеазиатского и греческого влияния. Тот факт, что в карасукской культуре эпохи бронзы па Енисее (XIII—VIII вв. до н. э.) известны изображения животных в металле, схожие с последующим звериным стилем, дал повод Г. О. Боровке, а вслед за ним Э. Миннзу предполагать, что там и находится один из важнейших центров его происхождения²¹.

Все это было бы вполне убедительно, если бы на Енисее не прослеживалось явное заимствование основ-

ных образов скифо-сибирского звериного стиля с запада. Мы уже видели это на примере «летающего» оленя, орла и «пантеры». Несомненно, однако, что карасукские бронзы все же какую-то роль здесь сыграли, так как сходство стилистических приемов очевидное, а влияние карасукской металлургии на позднеандроновскую совершенно неоспоримо²².

Гипотеза о местных корнях «скифского искусства» была далее развита Д. И. Эдингом на материале уральских неолитических поселений. Особенно подчеркивает он тотемистическую основу звериного стиля, уходящую в глубокую древность. Правильные по существу положения Д. И. Эдинга были поддержаны В. В. Гольмстен, С. В. Киселевым и В. Н. Чернецовым²³.

Из этого краткого обзора гипотез о происхождении «скифского искусства» мы видим, что разные исследователи подходили к этому явлению с разных сторон, но убедительного и однозначного решения вопроса не нашли.

На чем остановиться?

Прежде чем решить это, необходимо поставить вопрос: кто делал все эти великолепные произведения искусства, при каких обстоятельствах и по чьему заказу они изготовлялись? Начнем с последнего. М. И. Ростовцев еще в 1925 г. высказал осторожное предположение, что часть вещей богатого скифского погребального инвентаря, в частности нашивные бляшки, изготовлялись специально для погребенного*. Это предположение можно подтвердить сейчас рядом фактов. Как уже указывалось, чиликтинский колчан живой человек носить не мог, хотя в нем и лежали настоящие боевые стрелы. Бляш-

* Такое же предположение сделал и К. Шефольд, но довел его до абсурда. Он считал, что все без исключения вещи в любом скифском кургане обязательно сделаны одновременно для данного покойника. На этом он основывал свои датировки, ориентируясь, однако, только на вещи греческого импорта,

ки тоже были сделаны явно для погребальной, а не для носимой одежды. Женские сапожки во 2-м Пазырыкском кургане, подошвы которых расшиты кристаллами пирита, носить было нельзя, зато они очень эффектно выглядели на погребальном ложе²⁴. Деревянные украшения седельных наборов во всех курганах пазырыкской группы никак не приспособлены для повседневной верховой езды. Потертости же и починки на некоторых из них можно объяснить длительностью погребального обряда, когда умершего царя прежде чем похоронить возили по подвластным ему племенам. Мы имеем об этом прямые сведения у Геродота (IV, 71). Рукоятки келермесского и мельгуновского акинаков, обложенные тонким золотым листом, с вытиснутыми на них изображениями не носят ни малейших следов потертости. Золото — металл мягкий, и даже если бы это было парадное оружие и его хоть изредка носили на поясе, какие-нибудь следы употребления несомненно остались бы. Эти факты говорят о том, что значительная часть погребального инвентаря богатых раннекочевнических погребений делалась какими-то мастерами по специальному и срочному заказу наследников умершего вождя. Кто же были эти мастера?

Сравним два богатых скифских погребения, весьма далеких и во времени и в пространстве, — Куль-оба под Керчью и Зивие. Несмотря на разницу почти в 300 лет, совершенно разные территории и разную историческую обстановку, при которой они создавались, в характере их инвентаря есть одна общая черта. В Куль-обе был погребен скифский царь, кочевавший недалеко от греческой колонии Пантпкапея. Погребальный инвентарь ему делали мастера, воспитанные и выученные в греческих художественных традициях, но работавшие в данном случае па вкус и потребности своих заказчиков. Так они сделали типично скифского «летающего» оленя, но украсили его совершенно античными фигурками грифона и льва, то же мы видим и на акинаке. Л па знаменитом золотом сосуде из этого кургана очень реалистично, можно даже сказать портретно, изображены в каких-то эпических сценах нечесанные, бородатые скифы в их повседневной одежде. Чтобы так живо передать облик этих людей, художнику нужно было видеть и хорошо знать их характерные особен-

ности. И, однако, манера выполнения всего сосуда и фигур па нем — чисто греческая. Таких примеров, когда античные мастера работали на скифского заказчика, более или менее к нему приспособляясь, множество, и они неоднократно приводились в литературе, например многие находки в известных курганах Чертомлык, Со-лоха и другие.

В Зивие около такого же по сути дела скифского «царя» находились маннейские, ассирийские и урартские мастера, воспитанные в древневосточной художественной традиции. Не надо забывать ее огромную силу. Даже гениальный скульптор, создавший известные портреты Нефертити, изваял их все-таки в древнеегипетском стиле. Вполне естественно, что и мастера в Зивие делали вещи для скифского погребального ритуала в привычной им манере, но так же, как и в Куль-обе, сообразуясь со вкусом заказчика и пытаясь передать чуждый и незнакомый им художественный стиль кочевников, хорошие образцы которого они, несомненно, уже видели. Тогда становятся понятными фигурки «пантеры» и зайца на пекторали и «летающие» олени, перемежающиеся с горными козлами и мордами львов на доске палучья. Эти олени, несомненно, копия настоящих скифских. «Летающая» поза, плотно поджатые под брюхо ноги, заходящие одна на другую, закинутые далеко на спину рога, отсутствие деталей в трактовке туловища — все эти особенности никак не свойственны искусству стран Древнего Востока. По мастер, копировавший какой-то неизвестный нам образец, не сумел передать все характерные черты оригинала. Отсюда и рога, исполненные в виде хорошо ему знакомых завитков «древа жизни», и двойная петлеобразная линия на лопатке вместо плавного изогнутого уступа. Изображения козла на этом палучье и на отдельной золотой бляшке также сделаны в том же синкретическом духе. Поза и членение туловища широкими плоскостями — скифские, а рога — ассирийские.

На погребенного в Зивие вождя работал, по-видимому, и какой-то свой, скифский мастер, изготовивший обкладку акинака с головками сайги — животного, никогда не водившегося в районе оз. Урмия, обоймицу ремня, диадему с розеткой и диадему с «пантерами» и головами орлов. А вот конский убор и часть

украшений в Зивие чисто ассирийские, вполне вероятно — военные трофеи. Такие трофеи оказались и в Ке-лермесе и в далеком Пазырыке — ковер, ткани, серебряная пряжка. Учитывая всю тогдашнюю политическую ситуацию, можно с большой долей вероятности предположить, что мастера-ювелиры в Зивие находились в подчиненном, если не прямо в рабском отношении к скифскому «царю».

Особенно заметна такая зависимость на вещах из Келермесского кургана 1903 г. Изображения на ножнах акинака, на рукоятке парадного топорика и на чаше сделаны той же техникой, что и чиликтинские олени. Они выдавливались из золотого листа на бронзовой матрице (см. приложение 1). Такое технологическое заключение С. А. Семенова подтверждается находкой в Гарчиново в Болгарии бронзовой пластины с врезанными в нее фигурами оленя и других животных, относящейся к VI—V вв. до н. э.²⁵ С большой долей вероятности можно предположить, что аналогичная матрица для парадных ножен кинжала, сделанная урартским художником без всяких признаков звериного стиля с многими древневосточными чудовищами и «древом жизни», была в распоряжении и келермесских мастеров²⁶. К ней была приставлена вторая, дополнительная матрица с «летающим» оленем и головами орлов, изготовленная уже скифскими руками. После оттиска на них обеих одного золотого листа получилась обкладка ножей акинака с характерным расширением и изображениями в двух разных стилях. Совершенно то же самое можно сказать и о мельгуновских ножнах.

Вполне возможно, что мастер, делавший келермесский акинак (но не оленя на его выступе), изготовил и парадный топорик с длинной рукояткой, обложенной золотым листом, украшенным фигурками разнообразных животных, помещенными одна над другой²⁷. Матрицы для этих изображений, где представлен весь скифский пантеон зверей, несомненно были изготовлены человеком, который не мог до конца понять и воспроизвести «скифский стиль», хотя и подражал ему. Вместо членения туловища на широкие плоскости — так же как и в Зивие, петлеобразная двойная линия, обозначающая лопатку животного. Обушок же топорика сделан в традициях древневосточного искусства и ми-

фологии с чудовищами, «древом жизни» и козлами. В результате получился предмет весьма высокого художественного достоинства и по общему своему облику — скифский. Но южное происхождение мастера, сделавшего эту вещь по скифскому заказу, выдает буквально каждая линия, не говоря уже о трактовке всех сюжетов.

Еще более выразительна в этом отношении золотая чаша²⁸. При ее изготовлении на полусферическую основу укреплялись отдельные бронзовые матрицы с вогнутыми изображениями животных в несомненно ассирийской манере, а затем из золотого листа, одетого на эту основу, выбивалась чаша. Очевидно, мастер вместе со своими матрицами теми или иными путями оказался в ставке келермесских скифов. Там ему приказали сделать чашу для похорон умершего вождя. При этом заказчик, вероятно, потребовал, чтобы на ней были изображения «летающего» оленя, так как при погребении скифа сосуда имели ритуальное значение. Мастеру пришлось заменить три матрицы с изображениями каких-то животных матрицами с оленями, которые он и сделал своими руками. Но не зная, а может быть и не желая знать особенностей скифского звериного стиля, он изобразил оленей в совершенно ассирийском духе — с четко обозначенными ребрами, мускулами и рогами в виде ветвей «древа жизни». На чаше ясно видно, что новые матрицы подогнаны к старой основе не очень точно.

Судя по всему, на келермесского вождя работало не меньше четырех мастеров. Скифу принадлежит наилучшее, большая «пантера», диадема и мелкие украшения, урарту — ножны акинака (кроме оленя) и парадный топорик, греку — зеркало и ритон и ассирийцу — золотая чаша²⁹. Следует упомянуть здесь, что в Келермесских курганах найдены и чисто импортные вещи, но были ли они куплены или в свое время награблены, установить, конечно, невозможно. Рассмотренные же нами изделия явно сделаны по скифскому заказу и, видимо, требовали срочного изготовления к похоронам, что исключает предположение о том, что они могли быть трофейными, привозными или купленными где-то в Передней Азии или Греции. Несомненно также, что было и обратное сильное влияние передне-

азиатских мастеров на скифских. Ведь и те и другие в Келермесе работали, вероятно, рядом и как-то общались друг с другом. Можно предположить, что большая орнаментальность и геральдичность скифских оленей по сравнению с чиликтинскими, где, видимо, работали только местные мастера, возникла именно под этим воздействием.

Взглянем еще раз на рис. 7. Здесь изображены сведенные к одному размеру наиболее ранние (кроме минусинского) «летающие» олени. Какие выводы можно сделать при этом сопоставлении? Прежде всего тот, что первые шесть оленей сделаны в едином художественном стиле. Наиболее «классический» и близкий к натуре, на мой взгляд, чиликтинский олень (-?). Прямым подражанием ему являются более поздние изображения оленей из Минусинской котловины (2). Все характерные особенности оригинала здесь сохраняются, по уже в несколько искаженном виде. Более условно и геральдично даны олени из скифских курганов — Костромского, бляшка из Полтавской области, Мельгуновского и Келермесского (3, 4, 5, 6).

Подражанием именно этому типу являются олени из Зивие (7), на золотой чаше (8) и на рукоятке топорика из Келермеса (9). Но, как мы уже видели, их создавали мастера совсем иной, древневосточной художественной традиции и сразу чувствуется разница. В частности, немного опустилась голова и совершенно исчезло впечатление «летающей» позы оленя. Совсем иная, идущая от иной культуры и трактовка этих трех оленей. В искусстве ранних кочевников при изготовлении изделий из металла мускулатура животного всегда обозначалась лишь широкими плоскостями, идущими от резьбы по дереву. Четкими, свободными линиями подчеркивалось только самое характерное, все детали опускались. Народы же Древнего Востока прошли более длинный путь развития, художественная обработка металла была известна там с глубочайшей древности, и детализация в изображении животного была развита очень сильно. Тщательно вырисовывались все мелкие особенности: мышцы, выступающие ребра, складки кожи, шерсть, прорезь копыт и т. п.

В искусстве стран Передней Азии мотив оленя и горного козла с поджатыми под брюхо ногами был из-

вестен, хотя особо широкого распространения не имел и в скифской манере не трактовался никогда. На рис. 17 изображена бронзовая бляшка в виде горного козла из Амалаха в Иране, относящаяся к IX—VIII вв. до н. э. Несмотря на формальное сходство позы и отсутствие деталей, бросается в глаза ее несомненное отличие от скифских. Все эти факты с достаточной, на мой взгляд, убедительностью доказывают, что и сам образ «летающего» оленя и его стилистическое оформление не могли быть заимствованы ни из ассирийского, ни из урартского, ни из гипотетического маннейско-мидийского искусства. В основе его лежит неизвестный нам пока древний прототип искусства степных племен. То же можно сказать и относительно других основных сюжетов скифо-сибирского звериного стиля.

Конечно, гораздо более развитое искусство стран Передней Азии и Греции не могло не влиять и влияло на звериный стиль и в технике, и в трактовке отдельных образов, и в стилистических приемах изображения. Оттуда же попали и некоторые сюжеты, чуждые кочевой степи, например цветок лотоса, лев, некоторые сложные сочетания в одной фигуре частей тела человека и животного или разных животных³⁰. Кроме того, вещи в зверином стиле никогда не были единственными произведениями искусства, которые можно было встретить в юртах ранних кочевников. В скифских курганах найдено большое количество предметов, сделанных явно для скифов, но не в их стиле. О переднеазиатских изделиях мы уже говорили. Греческие же художники, изготовившие такие первоклассные шедевры, как чертомлыкская и кульобская вазы, солохский гребень и многое другое, видимо, не были непосредственно подчинены скифскому «царю». Поэтому они и работали хотя и на него, но в своей манере, никак не подлаживаясь, как в Зивие и Келермесе, к вкусам заказчиков. Часто встречаются в курганах и прямо импортные вещи. Степная аристократия в VI—III вв. до н. э. несомненно воспринимала и ценила изделия переднеазиатской и греческой торевтики. Однако при этом ничуть не умалаялась самобытность скифо-сибирского звериного стиля, развивавшегося все больше в сторону усложненности и орнаментальности. То же самое происходило и в других районах «варварской периферии» античного

мира. Так, например, в искусстве галлов (предков современных французов), где также преобладали изображения животных, сильное влияние Рима совершенно неоспоримо, однако оно также наслаивается там на безусловно местную основу³¹.

Подчеркнем еще раз. Находки в кургане № 5, синхронные Зивие и наиболее ранним большим скифским курганам, позволяют утверждать, что на рубеже VII—VI вв. до н. э. скифо-сибирский звериный стиль не только существовал, но и прошел уже довольно длительный путь развития. Весь рассмотренный нами материал говорит о том, что кочевники появились в Передней Азии уже с достаточно выработанным художественным вкусом и традициями, к которым в большей или меньшей степени приходилось приспосабливаться ассирийским, урартским, маннейским, мидийским, а затем и греческим мастерам.

Корни «скифского искусства»

Исчерпывающий и доказательный ответ на эти вопросы дать сейчас невозможно, так как в предшествующих культурах нам неизвестно почти ничего, что можно было бы связать со скифо-сибирским звериным стилем.

Посмотрим, как обстоит дело с изображениями животных в эпоху бронзы на тех территориях, которые впоследствии были заняты кочевниками. В андроновской культуре можно указать только на бронзовый нож с двумя литыми фигурками каких-то неясных животных на рукоятке, найденный в Восточном Казахстане, три каменных жезла с головками лошадей оттуда же, глиняную фигурку верблюда из Оренбургской области и тоже глиняную головку коня с низовий Аму-Дарьи³². Вот и все, хотя памятники андроновской культуры раскапывались уже многими археологами. На всей территории Сибири, Казахстана и Приуралья нет также ни одного наскального изображения, которое мы могли бы считать андроновским. Эти «писаницы», где преоблада-

ют фигуры горных козлов, оленей и других животных, известны уже в десятках пунктов и в подавляющем числе относятся к эпохе ранних кочевников. Совершенно нет изображений животных в чувствской культуре поздней бронзы в Фергане. В срубной и катакомбной культурах, то есть на всей территории поволжских и причерноморских степей, насколько мне известно, не обнаружено ни одной фигурки какого бы то ни было зверя. Это тем более странно, что поселения срубной культуры кончают свое существование в VIII в. до н. э., то есть тогда, когда появляются уже предскифские курганы. В северокавказской культуре, оканчивающейся также в предскифское время, эти сюжеты иногда встречаются, но в очень небольшом числе. Следовательно, племена, которые мы с наибольшим основанием можем считать прямыми предками ранних кочевников, изображений животных в стойких материалах, таких как металл, камень и кость, почти не изготовляли³³.

Иная картина у лесостепных и таежных племен Приуралья и Западной Сибири и в северных предгорьях Кавказского хребта. На Южном Урале в горбуновской культуре, по материалам которой Д. И. Эдинг построил свою гипотезу, во всех трех этапах ее развития изображения животных и птиц известны не только из дерева, но и как орнамент на глиняных сосудах. Конец этой культуры датируется сейчас X—IX вв. до н. э.³⁴ То же и в Минусинской котловине. О карасукском зверином стиле мы уже упоминали. Стилистически он очень близок к скифо-сибирскому и судя по исследованиям самых последних лет имел глубокие древние традиции еще в доандроновское время*. На поселении Самусь в низовьях р. Томи, относящемся к рубежу II и I тысячелетий до н. э., найдены очень выразительные фигурки медведя и человеческие личины на глиняных сосудах³⁵. В кобанской культуре, ►

* Раскопки Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова. Для нашей темы большое значение имеют могильники окуневской культуры, исследованные Г. А. Максименковым, где были найдены очень интересные изображения животных, людей и каких-то фантастических существ. Материал этот еще не опубликован.

в центральной части Северного Кавказа, известны многочисленные фигурки животных, а также их изображения на различных бронзовых изделиях — булавах, бляшках, топорах и т. п. Однако выполнены они очень своеобразно и заметно отличаются от скифских. По мнению Н. Н. Погребовой и Е. И. Крупнова, кобанское прикладное искусство, расцвет которого относится к IX—VIII вв. до н. э., наряду с уральским и сибирским, также содержит элементы, участвовавшие в сложении скифо-сибирского звериного стиля. Позднее же, в VI—IV вв. до н. э., прослеживается и обратное влияние скифо-сибирского звериного стиля на кобанский³⁶. Какие-то очень еще неясные местные особенности прослеживаются и в Поднепровье. На пластинках уже упоминавшегося кургана 2 у с. Жаботин ясно чувствуется какая-то своя, отличная от скифской традиция. Она сказывается и в сюжете рожающей лосихи, и в трактовке орлов, и в двойном контуре головы, означающей лосиху с лосенком. Эта же традиция заметна и на многих роговых изделиях из раннескифских курганов начала VI в. до н. э. в Поднепровье³⁷. В частности, изображение головы коня и домашнего барана совершенно несвойственно другим районам скифо-сибирского звериного стиля. Остается добавить, что в лесной полосе Восточной Европы изображений животных этого времени известно очень мало. Такую же картину мы видим и в бронзовом веке Западной Европы³⁸.

А вопрос остается все-таки неясным

И этого беглого обзора памятников звериного стиля в доскифское время вытекает следующее. Предметы искусства из стойких материалов, которые мы могли бы с полной достоверностью считать прямыми предшественниками скифо-сибирского звериного стиля, отсутствуют. У степных племен эпохи бронзы изображений животных почти нет или они до нас не дошли. В других археологических культурах, относящихся к тому же време-

ни, они известны, причем больше всего на территориях, соседящих со степью. Из них к «скифскому искусству» ближе всех стоят карасукские и кобанские бронзовые изделия. Но здесь не хватает очень важного промежуточного звена — прямой генетической связи с ранними кочевниками, а следовательно, и с их искусством. Из карасукского вывести его невозможно, несмотря на всю близость стилистических приемов, хотя какая-то преемственность здесь несомненно есть и в этом направлении стоит поработать. В кобанской же культуре, вероятно благодаря осязательному влиянию Закавказья, нет и этой близости, что еще больше затрудняет дело. Кроме того, ее хронологические рамки позволяют, как мы видели, ставить вопрос и наоборот: не воздействовало ли «скифское искусство» на кобанское? Более отдаленные аналогии и во времени и в пространстве могут учитываться только как элементы общей культурной преемственности.

Одним словом, местные корни скифо-сибирского звериного стиля чувствуются на большой территории и в разных культурах, но с должной убедительностью не могут быть сейчас доказаны. Вместе с тем факты свидетельствуют о том, что основные образы и стилистические приемы искусства ранних кочевников выросли на местной почве из многих компонентов, и прав был Д. И. Эдинг, когда писал: «Тропы, которыми этот стиль вышел из лесов и долин своей родины, заросли и забыты; следы его пути отмечены на неизмеримых пространствах Евразии».

Отсутствие изображений животных и человека в степных культурах эпохи бронзы отнюдь не говорит о том, что мастера этих племен были такими уж неумелыми. На их глиняных сосудах мы видим сложнейшие геометрические узоры, требовавшие незаурядного художественного навыка. Особенно пышный и затейливый орнамент покрывает шейку и плечики андроновских горшков. Геометрический орнамент часто встречается и на предметах украшения — бляшках, браслетах, булавах, а иногда и на бронзовых орудиях и оружии — топорах, ножах и кинжалах. Следовательно, дело здесь не в неумении.

И все-таки факт остается фактом. На определенной стадии развития патриархально-родового общества во

всей средней полосе Европы и Азии изображения животных и человека из металла и камня, можно сказать, почти отсутствуют. Причина этого явления для нас остается пока неясной и загадочной. Положение резко меняется с появлением военной демократии и социально-экономического неравенства. Звериный стиль, воплощенный в изделиях из золота и бронзы, очень быстро распространяется на огромной территории, главным образом среди племенной аристократии, что мы и видим на ярком примере ранних кочевников. Значит ли это, что в эпоху бронзы животных вообще по тем или иным идеологическим причинам не рисовали или запрещали рисовать? Разумеется, нет. Не надо забывать, что ведь мы имеем очень неполное представление о жизни этих давно исчезнувших племен, не оставивших нам к тому же своего живого слова. В подавляющем большинстве случаев до нас дошли только предметы из камня, металла и обожженной глины, реже из кости и рога. Все изделия из дерева, кожи, войлока, тканей, как правило, не сохранились, хотя как раз они-то и представляли собой наиболее легкий и удобный материал для художественного творчества. Там, где благодаря счастливому стечению обстоятельств, так, например, в промерзших курганах Пазырыкской группы на Алтае, такие предметы уцелели, их много и мы поражаемся великолепием и красочности погребального убранства. Что бы мы знали об искусстве народов Сибири, если бы до нас дошло только то, что обычно доходит в археологических памятниках? Почти ничего. Но за последние сто лет этнографы собрали шаманские костюмы, бубны, предметы прикладного искусства и многое другое, а также осуществили живые наблюдения над тем, что сейчас уже исчезло бесследно. Благодаря этому мы можем судить и о наличии своеобразного звериного стиля у этих народов, и о их скульптуре, только не из камня и металла, а из кожи и войлока. Напомним, кстати, что в Пазырыкских курганах VI—IV вв. до н. э. найдены великолепные скульптуры именно из этих материалов.

Это предположение можно подкрепить некоторыми данными из этнографии южносибирских скотоводческих народов. Часть из них еще в начале нашего века сохраняла наиболее древние верования — шаманизм,

обожеествлявший силы природы и имевший сильные пережитки тотемизма.

В искусстве этих народов изображения животных встречались довольно часто, но не просто в виде рисунков или фигурок, а всегда с определенным смыслом, символизируя того или иного духа или божество. В частности, их во множество рисовали на коже шаманских бубнов, где они олицетворяли духов неба и преисподней. Интересно, что бубен для алтайского шамана — это «небесный конь», на котором он ездит в потусторонний мир. Но представляется этот «конь» в виде оленя, считающегося предком шамана, поэтому его изображение и рисовали на бубнах. В этом справедливо видят пережиток тотемизма, когда олень был тотемом всего племени. На алтайских же шаманских костюмах нашиты разные украшения, также имеющие каждое свой особый смысл. В их число входят и войлочные фигурки человечков и шкурки зверьков, змей и птиц, раковины и многое другое. Из металла сделаны только колокольчики, звенящие подвески и бубенцы³⁹. Широкое распространение у этих народов имели так называемые «онгояы» — изображение и вместилище какого-либо духа. Они рисовались на куске материи, делались из войлока, тряпок, дерева, глины и лишь изредка украшались человечками, вырезанными из жести. У бурят был даже особый онгон кузнецов, но и он за одним исключением представлял собой кусок материи со схематичными рисунками людей и набора кузнечных инструментов. Известно только два случая, когда к такому онгону добавлялись фигурки «сестры кузнеца» — одна из жести, другая из железа. У алтайских народностей широкое распространение имели «тбсы». Это были рисунки людей и животных на куске материи, скульптурки из разных мягких материалов, вырезанная береста, шкурки и тушки мелких грызунов, лапы медведя, кусочки меха, пучки шерсти или перьев и т. п. Фигурки животных в различных ритуальных целях выделялись у этих народов довольно часто, но только из глины, теста, сыра и даже масла. Изображался преимущественно горный козел, архар, марал, птица, остальные животные значительно реже⁴⁰. Как это видно из этнографической литературы, у скотоводческих народов Южной Сибири изображения

животных встречались довольно часто. Они были примерно те же, что и в эпоху ранних кочевников (кроме «пантеры»), а также имели культовый характер. Но эти изображения почти всегда делали из различных нестойких материалов. Так было и в более отдаленном прошлом. И. Гмелин писал, что видел у бурят целый мешок войлочных фигурок-божков, но не упомянул ни об одной металлической⁴¹. Конечно, археологу к этнографическим параллелям следует относиться с осторожностью, но большая консервативность кочевого строя, особенно в области верований, позволяет думать, что эта традиция идет еще с эпохи бронзы. Она имела глубокие корни в народе и ее не смогла искоренить даже вся пышность изображений животных в золоте и бронзе, присущая степной аристократии саков и скифов. Широкое распространение имели изображения животных и у оседлых земледельческих народов в странах Древнего Востока, в античном мире, у народов Кавказа и т. д., но это тема особого исследования.

Таким образом, весь имеющийся в нашем распоряжении материал с полной, на мой взгляд, определенностью свидетельствует, что прототипы скифо-сибирского звериного стиля следует искать в культуре племен, непосредственно предшествовавших ранним кочевникам. Но воплощались они по каким-то скорее всего техническим причинам в нестойких материалах, и поэтому до нас не дошли. К тому же изготовить бронзовую матрицу с изображением животного, а потом выбить по ней бляху из тонкого металлического листа было в те времена еще технически невозможно. Вероятно, приемы изготовления таких сложных матриц кочевники также позаимствовали в странах Передней Азии, хотя каменные матрицы для изготовления простых украшений были уже известны в андроновской культуре⁴².

Пережитки древнего тотемизма обусловили в сознании людей представления о связи определенных животных с теми или иными силами природы, которые и сделались их символами. Вполне естественно, что фигуры таких животных от частой повторяемости и копирования быстро стали в какой-то степени схематичными и стилизованными. Очевидно, их изображали на разных культовых предметах, в частности на ри-

туальном костюме и иных аксессуарах племенных колдунов-шаманов, но отнюдь не всегда и везде просто из желания порисовать. Ведь только колдуны, по тогдашним представлениям, имели возможности и право путем различных магических действий оказывать нужное влияние на мир «духов» и силы природы. Незыблемые вырабатывавшиеся столетиями традиции родового строя действовали здесь с особенной силой. Вполне возможно также, что ритуальный костюм колдуна не мог иметь металлических фигурок животных и в силу какой-то очень древней традиции.

Немалую роль в развитии «скифского искусства» сыграла, по-видимому, также татуировка. Этот обычай, широко распространенный у всех первобытных народов, требует мастерства рисунка, а значит, довольно верно отражает уровень художественного развития данного племени (например, маори на Новой Зеландии). Несомненно, что она играла не только магическую, но и социальную роль, являясь в какой-то степени прерогативой племенной верхушки. Так, Геродот сообщает, что татуировка была признаком знатности у фракийских племен (V, 6). То же самое мы видим и у ранних кочевников. Чрезвычайно разнообразные и сильно стилизованные фигуры различных животных на теле вождя из 2-го Пазырыкского кургана имели какую-то очень сложную символику и тем самым подчеркивали выдающееся положение украшенного ими человека. Но вместе с тем это прекрасные образцы развитого и уже сильно усложненного звериного стиля, указывающие на гораздо более глубокие традиции, чем такие же изображения на многих вещах из этого захоронения⁴³.

Суммируя изложенное

Мы можем сделать вывод, что тот самый «скифский вкус», несомненное наличие которого прослеживается в Келермесе, Зивие и других курганах, начал складываться в более древние времена, чем появление на исторической сцене ранних кочевников. Развитие скифо-сибирского звериного стиля следует, на мой взгляд, рассматривать

не только в связи с вторжениями в Переднюю Азию, а в первую очередь с быстрым ростом социального и имущественного неравенства, связанного с переходом к кочевому скотоводству.

Стремясь стать над племенем, господствовать не только политически, но и идеологически, вожди кочевых племен старались использовать в своих целях и ту первобытную религию, которая у них была. Вспомним, что процесс классообразования на Древнем Востоке также шел под религиозным флагом («земли бога» в Уре, обожествление фараона в Египте). Видимо, это какая-то общесторическая закономерность. Изображения определенного круга животных, восходящие к тотемизму, бывшие раньше прерогативой лишь колдунов и воплощавшиеся в нестойких материалах, а также тауировка становятся прерогативой вождей.

Во время походов в Переднюю Азию создалась особенно благоприятная обстановка для дальнейшего развития и усложнения этих образов. Стремясь по мере сил подняться до уровня древневосточных владык, кочевая знать использует древние и привычные изображения зверей в организации пышных ритуальных церемоний, в частности погребальных. Их начинают делать из золота и бронзы. Естественно, что на этом этапе крупный вклад в дальнейшее развитие звериного стиля внесли переднеазиатские, а затем и греческие мастера.

В заключение остановимся еще на одном существенном вопросе. Звериный стиль в тех формах, в каких мы его знаем, быстрее и ярче всего мог оформиться там, где были для этого наиболее благоприятные условия. К ним можно отнести следующее: сырье — золотая, медная и оловянная руда и технические сооружения по ее добыче, обогащению и плавке, материалы — готовые металлы и набор необходимых приспособлений для отливки сложных матриц, плющения золота, вставки инкрустаций, зерни и т. п., мастера — в достаточной степени специализированные, с необходимыми для такой тонкой работы навыками и опытом. Словом, этот стиль мог возникнуть там, где были исходный продукт, оборудование, инструменты для его переработки и люди с определенными производственными и художественными традициями.

Естественно, что эти условия распространялись на всей огромной территории степной полосы Евразии отнюдь не равномерно. Судя по всем данным, наиболее благоприятными районами для изготовления шедевров кочевнической торевтики должны были быть крупные металлургические центры того времени, в первую очередь Северо-Кавказский и Восточно-Казахстанский⁴⁴. Вспомним, что особенности восточного и западного исполнения фигуры «летающего» оленя связаны именно с этими районами. Но из этого, конечно, не следует, что всю традицию скифо-сибирского звериного стиля нужно связывать только с ними. Золото и медь добывали еще во многих местах Казахстана и Урала, на Енисее, в Средней Азии, в Восточной Европе и на Балканах. Например, самые крупные древние работы на золото той эпохи находятся в Кокчетавской области. Но все же наилучшая производственная база и наиболее искусные мастера, несомненно, должны были сосредоточиваться в крупнейших металлургических центрах.

Как ни легко было передвижение по степи, а экономико-географические особенности отдельных районов должны были сказываться. Можно привести очень удивительный факт, что не у каждого скифского вождя были люди, умевшие делать нужные изображения животных. Т. Н. Книпович обратила внимание на один забытый курган, раскопанный в 1869 г. у с. Криворожье на р. Калитве в Ростовской области. В нем были найдены два сосуда местной работы, ионийский глиняный сосуд в виде головы барана начала VI в. до н. э., серебряная головка быка, по заключению Н. Д. Флит-нер, позднеавилонской работы и золотой венец катуш-кообразной формы, надевавшийся на шлем, аналогичный келермесскому. Остальной инвентарь этого погребения не сохранился. Видимо, здесь потребность в вещах звериного стиля, несмотря на явное богатство умершего, пришлось удовлетворять только за счет импорта. Это очень существенное обстоятельство, прямо указывающее на то, что мастера-ювелиры изготавливали свои изделия не всюду, где на них был спрос, а были связаны с определенными производственными центрами, где им могли быть обеспечены наилучшие условия для их работы, в частности для отливки матриц.

Так обстоит сейчас дело с проблемой происхождения «скифского искусства». Мы видели, что незачем искать его корни в Северо-Западном Иране, так как многие археологические факты противоречат этим гипотезам. С другой стороны, мы пока не знаем и в степной полосе таких художественных изделий, которые непосредственно можно было бы с ним связывать. Эта загадка наукой еще не разгадана, хотя и намечаются пути к ее разрешению. Благодаря работам советских археологов с каждым годом накапливается все новый и новый материал.

Дальнейшие исследования, несомненно, позволят в конце концов окончательно решить эту проблему. Однако уже и сейчас публикуемые здесь материалы из Чиликтинской долины проливают яркий свет на культуру кочевников I тысячелетия до п. э. и занимают почетное место в ряду памятников искусства, которые по старой привычке мы называем «скифским».

Список принятых сокращений

- ЛВИУ — И. М. Дьяконов. Ассиро вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, №"2, 3, 4.
- БДИ — «Вестник древней истории», журнал.
- ВКАЭ — Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция.
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
- ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж, Ленинград.
- ИА — Институт археологии АН СССР.
- ИАК — «Известия археологической комиссии».
- ИЭ — Институт этнографии АИ СССР.
- КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР».
- КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР».
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- МАР — «Материалы по археологии России».
- МАЭ АН СССР — Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград.
- МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
- ОАК — «Отчеты археологической комиссии».
- ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
- РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РГО — Русское географическое общество.
- СА — «Советская археология», сборники, с 1957 г.— журнал.
- САИ — «Археология СССР. Свод археологических источников» (серия публикаций).
- СЭ — «Советская этнография», журнал.
- ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция Академии наук Туркменской ССР.
- ESA — «Eurasia Septentrionalis Antiqua».

Список пунктов находок
втульчатых наконечников стрел

а) Асимметрично-ромбические

Алтай и Восточных! Казахстан

1. Славянка, дер., курган, Восточно-Казахстанская обл. ВКАЭ — 1954 (рис. 7, 1—2).
2. Юпитер, дер. То же. ВКАЭ — 1954 (рис. 7, 3—6).
3. Семипалатинские дюны, сборы на выдувах. МАЭ АН СССР, колл. 3211 (рис. 7, 7—9) ¹.
4. Большая Речка, поселение, Алтайский край. БЕ-VII, мог. 61². о. «Алтай», случайная находка ³.
6. «Змиевский курган», Семипалатинская обл. ГИМ, № 386 i, колл. В. В. Радлова (рис. 7, 10).
7. Кипринская дер., курган, Кулундинская степь ⁴.
8. «Сибирь» ⁵.

¹ А. А. Спицын. Археологический альбом. «Записки Русского археологического общества», т. XI. Пг., 1915.

² М. П. Г р я з н о в. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48. М.—Л., 1956, табл. XVIII.

³ М. П. Г р я з н о в. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII. М.—Л., 1947, рис. 5, 2.

⁴ A s p e l i n. Antiquite du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877, рис. 256—258.

⁵ A s p e l i n. Указ. соч., рис. 266.

Минусинская котловина

1. Кара-курган, курган 2, погребение П⁶.
2. Абаканская управа, 1899, курган 5, погребение I. То же.
3. Кочергино, курган 9, погребение II. То же.
4. Галактионово, курган 8. То же.
5. Тесь. Большой курган. То же.
6. Базуново, курган 5, погребение 2⁷.
7. Минусинский музей, случайные находки — 4 экз. ⁸

Средняя Азия

1. Айдынкул IV, курган, Памир⁹.
2. Аблык, Ташкентская обл.¹⁰
3. Гяур-Кала, Марыйская обл., Туркменская ССР ¹¹.
4. Чуйская долина, случайные находки, Киргизская ССР.
5. Уйгарак, могильник, низовья Сыр-Дарьи (раскопки Хорезмской экспедиции, 1962 г.).

⁶ С. В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9. М., 1949, стр. 120, табл. Д.

⁷ S. Rudonko. Les sepultures de l'epoque des kourgane> de Minoussinsk L'Anthropologie, t. XXXIX. Paris, 1929, рис. 11

⁸ «Альбом фотографий медных и бронзовых экспонатов с № 1 по № 10126 Археологического государственного музея имени Н. М. Мартыанова в г. Минусинске». Хранится в МАЭ АН СССР № 4022-1. См. также: И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. 1. Томск, 1908, табл. II. Следует

отметить, что наконечников стрел этого типа с шипом на Алтае всего один экземпляр (М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа...), а в Минусинской котловине — два (Ю. С. Гришин. Производство тагарскую эпоху. МИА, Л"» 90. М., 1960, стр. 135), западнее же их гораздо больше.

⁹ Б. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. «Археологические работы в Таджикистане», вып. VII (1959 г.). Душанбе, 1961. Найдены в кургане более позднего времени на поясе погребенного, где они были использованы как подвески, вероятно, амулеты. Такие случаи не единичны (А. Г. М о ш к о в а. О раннесарматских втульчатых стрелах. КСИА, вып. 89. М., 1962).

¹⁰ М. Е. М а с с о н. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

¹¹ Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве. «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949.

Поволжье и Приуралье

1. г. Камышин, случайные находки, сборы Павельсва¹².
2. Куйбышевский музей, случайные находки¹³.
3. Терновка, дер. у г. Камышина, случайные находки, сборы Ф. В. Баллода¹⁴.
4. Цветочное (б. Блюменфельд), курган А-12, Волгоградская обл.¹⁵.
5. Политотдельское, могильник, Волгоградская обл., курган 4¹⁶.
6. Черниговский нос. у Магнитогорска, из кургана¹⁷.
7. Калиновский могильник, Волгоградская обл.¹⁸.

Северное Причерноморье

1. Днепровский лиман, сборы П. О. Бурачкова¹⁹.
2. Малая Цимбалка, курган 2, Нижнее Поднепровье²⁰.
3. Симферополь, в кургане²¹.
4. Жаботин, с, курган 524, Среднее Поднепровье²².
5. Журовка, с, курган 406. То же²³.

¹² К. Ф. Смирнов. Вооружение савватомов. МИА, № 101. М., 1961, рис. И, 1—5.

¹³ P. R a u. Die Graber der friihen Eisenzeit in unteren Wolgagebiet. Pokrogsk, 1929, табл. XIV, SB.

¹⁴ К. Ф. Смирнов. "Указ. соч.", рис. 11, Б.

¹⁵ В. Г г а к о в. Monuments de la coulure scythique entre Volga et les monts Oural. ESA, III. Helsinki, 1928; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., рис. 16,4.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. "Указ. соч.", рис. 12, Ж.

¹⁷ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. «Материалы по археологии восточных губерний», т. III. М., 1899, табл. 6, 17; P. R a u. Die Graber der friihen Eisenzeit..., табл. XIV, B.

¹⁸ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИЛ, № 60, М., 1959, рис. 38, 6.

¹⁹ И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры. «Труды ГИМ», вып. 36. М., 1959, табл. II.

²⁰ А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, рис. 71; Р. В. аи. Указ. соч., табл. XIV.

²¹ А. А. Щ е п и н с к и й. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА АН УССР, вып. 12. Киев, 1962.

²² А. А. Б о б р и н с к и й. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 г. ИАК, вып. 60. Пг., 1916; П. Д. Л и б е р о в. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.

²³ А. А. Б о б р и н с к и й. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, вып. 14. СПб., 1905; П. Д. Л и б е р о в. Хронология памятников Поднепровья...

6. Чигирин, г., курган 401. То же²⁴.
7. Аксютинцы, с, курган 4. То же²⁵.
8. Прохоровка, с, сборы на дюнах. То же²⁶.
9. Бутенкп, с, курган. То же²⁷.
10. Каменское городище, сборы на дюнах. То же²⁸.
11. Глинище, с, курган. То же²⁹.
12. Изюм, сборы Н. В. Сибилева в окрестностях города. То же³⁰.
13. Гуляй-город, с, курган 38. То же³¹.
14. Чернышевская станица, случайная находка, Нижний Дон³².
15. Некрасовская станица, курган. То же³³.
16. Липинское городище, Курская обл.³⁴.

Кавказ

1. Келермеская станица, раскопки 1903 и 1904 гг., Северный Кавказ³⁵.
2. Алексеевский хутор, случайная раскопка кургана, Северный Кавказ³⁶.
3. Божиган, с, в кургане V—IV вв. до н. э., Северный Кавказ³⁷.

²⁴ P. R a u. Die Graber der friihen Eisenzeit..., табл. IV, 2, d.

²⁵ P. Rau. Указ. соч., табл. III, 2.

²⁶ М. Максимович. Украинские стрелы. «Древности. Археологический вестник», сентябрь-октябрь. М., 1867.

²⁷ Г. Т. К о в п а н е н к о. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы. КСИА АН УССР, вып. 12. Киев, 1962.

²⁸ Б. Н. Г р а к о в. Новые находки скифского времени в Каменском городище на Днепре. «Историко-археологический сборник (в честь А. В. Арциховского)». МГУ, 1962.

²⁹ ОАК, 1895; Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья. СА, I. М.—Л., 1936.

³⁰ П. Д. Л и б е р о в. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № ИЗ. М., 1962.

³¹ А. А. Б о б р и н с к и й. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела, т. I. СПб., 1888, табл. IV.

³² «Труды VIII археологического съезда». М., 1897, табл. 83;

А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII. М., 1953, рис. 10.

³³ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, рис. 8.

³⁴ Ю. П. М а н ы л о в. О находках вещей скифского типа на Липинском городище Курской области. «Археологический сборник», изд. МГУ, 1961.

³⁵ P. R a u. Die Graber der friihen Eisenzeit..., табл. 1.

³⁶ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. ..., рис. 7.

³⁷ Е. И. К р у и н о в. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2.

4. Кобань, с, случайная находка, Северный Кавказ, музей г. Орджоникидзе³⁸.
5. Цукурский лиман, случайная раскопка кургана, Тамань³⁹.
6. Вештау-гора, случайная находка клада, Пятигорск⁴⁰.
7. Нестеровский могильник, Северный Кавказ⁴¹.
8. Чми, могильник, Северный Кавказ⁴².
9. Самтаврский могильник, погребение 592, Грузия⁴³.
10. Мусхиери, могильник, могила 242. То же.

Передняя Азия

1. Хайдаберд, район оз. Ван⁴⁴.
2. Таре, с комплексом предметов VII—VI вв. до н. э.⁴⁵
3. Нимруд, городище⁴⁶.
4. Герар, городище⁴⁷.
5. Моссул, бронзовая литейная форма для отливки двух- и трехлопастного наконечников стрел⁴⁸.
6. Аль Мина, городище⁴⁹.
7. Алишар, городище, Малая Азия⁵⁰.

³⁸Gallus et Horvath. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. «Dissertationes panonicae», ser. II, № 9. Budapest, 1939, табл. LXXXVIII.

³⁹Е. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63. Пг., 1917; Р. Рап. Указ. соч., табл. II.

⁴⁰А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. ...

⁴¹Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, рис. 48.

⁴²П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. «Материалы по археологии Кавказа», вып. VIII. М., 1900, табл. VII

⁴³Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1909.

⁴⁴И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956, рис. 44.

⁴⁵H. Goldman. Excavations at Gozlii-Kule. Tarsus, vol. III. Princeton, 1963, табл. 174.

⁴⁶D. S t g o p a s h. Metal Objects from the 1957 Excavations at Nimrud, табл. XXIII.

⁴⁷F. Petrie. Gerar. London, 1928.

⁴⁸H. N. C o g h l a n. Coasting Moulds made in Metal. «Man», LI, 1952.

⁴⁹C. L. W o o l l e y. The Excavations at Al-Mina Suedia. «The Journal of Hellenic Studies», vol. LVIII. London, 1938.

⁵⁰Е. F. Schmidt. Anatolia through the Ages. «Oriental Institute Communications», 1931, № 11, рис. 196; St. P e t e r s k i. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500— 700 vor Chr. Leiden, 1939, табл. X, 8.

1. Ендже, могила 2, погребение 1, Болгария⁵¹.
2. Трансильвания, скифское погребение, Румыния⁵².
3. Эркед, скифское погребение, Венгрия⁵³.
4. Заборье, с, случайные находки, Московская обл.⁵⁴

б) Листовидные Центральный

К а з а х с т а н

1. Дындыбай, погребение И, Карагандинская обл.⁵⁵
2. Бегазы, ограда 2. То же⁵⁶.
3. Атасуйский могильник. То же.

Все три наконечника — в могильниках позднеандоновской культуры, датируемой IX—VIII вв. до н. э.

С р е д н я я Азия и Семиречье

1. Тагискен, могильник, мавзолей 4 и 7, низовья Сыр-Дарья⁶⁷.
2. Покровка, с, случайная находка, Чуйская долина³⁸.
3. Садовое, с, Чуйская долина, случайная находка (Ист. музей Киргизской ССР, г. Фрунзе).
4. Кетмень, гора, случайная находка, Алма-Атинская обл.

⁵¹Р. Попов. Могильник гробов при с. Ендже. «Изв. на Българския Археологич. Институт». София, 1962.

⁶²I. N. C g i s a n. Un akinakes inedit din musel Fagaras., «Omăgiu lui Constantin Daicoviciu», 1961, рис. 2.

⁶⁵M. R o s k a. Der Bestand der skythischen Altertumer Siebenbürgens. ESA, XI. Helsinki, 1937, рис. 12.

⁵⁴В. А. Г о р о д ц о в. Старшее Каширское городище. «Изв. ГАИМК», вып. 85. М.—Л., 1933.

⁵⁵М. П. Г р я з н о в. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI. М.—Л., 1952.

⁵⁶Л. Р. К ы з л а с о в, А. Х. М а р г у л а н. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, вып. XXXII. М.—Л., 1950.

Приведенный список претендует на полноту только в части Алтая и Средней Азии. Данные по Поволжью и Приуралью основываются на монографиях К. Ф. Смирнова и П. Рау. Сведения по остальным районам приведены также только по литературным источникам.

⁵⁷С. П. Т о л с т о в, Т. А. Ж д а н к о, М. А. И т и н а. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958—1961 гг. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6. М., 1963, рис. 18.

⁵⁸«Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина (под ред. А. Н. Бернштама)». МИА, № 14. М.—Л., 1950, табл. XLI.

- 5 Аулыгаш, урочище, случайная находка, Алма-Атинская обл.⁵³
 6. Кой-крылган-кала, Хорезм⁶⁰.
 7. Якке-Парсан 2, Хорезм⁶¹.
 8. Кокча, Хорезм⁶².
 9. Кайрак-Кумы, пески, сборы на выдувах, верховья Сыр-Дарьи⁶³.
 10. Бричмулла, кишлак, случайная находка, р. Чирчик⁶⁴. И. Ташкентский канал, случайная находка⁶⁵.
 12. Ташкентский музей, происхождение неизвестно, колл. П. С. Назарова⁶⁶.
 13. Варахша, Бухарский оазис⁶⁷.
 14. Вуадиль, могильник андроновской культуры, Фергана⁶⁸.
 15. Калаи-Мир, городище, в слое VII—V вв. до н. э., Кобадиян I, р. Кафирниган⁶⁹.
 16. Куин-кую, колодцы, на выдувах, Марыйская обл., Серахский р-н (сборы А. М. Мандельштама, 1962 г.).
 17. Анау, «Южный курган», Ю. Туркмения⁷⁰.
 18. Дахистан, Ю. Туркмения.
 19. Яз-депе I, II, поселение. То же⁷¹.

⁶⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88. М.—Л., 1960, стр. 162.

⁶⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 24.

⁶¹ М. А. Итин а. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.). «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6. М., 1963, рис. 12, 13.

⁶² С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 74.

⁶³ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, табл. 53.

⁶⁴ А. И. Тереножкин. Клад андроновских изделий из с. Брич-Мулла близ Ташкента. СА, 1962, № 3.

⁶⁵ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 162.

⁶⁶ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, табл. 40, 19.

⁶⁷ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 9, 1.

⁶⁸ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3.

⁶⁹ М. М. Дьяков. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). МИА, № 37. М.—Л., 1953, рис. 19.

⁷⁰ R. P. H. R. R. Explorations in Turkestan. Washington, 1908, рис. 281.

⁷¹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73. М.—Л., 1959, рис. 32, 34. В упомянутой работе В. М. Массона на рис. 12 есть таблица «Бронзовые наконечники стрел из Средней Азии, Ирана и Афганистана», где дано их хронологическое определение. Весьма незначительное количество приведенного в ней материала лишает эту таблицу должной доказательности.

в) Ромбические в сечении со скрытой втулкой

Поскольку этот тип в литературе до сих пор не рассматривался, приведу список известных мне находок:

1. Себинский пикет, случайная находка, Восточно-Казахстанская область (ГИМ, № 3602, колл. Радлова, рис. 7, 12).
2. Николаевский прииск. То же (ГИМ, № 44803, рис. 7, 11).
3. «Алтай» (ГИМ, № 55738, колл. Спасского).
4. Еген-булак, раскопки кургана Бобковым в 1910 г. То же (МАЭ, № 1726).
5. Семипалатинские дюны (МАЭ, колл. № 3211)⁷².
6. «Сибирь»⁷³.
7. Киик-су, курган 5, Карагандинская обл.⁷⁴
8. Текели, случайная находка, Алма-Атинская обл.
9. Минусинский музей, случайная находка⁷⁶.
10. Памир.
- И. Котловский могильник, Кама⁷⁶.

Судя по находкам в курганах Киик-су и Котловского могильника, этот тип наконечников стрел также может быть отнесен к началу VI в. до н. э. На других территориях, где распространены «скифские стрелы», наконечники ромбической в сечении формы со скрытой втулкой, насколько мне известно, не встречаются. Трехперые наконечники с черешком распространены также главным образом на Востоке.

⁷² А. А. Спицын. Археологический альбом.

⁷³ A s p e I i p. Antiquite du Nord Finno-Ougrien, рис. 260.

⁷⁴ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 166.

⁷⁵ Д. К л е м е н ц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. VII, 15.

⁷⁶ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 20. М., 1952, табл. XIX, 39.

Приложение 5

Описание раскопок кургана 7 центрального могильника Чиликтинской долины в 1949 г.

Диаметр 42 м, высота 3 м (табл. XXII), имел земляную насыпь правильной круглой формы, покрытую редкой жесткой травой. Поверхность насыпи ровная, без каких-либо ям и западин, следов ограбления нет. Раскоп произведен лопатами, 7-метровой траншеей через весь курган с С на Ю с прирезками по могильной яме. На вершине кургана на глубине 30 см обнаружены сильно истлевшие остатки деревянного столба диаметром 0,1 м, стоявшего вертикально. С глубины 50 см и ниже изредка попадаются кости животных (корова, овца, лошадь), большей частью разломанные. Курганная насыпь состоит из мелкой гальки с землей и битой глины с прослойками галечника. Галечник с землей составляет и покрытие кургана толщиной 0,3—0,4 м. Галечник взят на месте, глина привезена за 100 м с берега высохшей сейчас речки.

На глубине 2,4—3,0 м от вершины обнаружены концы лиственничных бревен диаметром 0,15—0,40 м, которые перекрывали могильное сооружение, простирающееся с востока на запад. Под тяжестью курганной насыпи бревна сломались и провалились внутрь сооружения под углом 45—60°. Поверх бревен залегает слой битой глины, а выше — слой земли с галькой. В восточном борту раскопа видно, что битая глина немного осела над ямой и слей ее прогнулись книзу. Для исследования могильного сооружения в восточном и западном борту траншеи были сделаны прирезки. Общая длина раскопа с В на З — 14 м. Могильная яма расположена немного к западу от центра кургана и имеет круглую форму диаметром 3,5 м. Выкопана на глубину 1,5 м от древней поверхности почвы, немного ниже горизонто-грунтовых вод, в материковом галечнике. Ввиду сырости почвы строителями кургана яма была вновь засыпана на высоту 0,60 м. На этом уровне и было устроено погребение. В насыпи были найдены астрагал барана и обломок кости животного. Могильная яма была перекрыта плотным накатом из лиственничных неокоренных бревен, концы которых лежали на двух продольных бревнах длиной в 6 и 4 м. Поверх бревен было насыпано немного крупных камней, выше которых идет насыпь. Камни и лиственница привезены с гор, окружающих Чиликтинскую долину.

От ямы прямо на восток отходит выкопанный в грунте дромос длиной 5 м, шириной 1,0—1,10 м и глубиной 0,9—1,2 м. Он также был перекрыт бревнами, но положенными с проме-

жутками в 0,15—0,20 м, поверх которых также было навалено немного камней. Через 5 м дромос расширяется в вытянутой формы яму шириной 1,90 м и длиной в раскопанной части 3,40 м. Яма также перекрыта бревнами, но каменного завала нет. Курганная насыпь лежала прямо на бревнах. Конец дро-моса не доисследован ввиду трудоемкости дальнейшей прирезки. В восточной части могильного сооружения на глубине 3,5 м был найден обломок мраморного предмета с хорошей полировкой в виде круглого в сечении стерженька с уплощенным боком, оканчивающегося круглой головкой. Длина обломка 2,5 см (табл. XXIII, 9). В конце узкой части дромоса на той же глубине было найдено бронзовое шило длиной 6 см, круглое в сечении, с уплощенным черенком (табл. XXIII, 8). На границе дромоса и могильной ямы на глубине 3,20 м найдены 4 астрагала барана, лежавшие кучкой; один из них имеет просверленное углубление (табл. XXIII, 10). В самой могильной яме, в центральной части ее и у входа в дромос обнаружены следующие предметы:

1. Разрозненные кости человеческого скелета (обломки бедренных костей, крестец, ребра, позвонки, обломки черепа, нижняя челюсть, три зуба из верхней челюсти, ключица). Нижняя челюсть имеет заросшие альвеолы. На подбородке следы сильного удара рубящим орудием, нанесенного задолго до смерти. Кости принадлежат мужчине старческого возраста. Антропологический тип — андроновский (определение проф. В. В. Гинзбурга). Ребра и позвонки сильно окрашены окисью меди, однако никаких бронзовых предметов около костей найдено не было. Возможно, что это остатки украшений из тонких бронзовых листочков, совершенно окислившихся в сырой почве.

2. Золотые украшения штампованные и вырезанные из тонкого золотого листка:

а) Бляшка в виде оленя с поджатыми ногами. Хвост и рога трактованы в виде голов птиц (табл. XXIII, 1).

б) Бляшки, изображающие орлов, той же формы, что и в кургане 5, но более грубо сделанные и без вставленных глаз из бирюзовых бусинок, — 3 экземпляра (табл. XXIII, 2).

в) Изображение рыбы, вырезанное из золотой фольги (табл. XXIII, 6).

г) Бляшки сегментовидной формы с пунсонным орнаментом — 2 экземпляра (табл. XXIII, 3—4).

д) Обрывок золотого листочка (табл. XXIII, 5).

Все бляшки хорошей сохранности, но сильно измяты.

3. Железный нож без рукоятки со следами деревянных ножен, конец которых обернут золотым листочком (табл. XXIII, 7).

4. Кабаний клык с просверленным в широкой части отверстием (табл. XXIII, 11).

5. Проколка из трубчатой кости (табл. XXIII, 12).

6. Костяная трубочка (табл. XXIII, 13).

Все предметы и кости человека лежали в беспорядке в завале камней и бревен, упавших сверху.

Исследование этих предметов с помощью бинокулярной лупы с увеличением до 200 крат, произведенное проф. С. А. Семеновым, показало следующее:

1. Нож находился в деревянных ножнах, обтянутых кожей с золотым кончиком.

2. Фигурные бляшки (олень и птица) сделаны из золотого листка путем наколывания его на твердую основу-матрицу с врезанным изображением. Все бляшки имеют на обратной стороне остатки какого-то смолообразного вещества или клея, за полнявшего их выпуклости, с помощью которого они, видимо, приклеивались (а не нашивались) на какую-то ткань или войлок.

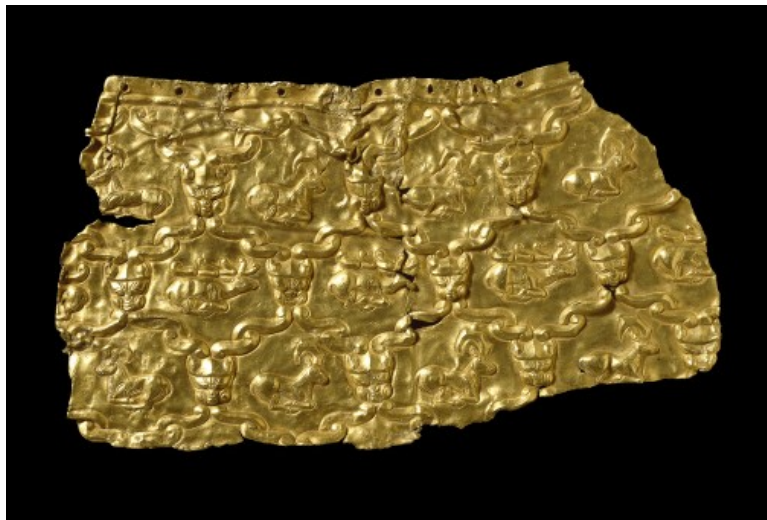
3. Бляшки с пунсонным орнаментом. Орнамент нанесен ударами металлического острия по тонкому золотому листку, положенному на упругое основание. Сильными ударами золотой листок кое-где пробит. После нанесения орнамента края были обрезаны ножом. Эти бляшки на что-то нашивались, так как имеют по два маленьких круглых отверстия с двух сторон.

4. Бляшка в виде рыбы грубо вырезана ножом из золотого листка. Скорее всего была пришита ниткой поперек туловища или за плавники.

5. Бронзовое шило на глубину около 1 см было вправлено в деревянную рукоятку.

6. Мраморный предмет. Бок был сошлифован на камне позднее.

Никаких следов грабительского хода в процессе раскопок обнаружить не удалось. Скорее всего ограбление было произведено через дромос путем подкопа сбоку, до того, как бревна, его перекрывавшие, обвалились вниз, однако после того, как труп окончательно разложился.

Сергей Сергеевич
Черников

ЗАГАДКА
ЗОЛОТОГО
КУРГАНА

Утверждено к печати Институтом археологии
АН СССР

Редактор издательства А. Е. Сидоренко   Художник   Б.
К. Шаповалов   Технический редактор Н. Д.
Новичкова

Сдано в набор 22/ХМ 1964 г.

Подписано к печати 8/Ш 1965 г.

Формат 84ХЮ8/з2- Печ. л 6 + 2 вкл 9,84 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 9,2 + 0,3 вкл. (9,5 уч.-изд. л.). Тираж 26 000 экз. Т-00645

Изд. № 4314/04. Тип. зак. № 1599. Темплан 1965 г., № 1161

Цена 57 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10